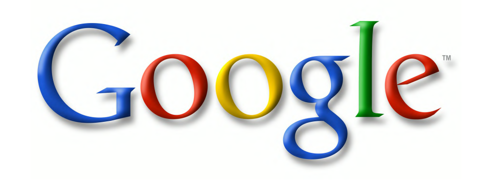
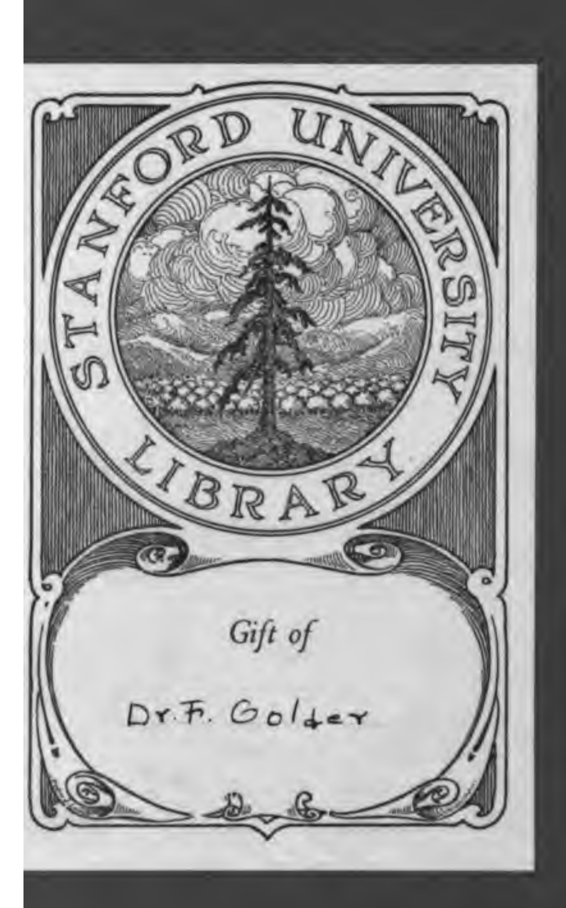

Nikolai, bp. of Aleutian Islands and
Alaska.

Iz moego dnevnika.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARY
Gift of
Dr. F. Golder

ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

II.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ И ЗАМѢТКИ

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ

НА ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ ВЪ Г. ЧИКАГО

и

ПУТЕШЕСТВІЯ ПО АМЕРИКАНСКИМЪ СОЕДИНЕННЫМЪ ШТАТАМЪ.

Преосвященнаго Николая,

ЕПИСКОПА АЛЕУТСКАГО И АЛЯСКИНСКАГО.

Изданіе редакціи журнала „Церковныя Вѣдомости“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1894.

ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

(Мои впечатлѣнія и замѣтки во время пребыванія на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго и — путешествія по Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ).

.... Въ Чикаго меня влекла не одна выставка: мнѣ хотѣлось, кромѣ выставки, видѣть еще и своихъ соотечественниковъ и послужить имъ въ ихъ духовныхъ нуждахъ, а затѣмъ—ближе ознакомиться и съ другимъ міромъ, міромъ инославнымъ—въ его чувствахъ, стремленіяхъ, идеалахъ,—особенно же съ старокатолическимъ и уніатскимъ движеніями, замѣтно обнаружившимися въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго года, и къ которымъ, въ силу своего положенія въ Америкѣ, я долженъ былъ стать въ такія или иныя отношенія.

Все, что нужно было приготовить къ встрѣчѣ и пріему дорогихъ соотчичей, имѣвшихъ прибыть на всемірное состязаніе народовъ, мною было сдѣлано заблаговременно: помѣщеніе для церкви было законтрактовано на годъ впередъ, священникъ для совершенія требъ былъ командированъ тоже за годъ ранѣе, потребныя вещи для церкви частію вновь пріобрѣтены, а частію взяты изъ запасовъ каѳедральной церкви; оставалось еще только одно: ѣхать самому и ждать желанныхъ гостей.

Такъ какъ составъ моего клира въ Санъ-Франциско, вслѣдствіе командировки священника Амвросія Вретты въ Чикаго, іеромонаха Севастіана въ Миннеаполисъ, а бывшаго протодіакона Соболева—въ Ситху, былъ крайне ограниченъ, то я рѣшился,

оставивъ въ Санъ-Франциско священника Гринкевича и своего келейника Зубковскаго, ѣхать только съ двумя лицами: іеромонахомъ Николаемъ, который былъ въ то же время и регентомъ, и Джономъ Спайчемъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поваромъ нашимъ. Я предполагалъ, что іеромонахъ Николай сумѣетъ организовать изъ любителей прихожанъ порядочный хоръ *),—тѣмъ болѣе, что всѣ вновь возсоединенные русины и сами вообще народъ музыкальный, да и по заведенному у нихъ издавна обычаю привыкли къ тому, чтобы пѣніе въ церкви было общее. Вмѣстѣ съ этимъ, на подмогу чикаговскому хору, я предполагалъ вызвать еще изъ Миннеаполиса псаломщика Зайченко и нѣсколько человѣкъ пѣвчихъ изъ тамошняго хора.—Къ сожалѣнію, всѣ эти мои планы были разрушены самымъ безпощаднымъ образомъ и на самыхъ же первыхъ порахъ. Іеромонахъ Николай предъ самымъ отъѣздомъ заболѣлъ, и такъ серьезно, что его слѣдовало отправить въ больницу, а потомъ и совершенно уволить отъ службы въ Алеутской епархіи; миннеаполисскіе пѣвчіе, какъ люди рабочіе, не могли пріѣхать, а свои чикаговскіе любители безъ регента никакъ не могли долгое время наладиться; вслѣдствіе этого приходилось очень часто служить съ однимъ Зайченко да съ двумя тремя любителями изъ пріѣзжихъ на выставку русскихъ комиссаровъ.

Изъ Санъ-Франциско до Чикаго можно ѣхать нѣсколькими путями, изъ коихъ главнѣйшіе суть: North pacifique, Union pacifique и Santa-Fe. Такъ какъ кратчайшій путь есть линія Тихоокеанская, центральная (Union), и такъ какъ на этомъ пути сравнительно болѣе удобствъ, то я выбралъ этотъ путь предпочтительно предъ другими, по которымъ я уже ѣздилъ прежде нѣсколько разъ. Къ этому еще побуждало меня и то, что отправляясь этимъ, а не другимъ путемъ, я могъ поспѣть къ открытію выставки, т. е. къ 1 мая по новому стилю. Путешествіе по желѣзнымъ дорогамъ въ Америкѣ представляетъ болѣе удобствъ сравнительно съ путешествіемъ по европейскимъ дорогамъ,—по крайней мѣрѣ я не

---

*) Нашъ архіерейскій хоръ, послѣ закрытія «богословской» школы, состоитъ преимущественно изъ любителей и любительницъ церковнаго пѣнія.

встрѣчалъ такихъ удобствъ, какъ здѣсь, ни въ Австріи, ни въ Германіи, ни даже во Франціи. Для духовенства же американскія желѣзныя дороги имѣютъ безусловно большее значеніе, чѣмъ всѣ дороги въ мірѣ, ибо здѣсь всѣмъ лицамъ духовнаго званія, безъ различія вѣроисповѣданій, дается исключительное преимущество—именно скидка половины всей стоимости билета 1 класса. Чтобы получить такой билетъ, для этого не требуется большой процедуры: надобно только самому явиться *въ оффисъ*, или управленіе желѣзнодорожное, и предъявить документъ, что ты дѣйствительно *Révérend*, т. е. лицо посвященное,—и больше ничего. На пароходахъ такой льготы нѣтъ, хотя нѣкоторыя общества, напр. на Аляскѣ—Сѣверная Компанія, и дѣлаютъ скидку 15% съ общей стоимости билета, но это исключеніе. Есть и еще одна—и большая выгода на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ, это въ отношеніи багажа: въ то время какъ у насъ напр. и въ другихъ европейскихъ государствахъ дозволяется имѣть багажа безплатно не болѣе 40 ф., на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ каждому пассажиру дозволяется имѣть безплатно 150 ф. При поѣздахъ есть спальные вагоны (Sleepingcar), столовыя, умывальныя комнаты, курительныя и др., словомъ—вся обстановка ежедневной комфортабельной жизни самаго избалованнаго янки.

Поѣздà здѣсь ходятъ очень быстро и рѣдко останавливаются на станціяхъ; поэтому очень часто приходится по нѣсколько сутокъ сидѣть въ вагонѣ, не выходя на свѣжій воздухъ. Такъ бываетъ преимущественно на молніеносныхъ поѣздкахъ, которые ходятъ между Нью-Іоркомъ, Чикаго, Филадельфіей и Вашингтономъ и нѣкоторыми другими городами. Быстрота на этихъ поѣздахъ доходитъ до головокруженія, слабонервные закачиваются до рвоты, точно на пароходѣ. Когда я ѣхалъ изъ Чикаго въ Филадельфію, одна мистрисъ, сидѣвшая въ сосѣднемъ со мною отдѣленіи, всю дорогу страдала этою *болѣзнію*, которую слѣдуетъ назвать уже *не морскою*, а *желѣзнодорожною*.—Есть еще одно неудобство на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ, особенно для иностранцевъ: это обычай не сказывать станцій, а равнымъ образомъ перемѣны поѣзда. Каждый долженъ самъ знать это, для чего въ каждомъ вагонѣ выкладываются карты съ подробнымъ опи-

*

саніемъ движенія, остановокъ и проч. Но это все хорошо для того, кто предварительно ознакомился уже и съ языкомъ страны, и съ ея географіей; для того же, кто ѣдетъ впервые, трудно бываетъ оріентироваться во всемъ хаосѣ именъ, цифръ и всевозможныхъ знаковъ. Я напр. ѣхалъ по *Union pacifique* уже въ пятый разъ, а всетаки въ Консель-Блюфѣ (Cunsels Bluf) попалъ на поѣздъ другой линіи, а не своей, и долженъ былъ заплатить штрафу 25 дол., ибо въ противномъ случаѣ приходилось рисковать остаться въ глухую ночь на одномъ изъ полустанковъ и тамъ до свѣта ждать обратнаго поѣзда...

Санъ-Франциско мы оставили въ среду на Ѳоминой недѣлѣ, т. е. 14—26 апрѣля въ $6^1/_2$ ч. вечера, послѣ напутственнаго молебна, отслуженнаго всею братіей, въ присутствіи консула В. А. Арцимовича. Санъ-Франциско мы оставляли во всемъ великолѣпіи калифорнійской весны—въ цвѣтахъ, благоуханіи и въ изобиліи плодовъ земныхъ. Хотя въ Санъ-Франциско вѣчная весна (снѣгу не бываетъ) и все круглый годъ въ зелени и цвѣту, тѣмъ не менѣе *уреченная весна* даетъ себя чуствовать и здѣсь, и первѣе всего сравнительно большимъ тепломъ, затѣмъ ясностью дней и сухостію воздуха, необыкновеннымъ изобиліемъ цвѣтовъ—особенно розъ и бѣлыхъ лилій, появленіемъ всевозможныхъ ягодъ и пр. Вечеръ былъ прекрасный, тихій и теплый, когда мы въ кэблъ-карѣ *) подъѣхали къ пристани. Прежде чѣмъ сѣсть на поѣздъ желѣзной дороги, намъ нужно было переѣхать на пароходѣ чрезъ заливъ въ гор. Окландъ (Okland), для чего потребно 35 минутъ ѣзды, а затѣмъ уже въ Окландѣ сѣсть на поѣздъ (train) и съ поѣздомъ переѣхать на паровомъ плоту (Feer) чрезъ заливъ въ Веницію и тогда только продолжать путь чрезъ штаты Калифорнію, Неваду, Юту, Невбраску, Айву, Минесоту—въ Иллинойсъ и

*) Кэблъ-кары—особеннаго устройства вагоны, открытые и закрытые, которые двигаются по рельсамъ, но не паромъ и не лошадьми, и не электричествомъ, а канатомъ, проведеннымъ подъ полотномъ дороги и движущимся посредствомъ блоковъ; посему и кварталы здѣшніе называются блоками, такъ какъ на такомъ сравнительно разстояніи устрояются блоки. Кэблъ-кары ходятъ по горамъ и доламъ безпрепятственно; эта система передвиженія изобрѣтена впервые въ Санъ-Франциско.

Чикаго. Перевозка цѣлыхъ поѣздовъ на плотахъ чрезъ заливы и рѣки—въ Америкѣ уже не рѣдкость; равнымъ образомъ и подъемъ на высокія горы тѣхъ же поѣздовъ. Все это совершается несравненно проще, чѣмъ какъ предполагается...

По данному билету (ticket) кондукторъ указалъ мнѣ вагонъ, а негръ-прислужникъ (онъ же и спальникъ)—провелъ меня и указалъ мнѣ соотвѣтствующее отдѣленіе въ Sleeping-car'ѣ, т. е. въ спальномъ салонъ-вагонѣ. Вагоны здѣсь продолговаты и на столько велики, что нашихъ надобно сложить три вагона, чтобы образовать одинъ американскій. Вагонъ, въ которомъ я помѣстился и гдѣ я долженъ былъ провести четверо сутокъ, былъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ издѣлій американской желѣзнодорожной мануфактуры,—это былъ вагонъ знаменитой системы Пульмана. Желтое лакированное дерево, на подобіе корельской березы, свѣтло-коричневый бархатъ съ затканными по нему шелковыми цвѣтами, бронза, позолота, электрическое освѣщеніе, всюду электрическіе звонки, чтобы звать прислугу, превосходная вентиляція, всевозможныя мелочи, придуманныя для удобства пассажировъ,—все это производило самое пріятное впечатлѣніе.

Простившись съ провожавшею меня братіей, я, въ сопутствіи Джона Спайча, помѣстившагося не въ спальномъ вагонѣ, двинулся въ путь. Недолго пришлось, однако же бодрствовать: негръ-слуга пришелъ въ опредѣленный часъ и превратилъ весь вагонъ въ спальное помѣщеніе. Сдѣлалъ это онъ очень скоро и безъ особой суетливости. Подойдя къ пассажиру и попросивъ его сойти съ своего мѣста, онъ быстро сдвигалъ сидѣнья двухъ противоположныхъ дивановъ, затѣмъ вставлялъ съ обѣихъ сторонъ отдѣленія доски, которыя плотно придвигались одной стороной къ стѣнкѣ вагона и образовывали особое отдѣленіе—совершенно изолированное; далѣе—накладалъ на сдвинутые диваны тюфяки, закрывалъ простыней, клалъ подушки, одѣяла, прикрѣплялъ къ шалниру, придѣланному вверху, толстыя шерстяныя драпри и постель готова. Каждый пассажиръ получалъ, такимъ образомъ, совершенно отдѣльный спальный уголокъ со всѣми удобствами. Если бывало очень много пассажировъ, то онъ отодвигалъ еще одну широкую доску въ верхней части вагона, которая въ обыкновенное время крѣпко прилегала къ стѣнкѣ вагона, и осо-

бой пружиной прикрѣплялъ ее надъ постелью перваго яруса, и, такимъ образомъ, создавался второй ярусъ спальныхъ помѣщеній, въ которыя пробраться можно только при подставной лѣстничкѣ. Этотъ же слуга всю ночь не спалъ, наблюдая за порядкомъ, тишиной и спокойствіемъ; на его же обязанности лежало чистить всѣмъ пассажирамъ сапоги, подавать воду, если потребуется это, и пр.

Послѣ суетливо-проведеннаго дня я уснулъ крѣпко; когда же проснулся и взглянулъ въ окно, то увидѣлъ, что мы стоимъ надъ какой-то бездной, вокругъ которой возвышались горы, покрытыя снѣгомъ и льдомъ. Когда я спросилъ—гдѣ мы и что значитъ, что мы стоимъ на одномъ мѣстѣ, то услышалъ отъ негра, что поѣздъ нашъ сошелъ съ рельсовъ и что мы въ горахъ Калифорнійскихъ, недалеко отъ Невады, и стоимъ здѣсь уже четыре часа. Четыре часа!! А мы, пассажиры, находясь на краю бездны и, можетъ быть, гибели, спали крѣпчайшимъ сномъ, ничего не слыша и не разумѣя! Не ясный ли это признакъ, что ангелы хранители наши бодрствовали надъ нами!—Оставили мы это мѣсто уже около 9 час. утра, благодаряще въ душѣ Господа за великую и богатую къ намъ милость...

Природа Калифорніи очаровательна: горы, покрытыя въ вершинахъ своихъ то снѣгомъ, то просто сѣрымъ или краснымъ гранитомъ, скалы, висящія надъ бездной; шумные потоки, падающіе съ горы и пѣнящіеся въ гранитныхъ своихъ ложахъ; зелень, перемежающаяся съ снѣгомъ,—все это напоминало мнѣ нашу военно-грузинскую дорогу съ ея Гудауромъ, Казбекомъ, Арагвой и Терекомъ. Къ сожалѣнію, янки, повидимому, очень равнодушны къ этимъ дивнымъ красотамъ природы: въ своихъ узко-практическихъ стремленіяхъ и цѣляхъ, они большую часть пути по Калифорніи и—какъ нарочно—въ самыхъ живописнѣйшихъ мѣстахъ загородили по обѣимъ сторонамъ досчатымъ заборомъ, а индѣ и просто нагромоздили какихъ то узкихъ корридоровъ, въ которыхъ поѣздъ мчится и днемъ при электрическомъ освѣщеніи вагоновъ. Приходится любоваться видами природы только въ щели этихъ деревянныхъ загражденій и только въ немногихъ мѣстахъ можно видѣть безпрепятственно открытую даль...

Но едва только перевалишь чрезъ Невадскія горы и вступишь въ предѣлы Утахи или Юты, какъ природа рѣзко измѣняется: изъ живописнѣйшей и разнообразнѣйшей она превращается въ скучнѣйшую пустыню — и такъ до самаго Огдена включительно. Степь, степь песчаная, индѣ солончаковатая, безъ признаковъ жилья; пыль и притомъ пыль ѣдкая, известковая, всепроникающая, вотъ общее впечатлѣніе отъ этой мѣстности! Все это дѣйствуетъ какъ-то тоскливо на душу; не знаешь, чѣмъ развлечься, чѣмъ занять свое воображеніе... Только изрѣдка на станціяхъ ваше вниманіе останавливается на жалкихъ представителяхъ индійскаго племени,—тѣхъ краснокожихъ, съ которыми еще съ дѣтства сжилось наше воображеніе, благодаря описаніямъ Майнъ-Рида и Купера; но увы,—эти „синія руки", „волчьи хвосты" и „львиныя гривы", разсматриваемые въявѣ, а не въ воображеніи только, производятъ уже совсѣмъ не то впечатлѣніе: вмѣсто удивленія и страха получается только одна жалость, при видѣ ихъ убожества, ихъ грязи, ихъ лохмотьевъ, ихъ злокачественныхъ язвъ и струпьевъ... Неужели эти жалкіе представители краснаго племени, думалось мнѣ, съ кучами паразитовъ въ волосахъ и одеждѣ,—неужели это потомки тѣхъ безстрашныхъ и страшныхъ героевъ, описаніемъ которыхъ полны книжки Майнъ-Рида и Купера?!—Да, это они, и не ихъ конечно вина, что они таковы... Это американская цивилизація сдѣлала изъ нихъ такихъ жалкихъ людей, это она загнала ихъ въ эти пустыни и лишила всего того, чѣмъ они владѣли и что дѣлало ихъ героями!

Здѣсь же, въ этихъ песчаныхъ, безводныхъ и безплодныхъ пустыняхъ, пріютились и другіе люди, которыхъ современная американская цивилизація еще не хочетъ признать вполнѣ своими гражданами, это—*мормоны*. Неподалеку отъ Огдена, по берегу Соленаго озера, мимо котораго и намъ пришлось ѣхать нѣсколько часовъ, всего только на одну станцію пути въ сторону, по дорогѣ въ Колорадо, стоитъ знаменитый мормонскій городъ *Солтъ-Лайкъ,* или Соленое-Озеро. Я проѣзжалъ чрезъ этотъ городъ, но въ другое время, и хотя не останавливался въ немъ, но все же видѣлъ его громадность, богатство построекъ, превосходно воздѣланныя персиковыя и другія плодовыя плантаціи, видѣлъ воздвигнутый

здѣсь великолѣпный мормонскій храмъ. Надобно удивляться трудолюбію, упорной энергіи въ борьбѣ съ природой, а еще болѣе— побѣдѣ надъ этой природой этихъ странныхъ людей! Непроходимыя пустыни они обратили въ цвѣтущіе сады, безплодные солончаки—въ прекрасныя поля, голыя скалы и топкія болота—въ мѣсто прекраснаго города!

Огденъ—большой и богатый городъ; въ общемъ похожъ на всѣ американскіе города—съ широкими и прямыми улицами, съ многоэтажными домами, съ электрическимъ освѣщеніемъ, съ кэблъ-карами и другими всевозможными удобствами современной цивилизаціи. На этой станціи происходитъ перемѣна служебной команды, пересадка пассажировъ на другія линіи желѣзныхъ дорогъ и вмѣстѣ съ этимъ перемѣна времени—change time. Здѣсь стрѣлка часовъ отодвигается назадъ ровно на часъ. Такихъ перемѣнъ времени на протяженіи отъ Санъ-Франциско до Нью-Іорка бываетъ до 5-ти, а до Петербурга до 12-ти разъ.

Отъ Огдена до Омаго и Консельблюфа, а затѣмъ особенно отсюда и до Чикаго природа во всемъ напоминаетъ нашу россійскую въ ея срединной и южной частяхъ, т. е. это сплошная равнина, индѣ покрытая лѣсомъ, а индѣ и совершенно степная, но равнина плодородная, вслѣдствіе чернозема и достаточно обильнаго орошенія. Это все пространство можно назвать по преимуществу хлѣбнымъ пространствомъ. Все чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться города и селенія, фермы и другія сельско-хозяйственныя постройки. Постройка всюду деревянная; ни одного города, ни одного села не видно безъ церкви, или даже нѣсколькихъ, и замѣчательно—всюду чистенькихъ, хорошо обстроенныхъ и убранныхъ то плющомъ, то другою растительностію. На поляхъ замѣтны слѣды пшеницы и кукурузы преимущественно. Но какъ воздѣланы эти поля, съ какою тщательностію распаханы, съ какимъ умѣньемъ проведены канавки для орошенія! Видно, видно по всему, что живетъ здѣсь народъ не праздный, а трудолюбивый и умный, любящій свою пашню и свою соху. Отсюда, изъ этихъ хлѣбныхъ штатовъ, и намъ была послана помощь хлѣбомъ во время нашего неурожая. Сюда я отсылалъ нашихъ ученыхъ спеціалистовъ-профессоровъ, бывшихъ на выставкѣ, озна-

комиться съ дешевыми, но раціональными способами обработки полей и отсюда—отъ трудового народа, такъ сказать, изъ процесса его труда, нести домой, въ свою бѣдную деревню, добытыя свѣдѣнія, а не изъ книжекъ и мертвыхъ теорій заимствоваться таковыми; но, къ сожалѣнію, ни въ комъ не встрѣтилъ сочувствія своимъ предложеніямъ. А одинъ многоученый профессоръ финансистъ сказалъ мнѣ, что это не его спеціальность, что для этого должны быть командированы другіе ученые. „Да, вѣдь, вы же ѣдете въ Утаху изучать ирригаціонный трудъ мормоновъ, говорю я,—почему же вамъ не заѣхать въ штаты Миннесоту, Айву и Невбраску—для изученія воздѣлыванія злаковъ, а на возвратномъ пути, по дорогѣ Santa-fe, въ Цинциннати—посмотрѣть на воздѣлываніе хлопка и другихъ предметовъ добывающей промышленности; посмотрѣли бы, отмѣтили бы въ своей памятной книжкѣ. а пріѣхавши домой, сообщили бы своимъ соотечественникамъ!“... А какъ бы много можно было и въ самомъ дѣлѣ заимствовать и для нашего отечества всѣмъ нашимъ соотечественникамъ во время поѣздки своей сюда на Колумбійскую выставку!

Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Чикаго тѣмъ становилось холоднѣе и холоднѣе деревья стояли еще обнаженными отъ листьевъ; индѣ въ прогалинахъ виднѣлся и снѣгъ. Подулъ холодный вѣтеръ и пошелъ дождь. Въ Чикаго мы пріѣхали въ 12 ч. дня и подъ сильнымъ дождемъ.—Мы пріѣхали на Union-Depot, т. е. на одинъ изъ громаднѣйшихъ вокзаловъ Чикаго, гдѣ скрещивается до десятка различныхъ линій. Если сказать, что въ Чикаго скрещиваются 28 линій желѣзныхъ дорогъ, что въ немъ ежедневно отходитъ и приходитъ болѣе 1,200 поѣздовъ, что время нашего прибытія былъ канунъ „великаго дня“ въ исторіи *Дяди Сэма* *), то можно понять, въ какомъ круговоротѣ очутились мы, вышедши на платформу. Гудки, свистки, шипѣніе паровъ, звонъ колоколовъ **), крикъ носильщиковъ, возгласы пассажировъ,

---

*) Такъ въ шутку называютъ Соединенные Штаты: основаніе этому въ иниціалахъ Соединенныхъ Штатовъ Unites States—U. S. Къ этимъ иниціатиламъ какой-то простакъ подставилъ слова, по догадкѣ—Uncle Same, Дядя Сэмъ.

**) У американцевъ на каждомъ паровозѣ имѣется большой колоколъ, который качается изъ стороны въ сторону и производитъ точно такой же звонъ, какъ въ католическихъ храмахъ.

торопливость, суета однихъ, нетерпѣливость другихъ, быстростремительныя движенія, неожиданныя столкновенія, задержки и пр., копоть и дымъ отъ тысячъ паровозныхъ трубъ, фабричныхъ и всякаго рода машинъ,—все это кружило голову, сбивало съ толку и ставило въ недоумѣніе: куда и какъ идти, чтобы выбраться поскорѣе изъ этого ада на свѣтъ Божій?!—Наконецъ, съ помощію Джона, я добрался до выхода; мы думали встрѣтить здѣсь кого-либо изъ нашихъ чикаговскихъ прихожанъ, но, къ сожалѣнію, никого не нашли. Впослѣдствіи уже узнали, что за нами трижды выѣзжали на вокзалъ, но, не дождавшись, вслѣдствіе опозданія поѣзда на три часа, предположили, что мы поѣхали на Сенъ-Полъ и, слѣдовательно, будемъ поздно вечеромъ. Пробыть на подъѣздѣ пришлось не мало, ибо какъ только Джонъ сбѣгаетъ за каретой и приведетъ къ крыльцу, глядь—другой сядетъ и укатитъ; какъ-то, наконецъ, мы добыли карету одноконную и, уложивъ свои вещи, двинулись на Centre Avenue.

Наша церковь и наше помѣщеніе находились съ самаго перваго раза и доселѣ находятся на Sauth Centre Avenue № 13. Это мѣсто избрано въ интересахъ прихожанъ, которымъ несравненно удобнѣе ѣздить сюда, чѣмъ въ другое какое. Дѣло въ томъ, что къ Centre Avenue сходятся всѣ кэблъ-кары и стритъ-кары безъ пересадки, а это очень важно для кармана прихожанъ. Если безъ пересадки—это значитъ должно заплатить до церкви только 5 центовъ, да обратно 5, всего 10 центовъ, а для семейнаго 20—30 центовъ въ одинъ разъ; если же съ пересадкой, то нужно платить уже вдвое больше противъ этой цѣны. Но такъ какъ наши прихожане въ Чикаго, по своей бѣдности, живутъ почти всѣ на окраинахъ города, на много миль отъ церкви, то для нихъ быть въ церкви возможно не иначе, какъ только пріѣхавши на карѣ и заплативши 5 центовъ въ конецъ. Вотъ почему, между прочимъ, наша церковь была помѣщена въ этомъ Avenue. Отъ выставки это будетъ миль 15, если не болѣе. Для пріѣзжающихъ русскихъ это было очень далеко; но мнѣ думалось, что для нихъ несравненно удобнѣе выбросить 20—30 центовъ изъ кармана, чтобы посѣтить церковь, нежели бѣдному рабочему, у котораго весь дневной заработокъ не превышалъ въ среднемъ 1 доллара 25 центовъ, и въ

то время, когда все вздорожало чуть лишь не въ пять разъ.— Церковь помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, моя квартира въ верхнемъ надъ церковью, а свиты моей далѣе—за мной. При домѣ была кухня и все потребное для хозяйства. Одно только было неудобство: это то, что въ другой половинѣ дома былъ берднхаусъ (Bardenhous), т. е ночлежный домъ *). Впрочемъ, чего-либо неприличнаго въ своихъ сосѣдяхъ мы никогда не замѣчали. Платили мы за домъ въ мѣсяцъ 40 долларовъ.—Насъ встрѣтилъ священникъ А. Вретта, предсѣдатель общины Н. Форстеръ, староста Д. Петровичъ и секретарь общины А. Шкляревичъ — съ хлѣбомъ-солью и букетомъ живыхъ цвѣтовъ. Обѣдня уже отошла, хотя ее и начали очень поздно, въ виду ожидавшагося пріѣзда въ церковь нашего посланника кн. Г. Л. Кантакузена.

Сдѣлавъ бѣглый обзоръ всему сдѣланному до моего прибытія, я нашелъ, что въ церкви слѣдуетъ сдѣлать не мало измѣненій, какъ въ устройствѣ иконостаса, такъ и всего алтаря. Посему съ слѣдующаго же дня были приглашены рабочіе, которые въ теченіе всей недѣли усиленно работали, подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ, и, съ помощію Божіей, сдѣлали все такъ, что можно было не краснѣя принять кого угодно въ этой церкви. Она была невелика, но довольно чистенька и во всемъ согласована съ требованіями русскаго вкуса и православнаго благочестія.

Я пріѣхалъ наканунѣ открытія выставки, желая непремѣнно присутствовать на этомъ, единственномъ въ своемъ родѣ, торжествѣ. Я объ этомъ телеграфировалъ заблаговременно священнику Вреттѣ, прося его съѣздить къ консулу нашему и похлопотать о билетѣ для меня. Къ сожалѣнію, несмотря на двукратные визиты свои, консула о. Вретта не заставалъ дома, и записка его о семъ не имѣла надлежащаго успѣха, такъ что, пріѣхавши въ Чикаго наканунѣ открытія выставки, я въ сущности былъ такъ же далекъ отъ этого событія, какъ если бы оставался и въ Санъ-Франциско на сей день.—Узнавъ отъ священника, что въ настоящее время

*) Въ Америкѣ это не то, что у насъ: ночлежными домами называются, между прочимъ, и квартиры, куда приходятъ ночевать не случайные люди, а имѣющіе абонементъ на нихъ на мѣсяцъ и со столомъ.

въ Чикаго присутствуетъ нашъ посланникъ князь Кантакузенъ и генеральный комиссаръ камергеръ П. И. Глуховской, я немедленно же отправилъ къ нимъ отъ себя отца Амвросія съ извѣщеніемъ о своемъ пріѣздѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ заявленіемъ желанія быть у нихъ, для чего просилъ, между прочимъ, назначить день и часъ. Князя Кантакузена о. Вретта не засталъ дома. а секретарь его П. С. Боткинъ, которому онъ передалъ мое порученіе, въ тотъ же вечеръ увѣдомилъ меня письмомъ о желаніи князя на другой день послѣ открытія выставки видѣться со мной, генеральный же комиссаръ, вмѣстѣ съ весьма любезнымъ отвѣтомъ, прислалъ мнѣ и билетъ на право входа не только на выставку, но даже и на самую платформу, вмѣстѣ съ дипломатическимъ корпусомъ и знатнѣйшими лицами Америки и Европы. Но, къ великому моему огорченію, билетъ былъ доставленъ мнѣ уже въ $10^1/_2$ часовъ утра 1 мая, т. е. въ такое время, когда торжественная процессія уже двинулась и когда ни за какія деньги нельзя было достать экипажа, да, кромѣ того, проѣхать было невозможно, вслѣдствіе скопленія десятковъ тысячъ народа по пути къ выставкѣ—въ экипажахъ и просто пѣшкомъ. Такимъ образомъ, volen-snolens я долженъ былъ остаться дома.

Въ пять часовъ вечера поѣхалъ съ визитами къ князю Кантакузену и П. И. Глуховскому, но перваго дома не засталъ, а второго засталъ, но совершенно разбитымъ отъ усталости послѣ шестичасовой выставочной церемоніи. Несмотря, однакожъ, на крайнюю усталость, П. И. Глуховской вышелъ ко мнѣ, похристосовался со мною и принялъ меня съ истинно-русскимъ радушіемъ. Здѣсь же я познакомился и съ другими молодыми комиссарами—все изъ лучшихъ русскихъ фамилій. Пробывъ съ полчаса въ кругу этихъ присныхъ мнѣ по вѣрѣ и крови людей, я какъ будто окунулся въ живую воду: освѣжился и ободрился духомъ!

„Величайшее событіе въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ“ прошло однакожъ, какъ оказалось, довольно безтолково: не было ни надлежащей распорядительности, ни умѣнья занять гостей, ни искусства показать товаръ лицомъ. Испанскаго посла, напр., полисмены чуть не прибили, принявъ его за обыкновеннаго смертнаго; тѣмъ, кто имѣлъ билетъ на платформу, не пришлось попасть туда,

а тѣ, кто такого билета не имѣлъ, занимали почетныя мѣста. Кромѣ этого, несвоевременный дождь довершилъ непріятность всѣхъ этихъ праздничныхъ впечатлѣній.

Послѣ этого „великаго дня", такъ неудачно мною проведеннаго, потянулись уже длинной вереницей дни за днями и мѣсяцы за мѣсяцами то въ Чикаго, то въ другихъ мѣстахъ Америки: жизнь забила ключемъ, впечатлѣнія вторгались такими массами и въ такомъ иногда хаотическомъ безпорядкѣ, что просто подавляли собою; жизнь текла какъ будто въ какомъ то калейдоскопѣ, смѣняясь ежедневно массою новыхъ впечатлѣній, интересовъ, заботъ, хлопотъ, стремленій и цѣлей... Прошло съ того времени уже почти полгода, а я все-таки еще не вполнѣ разобрался во всемъ этомъ матеріалѣ, хотя и старался тщательно отмѣчать въ своемъ дневникѣ все выдающееся. Попытаюсь, однакоже, возстановить, хотя приблизительно, жизнь и дѣятельность свою эти въ пять мѣсяцевъ своего пребыванія въ Чикаго и другихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ. Начну съ Чикаго.

I.

Американцы называютъ Чикаго пятымъ городомъ въ мірѣ. Дѣйствительно, это городъ необыкновенный: онъ поражаетъ всякаго свѣжаго человѣка прежде всего своею грандіозностью во всемъ — и въ пространствѣ занимаемомъ, и въ постройкахъ, и въ количествѣ населенія, и въ торговлѣ, и во всякаго рода движеніяхъ—умственныхъ, соціальныхъ, религіозныхъ, и пр. и пр.

Хорошъ и оригиналенъ Нью-Іоркъ, но Чикаго, кажется, еще оригинальнѣе: здѣсь что ни домъ, то и особая архитектура, и притомъ одна затѣйливѣе другой; глазъ рѣшительно не знаетъ, на чемъ остановиться и надъ чѣмъ сосредоточиться. Я насчитывалъ дома по двадцати этажей, но, кажется, есть и еще выше,— по крайней мѣрѣ такъ называемый массонскій храмъ имѣетъ двадцать два этажа. Высотѣ построекъ соотвѣтствуетъ и ихъ громадность; есть, напр., такіе дома и съ такимъ количествомъ жильцовъ, что для каждаго дома требуется особый почтальонъ для того, чтобы приносить и относить ежедневно корреспонденцію

его обитателей. Чтобы подняться въ верхніе этажи такого дома, надобно садиться на элеваторъ, и только такимъ способомъ можно взобраться на эти высоты!—Какъ можетъ держаться такая громада?!—невольно спрашиваешь себя. Справляешься—и узнаешь, что всѣ эти громадины устроены изъ желѣза и только обшиты деревомъ и обложены кирпичемъ,—вотъ почему онѣ такъ и прочны. Въ общемъ, однакоже, стиль построекъ тяжелый; это не то уже, что готическій стиль, воздушный, прозрачный, легкій, — нѣтъ, здѣсь скорѣе получается впечатлѣніе дебелости и массивности, чѣмъ легкости и прозрачности! Да оно такъ и должно быть; ибо если всякій стиль есть выраженіе народнаго духа, его творчества, то американскій и долженъ быть такимъ, а не инымъ, какъ и самъ янки—здоровый, коренастый, прочный, болѣе практическій, нежели идеалистическій человѣкъ... Но зато какая роскошь и какое богатство въ детальной отдѣлкѣ домовъ, какая изумительная чистота и какой порядокъ во всемъ домашнемъ обиходѣ! Въ Европѣ я этого не замѣчалъ... Улицы, гдѣ магазины, представляютъ собою двѣ сплошныхъ зеркальныхъ стѣны, за коими выставлено безчисленное множество самыхъ разнообразыхъ приманокъ. Вечеромъ эти улицы, освѣщенныя газомъ, электричествомъ, милліонами разноцвѣтныхъ лампочекъ, представляютъ что-то волшебное, очаровательное! Особенно прекрасно авеню, идущее отъ озера Мичиганъ до выставки: это улица дворцовъ, а не обыкновенныхъ обывательскихъ домовъ; такъ же прекрасенъ Джаксонъ-стритъ и другія.

Городъ Чикаго—молодой городъ; ему насчитывается не болѣе 30 лѣтъ. До пожара, истребившаго его 30 лѣтъ тому назадъ, онъ былъ большимъ городомъ но далеко не такимъ, какимъ онъ представляется теперь. Онъ и въ настоящее время еще не вполнѣ оформился и закончился въ своемъ ростѣ: зиждительная работа продолжается и нынѣ,—и вы видите, какъ на вашихъ глазахъ пустырь обращается въ прекрасное авеню и стриты—съ бульварами, съ электрическимъ и газовымъ освѣщеніемъ, водопроводами и всевозможными способами передвиженій...

Мѣсто для выставки выбрано весьма удачно—на берегу озера Мичиганъ. Шумное и часто пѣнящееся, это озеро, въ томъ мѣстѣ, гдѣ выставка, имѣетъ берега съ причудливо очерченными

заливами, островками, проливами и проч. Чего не сдѣлала природа, то довершило искусство людей: гдѣ нужно, перебросили мосты, въ другихъ мѣстахъ прорыли каналы, такъ что вся выставка очутилась среди островов и каналовъ и на берегу прекраснаго озера. Лѣтомъ, при страшныхъ чикаговскихъ жарахъ, когда парафиновыя свѣчи таяли и сваливались на бокъ, при страшной духотѣ, пыли и копоти отъ фабричныхъ трубъ, въ безчисленномъ количествѣ возвышающихся въ самомъ центрѣ города,—это было поистинѣ великое благо. Здѣсь можно было отдохнуть въ прохладѣ и свѣжести—среди фантастической обстановки выставки—отъ того, чѣмъ страдали всѣ въ своихъ квартирахъ...

Я видѣлъ выставку, когда она еще только начинала строиться,—при проѣздѣ моемъ изъ Россіи въ Америку,—видѣлъ еще весь тотъ пустырь, поросшій бурьяномъ и всякой сорной травой, на которомъ производилась распланировка будущей выставки и на которомъ еще долженъ былъ создаться „бѣлый городъ",—видѣлъ кучи песку, щебня, глины, кирпича, дерева и проч., и вотъ теперь, когда я пріѣхалъ сюда чрезъ полтора года и посмотрѣлъ на прежнее мѣсто, то я глазамъ своимъ не могъ вѣрить: точно въ сказкѣ—откуда что взялось! Предъ моими глазами, на бывшемъ пустырѣ открывалась великолѣпнѣйшая панорама, какъ будто изъ „Тысячи и одной ночи": дворцы, башни, статуи, портики, храмы, парки, цвѣтники, гондолы, десятки тысячъ людей всякихъ возрастовъ, званій, состояній, племенъ и народностей, снующихъ взадъ и впередъ,—груды золота, серебра, камней и всякаго рода драгоцѣнностей!.. Казалось, какой то волшебный геній снесъ со всего міра все лучшее сюда,—все, надъ чѣмъ трудился человѣкъ въ теченіе всего своего историческаго существованія, надъ чѣмъ думалъ, ломалъ голову, волновался, мучился,—все, все, что только можетъ свидѣтельствовать, что онъ есть существо не самослучайное, не просто машина, а дѣйствительная, разумная и свободная сила! Все здѣсь было: отъ величайшихъ произведеній величайшихъ геніевъ міра до самаго незатѣйливаго произведенія дикаря. „Дивны дѣла Твои, Господи",—думалось не разъ мнѣ, при созерцаніи всего этого,—и есть же люди, которые, взирая на все это, ничего дальше самаго явленія, какъ оно есть, и не видятъ, точно

чайшая ко мнѣ почтительность такъ меня тронули, что я рѣшился оставить имъ о. Амвросія Вретту, какъ „душпастыря“, съ тѣмъ, чтобы онъ выработалъ планъ—какъ и гдѣ устроить имъ, а вмѣстѣ съ ними и для ожидаемыхъ изъ Россіи соотечественниковъ, мѣсто для духовнаго утѣшенія. О. Амвросій, согласно моимъ указаніямъ и при моей помощи, сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать при такихъ обстоятельствахъ и при такомъ положеніи. Эта горсточка русскихъ людей общими силами стала давать по 40 дол. ежемѣсячно на наемъ квартиры для церкви и помѣщенія для священника, а графъ Голенищевъ-Кутузовъ, посѣтившій однажды нашу маленькую церковь, присылкою 1,000 дол. на ея благоустроеніе, довершилъ это доброе дѣло. Образовался, такимъ образомъ, совершенно русскій приходъ съ совершенно русскою церковью. Церковь была посвящена имени святого равноапостольнаго князя Владиміра, просвѣтителя Всероссійскаго. Въ октябрѣ 1892 года я совершилъ въ ней первое торжественное богослуженіе, причемъ совершилъ и чинъ присоединенія сихъ людей, нынѣ чадъ православной Церкви.—За этимъ первымъ богослуженіемъ въ Чикаго народу всякаго рода было такъ много, что не только церковь, но и лѣстница и всѣ коридорчики были запружены всевозможнымъ народомъ. Русскіе люди ликовали!

Но врагъ человѣка никогда не дремлетъ и сѣетъ вражду и раздоръ тамъ, гдѣ всего менѣе ихъ ждутъ. Такъ случилось и въ семъ случаѣ. И первѣе всего началось отъ архимандрита Фирмиліана... Архимандритъ Фирмиліанъ и священникъ Фломбонисъ, когда я былъ въ Чикаго въ этотъ разъ, не сочли даже нужнымъ представиться мнѣ; это меня удивило, но не болѣе. Затѣмъ случилось уже и нѣчто большее. Вдругъ я получаю увѣдомленіе отъ священника Вретты, что архимандритъ Фирмиліанъ мои дѣйствія въ Чикаго объявляетъ антиканоническими,—что я-де не смѣлъ являться туда и устроять тамъ церковь, когда община обратилась къ митрополиту сербскому и когда митрополитъ Михаилъ прислалъ уже сюда его, Фирмиліана. „Съ той поры, говорилъ онъ, какъ митрополитъ сербскій принялъ прошеніе здѣшнихъ жителей, это уже стала епархія сербская, а не русская“. Вслѣдъ затѣмъ въ хорватской газетѣ „Chicago“ появилась статья

нѣкоего Гривича, въ которой отъ меня требовали отвѣта: на какомъ-де каноническомъ основаніи я позволилъ себѣ прислать своего священника въ Чикаго, когда тамъ уже есть архимандритъ Фирмиліанъ?—Я, конечно, на эту задорную статейку не отвѣтилъ, но о. Амвросію Вреттѣ далъ инструкцію—всячески избѣгать столкновеній съ Фирмиліаномъ и Фломбонисомъ и быть, на сколько возможно, въ самыхъ мирныхъ къ нимъ отношеніяхъ. Скоро однакоже дѣло уладилось: отозванный митрополитомъ, Фирмиліанъ уѣхалъ.

Послѣ отъѣзда Фирмиліана все стало приходить въ надлежащій порядокъ: греки оставались при своемъ священникѣ, не мѣшаясь въ дѣла нашей Церкви, сербы оставались какъ будто индифферентными ко всему, а русскіе крѣпче и крѣпче стали сплачиваться между собою. Но это продолжалось недолго. Вскорѣ и въ самой русской общинѣ возникли нѣкоторыя нестроенія, постепенно обострившіяся до такой степени, что когда я пріѣхалъ въ Чикаго, то сразу увидѣлъ, что надо принять рѣшительныя мѣры, чтобы не было хуже. Поводомъ къ ненормальнымъ отношеніямъ общины къ епархіальной власти послужилъ денежный вопросъ. Нѣсколько членовъ общины, не сдержанные во-время священникомъ, вздумали совершенно безконтрольно распоряжаться суммами церкви, не только собираемыми непосредственно съ самихъ прихожанъ, но даже и тѣми, которыя прихожанамъ не принадлежали, проще сказать—пожертвованіями *). Обостреніе дѣла началось изъ-за 1,000 дол., пожертвованныхъ графомъ Голенищевымъ-Кутузовымъ. Я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы эти деньги положить въ банкъ на % и безъ моего вѣдома не расходовать; а община, руководимая нѣсколькими лицами, этого моего распоряженія не послушала и стала расходовать по-своему, такъ что, когда я пріѣхалъ въ Чикаго, изъ этихъ денегъ осталось уже очень немного. Спрашиваю у священника отчета, — онъ ссылается на общину и говоритъ, что ничего не знаетъ; спрашиваю у членовъ общины,—тѣ тоже валятъ одинъ на другого; такъ дѣло

---

*) Здѣсь не было злоупотребленій въ личныхъ интересахъ, а было правонарушеніе, произволъ.

продолжалось до августа, пока, наконецъ, все уяснилось и я разобрался, въ чемъ дѣло. Оставить на будущее время постарому я не могъ, ибо это могло бы повлечь къ большимъ непріятностямъ; поэтому я рѣшился немедленно, не откладывая въ долгій ящикъ этого дѣла, тутъ же объясниться со всѣми вообще и съ каждымъ порознь относительно того, въ какихъ отношеніяхъ должна находиться община къ священнику, къ архіерею,—что она можетъ дѣлать сама, а чего нѣтъ, и пр. и пр.; при этомъ предложилъ всѣмъ собраться на митингъ, обсудить положеніе дѣлъ и, согласно инструкціи церковнымъ старостамъ, выбрать себѣ церковнаго старосту и нѣсколько попечителей, которые вмѣстѣ съ священникомъ и вѣдали бы всѣми дѣлами церкви и прихода, а то учрежденіе, которое именовалось „общиной"—съ предсѣдателемъ, секретаремъ, членами и пр.—упразднить навсегда. Выслушавъ мое предложеніе, прихожане согласились со мной безпрекословно и сдѣлали такъ, какъ я хотѣлъ. Чтобы это дѣло еще болѣе оформить и сдѣлать церковнымъ, я въ одно воскресенье послѣ обѣдни привелъ всѣхъ выборныхъ попечителей и старосту къ присягѣ и далъ имъ всенародно наставленіе — какъ жить и дѣйствовать, чтобы былъ миръ и согласіе во всемъ и чтобы дѣла церковныя не тормозились, а шли къ лучшему и лучшему. Съ тѣхъ поръ все вошло въ свою колею, и я могъ спокойно заняться другими дѣлами. И такъ какъ священникъ А. Вретта, вслѣдствіе неотложной нужды быть среди вновь возсоединенныхъ стриторцевъ, отъѣхалъ туда и жилъ тамъ до моего отъѣзда изъ Чикаго, то я, оставаясь одинъ въ Чикаго, былъ для своего прихода не только архіереемъ, но и въ собственномъ смыслѣ душпастыремъ, т. е. служилъ въ церкви, совершалъ имъ всякія требы, крестилъ, исповѣдывалъ, вѣнчалъ, хоронилъ и пр. Правда, что это было нелегкое дѣло для меня—при тѣхъ условіяхъ жизни, въ какихъ я находился въ Чикаго; но насколько это было трудно для меня, настолько же оно было полезно для моихъ прихожанъ и для меня лично: я въ это время успѣлъ духовно опознать свою паству, ближе съ нею ознакомиться, крѣпче полюбить ее и даже какъ бы сродниться съ нею. Я старался какъ можно чаще служить литургіи,—иногда три раза въ недѣлю,—говорить поученія за

каждой службой; бесѣдовалъ послѣ службы, особенно же старался поставить исповѣдь на надлежащую высоту, такъ какъ въ это время, т. е. при исповѣди, по моему мнѣнію, самый удобный моментъ для назиданія, ибо душа каждаго бываетъ болѣе открыта и болѣе способна къ воспріятію, чѣмъ въ другое время. Двери нашего дома никогда не затворялись, и я всегда и во всякое время принималъ всѣхъ. По воскресеньямъ и праздникамъ послѣ обѣдни въ моей маленькой гостиной собиралось все русское общество, иногда приходили и иностранцы, и здѣсь, за чашкою чая или кофе, проводили иногда часа два-три въ оживленной бесѣдѣ. Въ моей маленькой гостиной перебывали почти всѣ русскіе, бывшіе на всемірной выставкѣ, начиная отъ князя Кантакузена и адмирала Кознакова съ камергеромъ Глуховскимъ и кончая послѣднимъ еврейчикомъ, забредшимъ сюда изъ какого-нибудь Шклова или Бобруйска и искавшимъ себѣ утѣшенія въ „русской бесѣдѣ“. Нѣкоторые изъ русскихъ евреевъ даже усердно посѣщали и наши службы церковныя.

Время отъ 18-го апрѣля по 25-е прошло въ ежедневныхъ и почти цѣлодневныхъ хлопотахъ и заботахъ по перестройкѣ церкви и по упорядоченію дѣлъ приходскихъ. Въ это время меня, между прочимъ, посѣтили: нашъ посланникъ въ Вашингтонѣ князь Кантакузенъ съ своимъ секретаремъ П. С. Боткинымъ, главный комиссаръ камергеръ П. И. Глуховской съ своими помощниками и много другихъ лицъ, какъ постоянно живущихъ въ Чикаго, такъ и пріѣзжихъ. Князь Кантакузенъ очень интересовался нашими церковными дѣлами и выражалъ горячее желаніе, чтобы каѳедра моя была перенесена изъ Санъ-Франциско въ Вашингтонъ, какъ мѣсто болѣе безопасное и болѣе удобное для меня. П. И. Глуховской съ своей стороны обѣщалъ свое содѣйствіе мнѣ во всемъ, что только могло отъ него зависѣть...

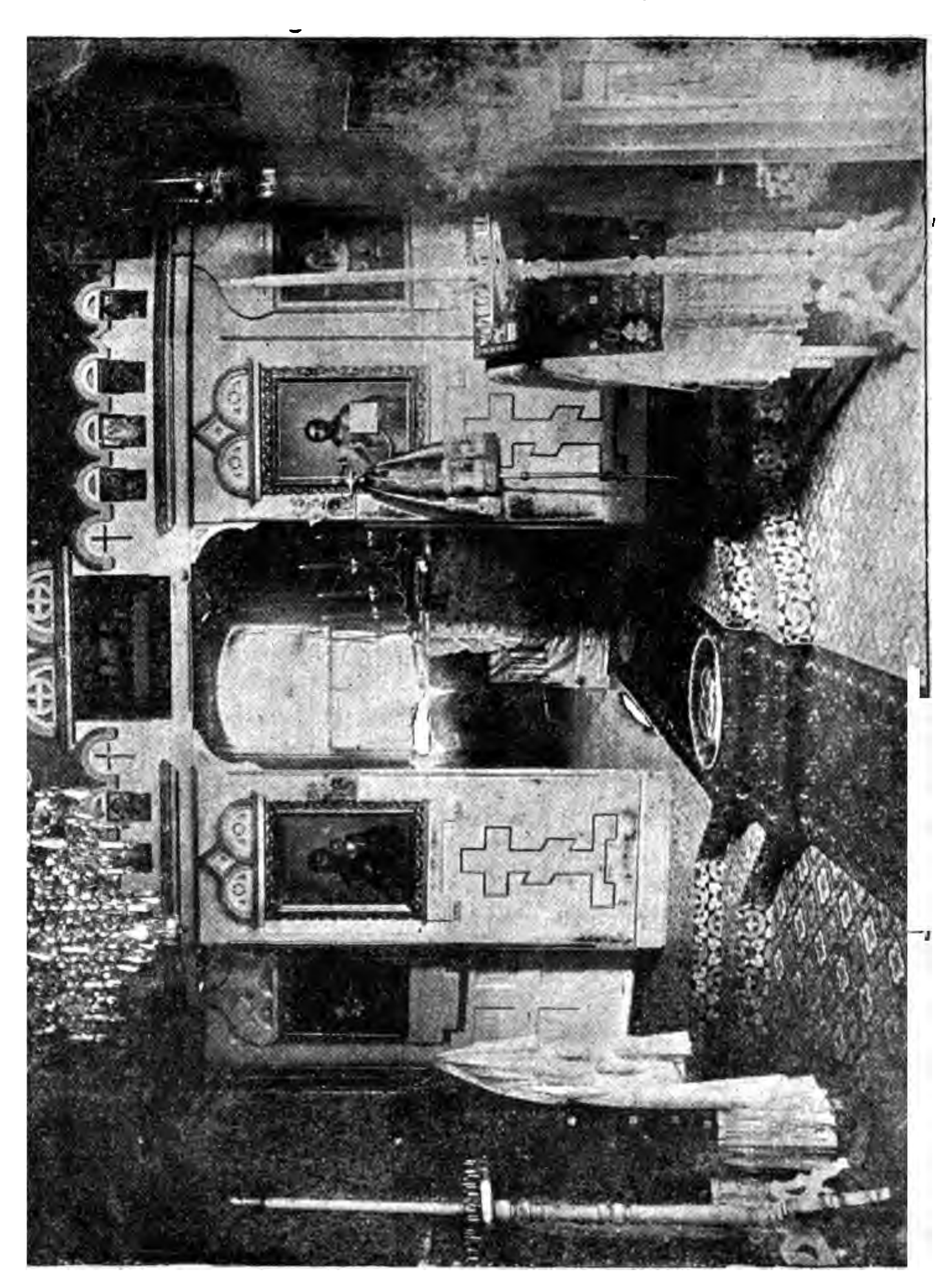
Первую литургію, по пріѣздѣ въ Чикаго и по переустройствѣ церкви, я служилъ 25-го апрѣля, въ воскресенье. Служилъ вмѣстѣ съ о. Амвросіемъ Вреттой, пѣли нѣсколько человѣкъ русскихъ, пріѣхавшихъ на выставку, подъ управленіемъ П. Зайченка, прибывшаго незадолго предъ симъ изъ Миннеаполиса; нѣкоторыя ектеніи и нѣкоторыя молитвословія пѣли всею церковью. На пер-

вый разъ вышло недурно. Церковь была переполнена народомъ— и русскими, и иностранцами. За литургіей, между прочимъ, присутствовали П. И. Глуховской съ своими комиссарами, И. Д. Мертваго, нашъ морской attaché въ Вашингтонѣ, московскій коммерсантъ Недыхляевъ, устроитель средне-азіатскаго отдѣла на выставкѣ—въ высшей степени симпатичный молодой человѣкъ— и многіе другіе.

Такъ какъ это была недѣля о Самарянынѣ, то я и сказывалъ поученіе на евангеліе о Самарянкѣ, причемъ предметомъ для своей бесѣды взялъ *преимущественно вопросъ объ отношеніяхъ православныхъ къ иновѣрцамъ и къ инославнымъ, а равнымъ образомъ и о томъ, гдѣ и какъ должно молиться въ духѣ и истинѣ.* Свое поученіе я закончилъ слѣдующимъ обращеніемъ къ прихожанамъ чикаговскимъ и къ прибывшимъ изъ Россіи нашимъ соотчичамъ: „Да не смущается сердце ваше, братіе, что храмъ, устроенный вами, не блеститъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями; дѣло не въ златѣ и сребрѣ, а въ теплотѣ вѣры и чистотѣ сердца: знайте, что Господь присутствуетъ не въ величественныхъ только сооруженіяхъ, но и въ самыхъ скромныхъ, въ самыхъ простыхъ. И тамъ, и здѣсь Онъ одинаково преподаетъ благодать Свою ко освященію всѣхъ, съ вѣрою притекающихъ къ Его престолу...

Да не смущается и ваше сердце, братіе—пришедшіе оттуда, гдѣ храмы Божіи составляютъ самыя дорогія сокровища народа, гдѣ вѣра и благочестіе соперничаютъ съ благолѣпіемъ храмовъ и велелѣпіемъ службъ, въ нихъ совершаемыхъ: знайте, что этотъ храмъ устроенъ сими скромными тружениками, братьями нашими по вѣрѣ и плоти (русинами), сколько для себя, столько же и для васъ, и скорѣе отъ скудости, нежели отъ избытковъ; помните, что эта горсточка людей, здѣсь живущихъ, искренно и сердечно хотѣла привѣтствовать васъ здѣсь, какъ братьевъ своихъ, и въ этомъ молитвенномъ уголкѣ имѣть одно религіозное утѣшеніе съ вами. Посему не только ничѣмъ не соблазняйтесь, но, напротивъ, наивозможно частымъ посѣщеніемъ сего храма старайтесь показать себя образомъ вѣры и благочестія и братской во Христѣ любви для всѣхъ, сюда притекающихъ. Скажу не обинуяся: на васъ теперь взираетъ весь инославный міръ, какъ на представителей

Къ стран. 22—23.

Внутренній видъ православной церкви въ Чикаго.

православія, представителей чистоты и неповрежденности въ вѣрѣ и благочестіи. *Покажите же вѣру вашу отъ дѣлъ вашихъ.* Скажу еще больше: насталъ часъ, когда блуждавшіе по распутіямъ міра сего представители различныхъ исповѣданій стали теперь обращать очи свои къ намъ и искать съ нами сближенія, а многіе уже, какъ и сіи братья наши, даже и вошли во дворъ овчій: смотрите же, да не соблазнится кто-либо отъ малыхъ сихъ чѣмъ-либо отъ васъ.—Никто не знаетъ, что готовится Промысломъ Божіимъ въ ближайшемъ будущемъ: быть можетъ, въ этой маленькой церкви Господу благоугодно будетъ совершить великое дѣло—связать доселѣ разрозненныхъ чадъ Церкви въ союзъ одной вѣры, въ союзъ мира и любви. Итакъ, еще разъ скажу: будьте примѣромъ для всѣхъ и во всемъ, да имя наше—имя православнаго русскаго человѣка—славится, а не хулится во языцѣхъ" *).

Послѣ обѣдни служилъ молебенъ святому великомученику и побѣдоносцу Георгію съ возглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому и президенту Соединенныхъ Штатовъ, а затѣмъ, при раздачѣ антидора, раздавалъ крестики, иконки и брошюры религіозно-нравственнаго содержанія. За обѣдней присутствовало и много русскихъ рабочихъ съ выставки, пріѣхавшихъ изъ Россіи; всѣхъ этихъ людей П. И. Глуховской лично мнѣ представилъ, а я вручилъ имъ нѣсколько книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія для чтенія на досугѣ.

2-го мая служилъ обѣдню одинъ—и за архіерея, и за іерея, и за діакона. Пѣли всѣ, подъ управленіемъ Зайченка. Поученіе говорилъ о причинахъ невѣрія (недѣля о слѣпорожденномъ). При этомъ старался выяснить ту мысль, что къ невѣрію, или, что то-же—къ духовной слѣпотѣ, ведутъ насъ страсти наши: онѣ изсушаютъ наше сердце, а затѣмъ дѣлаютъ и совершенно равнодушными къ предметамъ вѣры и благочестія. „Трудно бороться со страстями, это правда,—сказалъ я въ заключеніе,—но что же

---

*) Это сказано было въ виду того, что одна изъ пріѣзжихъ русскихъ во время пасхальнаго богослуженія, какъ мнѣ послѣ передавали, позволяла себѣ громко смѣяться въ церкви и дѣлать разнаго рода критическія замѣчанія на счетъ иконъ, чѣмъ немало огорчила простодушныхъ прихожанъ Чикаговской церкви.

дѣлать, если это надобно для спасенія нашей души: ничто безъ труда не дается! Чаще прибѣгайте, братіе, къ таинству покаянія и къ трапезѣ Господней: первое освобождаетъ отъ грѣховъ, а вторая укрѣпляетъ природу нашу—и духовную и тѣлесную, давая ей силы, яже къ животу и благочестію". За обѣдней присутствовали, между прочимъ, графъ Ростовцевъ, В. И. Вешняковъ, А. И. Бочаровъ и многіе другіе. Изъ иностранцевъ былъ мой хорошій знакомый m-r Green—очень богатый и знатный американецъ. Всякій разъ, когда я пріѣзжаю въ Чикаго, онъ приходитъ ко мнѣ первый и затѣмъ всячески старается оказать мнѣ какую-нибудь любезность. Въ настоящій разъ, послѣ своего посѣщенія, онъ прислалъ мнѣ большую корзинку самыхъ лучшихъ и самыхъ дорогихъ американскихъ фруктовъ, изящно переложенныхъ зеленью и кружевной бумагой.

Въ этотъ день послѣ вечерни я читалъ акаѳистъ Спасителю и говорилъ поученіе по поводу празднуемой въ недѣлю святыхъ отецъ памяти 1-го вселенскаго собора. Внушалъ народу, чтобы пребывали твердыми въ вѣрѣ православной, которую утверждали такіе великіе угодники Божіи, какъ отцы 1-го вселенскаго собора,—святители: Николай Мѵрликійскій, Аѳанасій Великій, Спиридонъ Тримиѳунтскій чудотворецъ и другіе. Потомъ ужъ въ каждое воскресенье, въ 5 часовъ вечера, я служилъ вечерню съ акаѳистомъ—или Спасителю, или Божіей Матери, послѣ чего регулярно велъ и собесѣдованія съ народомъ о предметахъ вѣры и благочестія. Часто и по выходѣ изъ церкви многіе еще долго оставались у лѣстницы и предлагали различные вопросы...

Подъ Вознесеніе Господне (6 мая) служилъ всенощное бдѣніе съ литіей и елеопомазаніемъ, а на другой день утромъ—обѣдню и молебенъ. За обѣдней говорилъ поученіе о значеніи Вознесенія Господня въ дѣлѣ нашего спасенія, а также и о томъ, почему мы, въ числѣ коихъ есть и не русско-подданные, должны молиться за Царя русскаго и Его Августѣйшій Домъ. Церковь была полна народу. На другой день, въ виду желанія стриторцевъ, чтобы я служилъ унихъ 9-го мая—въ день святителя Николая, я вмѣстѣ съ священникомъ А. Вреттой, Зайченкомъ и однимъ изъ чикаговскихъ русиновъ—Фечурою отправился въ Стриторъ...

II.

Стриторъ (Streator)—это небольшой городокъ, тысячъ въ десять жителей, штата Иллинойсъ; отстоитъ отъ Чикаго на три часа пути на юго-западъ; сообщеніе желѣзнодорожное по линіи Santa-Fe. Какъ разъ на срединѣ пути между Чикаго и Стриторомъ находится тоже небольшой городъ Джульетта: онъ, говорятъ, наполовину населенъ словаками и русинами. Оттуда ко мнѣ приходило въ Чикаго нѣсколько молодыхъ людей (самотныхъ, т. е. холостыхъ), которыхъ я и присоединилъ къ православной Церкви чрезъ исповѣдь и причастіе святыхъ Таинъ.—Послѣ шумнаго и многомятежнаго Чикаго, Стриторъ произвелъ на меня впечатлѣніе деревни. Улицы довольно широкія, но не вездѣ вымощенныя, что въ Америкѣ большая рѣдкость; дома въ большинствѣ одноэтажные и деревянные; сады и огороды почти при каждомъ домѣ, особенно на окраинахъ. Въ общемъ этотъ городъ напомнилъ мнѣ наши русскіе губернскіе города средней руки, въ родѣ, напримѣръ, Рязани, Вологды. Въ этомъ городѣ живетъ очень много словаковъ, принадлежащихъ къ евангелическому исповѣданію,—поляковъ, русиновъ, нѣмцевъ и др. Стриторцы вторыми по времени (послѣ миннеапольцевъ) обратились съ просьбою о принятіи ихъ въ православіе; всѣхъ, обоего пола, желавшихъ принять православіе, вмѣстѣ съ дѣтьми, было до 150. Большинство изъ просителей были карпаторуссы; нѣкоторые изъ нихъ оставили „старый край" уже лѣтъ 10 и болѣе. Жили здѣсь большую часть времени безъ священника. Иногда наѣзжали сюда на короткое время уніатскіе священники, а въ остальное время многіе, оставаясь безъ своихъ русскихъ душпастырей, ходили въ польскій костелъ за религіознымъ утѣшеніемъ. Большинство имѣютъ свою осѣдлость здѣсь и занимаются разработкой угля въ минахъ, получая отъ 1 до $1^1/_2$ дол. въ день. Работа эта не изъ легкихъ. Ежедневно съ 7 ч. утра и до 6 вечера каждый рабочій остается подъ землей, внѣ солнечнаго свѣта. Туда носятъ имъ изъ дому обѣдъ или что-нибудь въ родѣ этого. Работаютъ они, имѣя на головѣ прикрѣпленный къ передней части кепи особый фонарикъ. Такъ какъ въ нынѣшнее лѣто всѣ работы въ копяхъ, вслѣдствіе финансоваго кризиса, переживаемаго стра-

ной, были прекращены, то и стриторцы, оставаясь безъ работы, сильно страдали.

Въ Стриторъ мы пріѣхали въ пятницу въ 8 ч. вечера, выѣхавъ изъ Чикаго въ 5 часовъ пополудни. На вокзалѣ насъ встрѣтили братчики, въ числѣ коихъ были: предсѣдатель Горданъ, церковный староста Васко, попечители Стричко, Гріць и др. Такъ какъ церковный домъ и церковь недалеко отъ вокзала. то мы и пошли всѣ пѣшкомъ до дому. О. Амвросій, упредивъ насъ всѣхъ, облачился въ ризы, освѣтилъ церковь и встрѣтилъ съ праздничною въ рукахъ иконою Трехъ Святителей. Послѣ краткаго молебствія, я обратился къ присутствующимъ и сказалъ имъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ. Затѣмъ изъ церкви прошелъ въ помѣщеніе псаломщика и вмѣстѣ священника и здѣсь побесѣдовавъ около часу съ присутствующими о предметахъ вѣры, я, по просьбѣ одного прихожанина Ивана, Варги, отправился ночевать къ нему въ домъ. Въ домѣ Варги насъ встрѣтила его жена съ трапезою, при чемъ обое—и мужъ и жена—весьма радушно старались угостить меня, чѣмъ Богъ послалъ. Послѣ ужина меня отвели въ „боковушку“— маленькую горенку, гдѣ была уже приготовлена для меня и постель. Не привыкнувъ спать на пуховикахъ, я не могъ ни на минуту сомкнуть глазъ; кромѣ этого, въ комнатѣ моей духота была нестерпимая, вслѣдствіе накалившейся днемъ желѣзной крыши. Хозяева мои очень рано поднялись и, угостивъ меня завтракомъ, проводили до церковнаго дома. Въ этотъ день, въ субботу, служилъ обѣдню о. Амвросій одинъ, а я только слушалъ. Церковь, въ которой служилъ о. Амвросій, находится въ приходскомъ домѣ; она очень невелика, такъ что съ трудомъ можетъ вмѣстить 100 человѣкъ. Убрана она очень просто, но довольно опрятно. Въ то время, какъ я тамъ былъ, она еще нуждалась во многомъ изъ утвари церковной и въ другихъ предметахъ. Домъ, въ которомъ устроена эта церковь, находится на довольно порядочной усадьбѣ (мѣсто угловое), на которой, кромѣ двора и палисадника, есть и огородъ—и довольно большой. Прихожане купили эту усадьбу за 1,000 дол., но успѣли выплатить только около 200 дол., остальныхъ же были не въ силахъ уплатить вслѣдствіе ограниченности своихъ средствъ, а главнымъ образомъ вслѣдствіе безработицы. Я долго

не могъ придумать способа, какъ помочь ихъ горю, но самъ Богъ указалъ, какъ это сдѣлать. Когда я возвратился изъ Стритора, я засталъ у себя дома письмо отъ капитана Бубнова съ 500 дол., которые прислалъ мнѣ на нужды нашихъ миссій о. протоіерей І. И. Сергіевъ Кронштадтскій: эти деньги я сейчасъ же и ассигновалъ на уплату долговъ по дому. Затѣмъ я получилъ еще отъ него же болѣе 400 дол.; такимъ образомъ изъ этихъ денегъ былъ выплаченъ весь долгъ, а домъ и усадьба были формально переписаны на мое имя и моихъ преемниковъ по епископству. Въ настоящее время я рѣшилъ перевесть туда и пожертвованный министерствомъ финансовъ вестибуль, бывшій на выставкѣ въ Чикаго и украшавшій русскій мануфактурный отдѣлъ: этотъ вестибуль. съ весьма изящной башней—въ видѣ колокольни, я поручилъ о. Амвросію пристроить къ приходскому дому и, такимъ образомъ. устроить особое помѣщеніе для церкви.

Вечеромъ въ субботу, подъ Николинъ день. служилъ всенощное бдѣніе съ литіей, акаѳистомъ святителю Николаю и елеопомазаніемъ. Въ концѣ всенощнаго бдѣнія говорилъ огласительное поученіе, причемъ велѣлъ всѣмъ вычеркнуть изъ своихъ молитвенниковъ прибавку filioque и убѣждалъ крѣпко держаться, по примѣру святителя Николая, православной вѣры.

Обѣдню началъ въ 10 часовъ утра, въ виду того, что многіе изъ прихожанъ живутъ довольно далеко, даже за городомъ — на такъ называемомъ Кенгли. Народу собралось очень много; о. Амвросій увѣрялъ меня, что было до 200 человѣкъ съ дѣтьми. Здѣсь были и „папиштаки“, т. е. римско-католики, пришедшіе, конечно, изъ любопытства, были и евангелики-словаки. Пѣніе было всеобщее—всею церковію. Послѣ чтенія Евангелія, воскреснаго и праздничнаго, говорилъ поученіе—приспособительно къ тому, что слышалъ наканунѣ отъ многихъ изъ прихожанъ по поводу нелѣпыхъ рѣчей, которыми всячески хотѣлъ ихъ отклонить отъ православія уніатскій священникъ Яцковичъ, живущій тутъ же въ Стриторѣ и, какъ оказывается, одинъ изъ самыхъ ярыхъ фанатиковъ.

„Сейчасъ вы слышали, братіе, изъ возвѣщеннаго вамъ слова Божія, кто есть *истинный пастырь,* а кто только—*тать и раз-*

бойникъ; слышали также и то, что потребно всякому человѣку, чтобы наслѣдовать *животъ вѣчный.* Думаю, что слышанное вами сейчасъ слово Божіе какъ нельзя болѣе подходитъ и къ нынѣшнимъ нашимъ обстоятельствамъ. Сегодня въ первый разъ вхожу я съ вами въ молитвенное общеніе, принося безкровную жертву о себѣ и за васъ. Сегодня, глашаемый вами за архипастыря своего, впервые вхожу въ вашъ дворъ. Сами видите, что вхожу къ вамъ дверьми, а не прелазаю инудѣ, не самочинно вторгаюсь, а иду на вашъ гласъ, а посему не только вы, но и всѣ другіе—ваши други и даже недруги, должны считать меня за истиннаго пастыря, а не за разбойника... Прихожу къ вамъ, чтобы возвѣщать вамъ *животъ вѣчный,* т. е. съ цѣлію поучать васъ истинной вѣрѣ, вѣрѣ православной; посему внемлите тому, что сейчасъ возвѣщу вамъ по сему предмету...

„Мы вѣруемъ такъ, какъ учитъ Христосъ Спаситель, какъ учили Его святые Апостолы, а за ними—отцы и учители Церкви,—вѣруемъ такъ, какъ всегда вѣровала *едина, святая, соборная и апостольская Церковь*, какъ вѣровали почти всѣ христіане первыхъ десяти вѣковъ послѣ Рождества Христова; все же, что прибавлено или измѣнено въ Сѵмволѣ вѣры, въ ученіи святыхъ отецъ, въ таинствахъ и обрядахъ Церкви послѣ 7-ми вселенскихъ соборовъ и вопреки ученію сихъ соборовъ и всей вселенской Церкви,—мы отметаемъ и не пріемлемъ за истинное ученіе. Отцы первыхъ двухъ вселенскихъ соборовъ, какъ я вамъ вчера разъяснялъ, постановили, согласно слову Божію и преданію Церкви, Сѵмволъ вѣры безъ прибавки въ 8 членѣ *и отъ Сына*, а отцы 3-го вселенскаго собора подъ угрозою отлученія отъ Церкви подтвердили этотъ Сѵмволъ: мы такъ и вѣруемъ, такъ и исповѣдуемъ, а всѣхъ тѣхъ, кто искажаетъ этотъ Сѵмволъ вѣры, вопреки заповѣди святыхъ отецъ, какъ напримѣръ римскую церковь—„папиштацкую“, мы отвергаемъ и не считаемъ за православныхъ...

„Святая Церковь всегда учила и учитъ, что Глава Церкви есть Христосъ Спаситель, а епископы и пресвитеры суть только Его слуги; посему мы такъ и вѣруемъ, а тѣхъ христіанъ, которые не считаютъ Христа единою Главою, а признаютъ еще другого за главу Церкви,—какъ напримѣръ римско-католики папу,—мы

не пріемлемъ за истинныхъ исповѣдниковъ вѣры. Мы думаемъ, на основаніи слова Божія, что безъ грѣха только Богъ; а посему того, кто выдаетъ себя за непогрѣшимаго, какъ это дѣлаетъ папа римскій, мы не считаемъ за таковаго. Не считаемъ мы и Русскаго Императора за главу Церкви,—хотя васъ и хотятъ увѣрить въ этомъ ксендзы и іезуиты,—не считаетъ онъ и самъ себя за таковаго;—нѣтъ, Благочестивѣйшаго Государя Императора мы считаемъ только за перваго сына Церкви, за ея защитника и охранителя на землѣ отъ ея видимыхъ враговъ. Неправда и то, что всякъ, кто станетъ православнымъ, непремѣнно долженъ сдѣлаться и „москалемъ", т. е. быть подданнымъ Русскаго Царя и идти въ солдаты; нѣтъ, быть православнымъ не значитъ быть подданнымъ Царя Русскаго, а въ солдаты взять отсюда, еслибы кто захотѣлъ, то не могъ-бы, ибо законы здѣшніе этого не позволяютъ сдѣлать. Ну, скажите сами: беретъ ли васъ цезарь австрійскій въ солдаты, хотя вы были и его подданные?!

„Наша православная Церковь всегда учила и учитъ, что безъ грѣха родился только Христосъ Богъ; а другіе всѣ рождаются въ первородномъ грѣхѣ: *се бо въ беззаконіихъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя*,—говорилъ еще и царь-пророкъ Давидъ. Изъ этого слѣдуетъ, что и Пресвятая Дѣва Марія, хотя и есть честнѣйшая херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія серафимъ, Царица небесе и земли,—но и она родилась не такъ, какъ Сынъ Божій, а подобно тому, какъ рождаемся и мы, т. е. небезмужно, а слѣдовательно и не безъ первороднаго грѣха. Посему паписты ложно учатъ, когда говорятъ, что Пресвятая Дѣва Марія была *непорочно зачата* Іоакимомъ и Анной. Нѣтъ, не непорочно, хотя Іоакимъ и Анна и были люди праведные. Уже по рожденіи своемъ Она была предочищена Духомъ Святымъ въ сосудъ благодати Божіей, чтобы затѣмъ сдѣлаться и Богородицею. Лгутъ также вамъ, когда говорятъ, что въ православной Церкви не чтутъ Пресвятую Дѣву Марію за Богородицу. Посмотрите вотъ на мою панагію: кто на ней изображенъ: не Пресвятая ли Дѣва Марія? Припомните, какъ мы вчера за вечерней пѣли „Богородице Дѣво, радуйся, благодатная Марія", „Достойно есть" и „Взбранной Воеводѣ": развѣ это не свидѣтельствуетъ о томъ, что и мы чтимъ Пресвятую Дѣву

Марію за Богородицу и молимся ей, какъ нашей нерушимой стѣнѣ и предстательству?

„Мы вѣруемъ, что за трапезой Господней должно причащаться всѣмъ христіанамъ, подъ обоими видами—хлѣба и вина, а не подъ однимъ, ибо Христосъ Спаситель сказалъ не только *пріимите ядите*, но и *пійте отъ нея* (чаши) *вси*,—не сказалъ пійте только апостолы, а послѣ нихъ епископы и пресвитеры,—а сказалъ *вси:* значитъ—*и ты, и я, и онъ*, т. е. и духовные, и міряне; а посему тѣхъ, кто поступаетъ не по заповѣди Господней, мы не считаемъ за правовѣрующихъ.

„Мы вѣруемъ, что Господь проліялъ Свою пречистую Кровь на крестѣ туне, ради нашего спасенія; а посему и пріемлетъ къ Себѣ только тѣхъ, кто приходитъ къ Нему съ вѣрою и съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ; значитъ, тѣ, кто учитъ, что можно получить разрѣшеніе грѣховъ, купивъ себѣ индульгенцію у папы, тѣ погрѣшаютъ противъ истины.

„Говорятъ, что у насъ, православныхъ, нѣтъ святой воды. Не знаю, что на это сказать, потому что сами вы видѣли, какъ вашъ батюшка святилъ вамъ воду. Правда, мы не держимъ святой воды какъ папиштаки, т. е. въ особыхъ сосудахъ, въ которыхъ каждый можетъ омочить персты и помазать себѣ чело,—это правда; но неправда, что совсѣмъ у насъ нѣтъ святой воды. Не держимъ мы святой воды такъ открыто потому, что не у всякаго всегда бываютъ чисты руки, чтобы опускать ихъ въ святую воду. Не лучше ли такъ сдѣлать, какъ это бываетъ у насъ: хочется окропиться святой водой, или испить ея немного,—подойди къ батюшкѣ и скажи ему объ этомъ—и онъ тебѣ вынесетъ въ чистомъ сосудцѣ и окропитъ кропиломъ и дастъ испить,—и будетъ и для тебя хорошо, и для святой воды пристойно. Вѣдь, не правда-ли?

„Вотъ наша вѣра. Это есть вѣра апостольская, это есть вѣра отеческая, вѣра и вашихъ прадѣдовъ, которыхъ отторгли отъ единой, святой, соборной и апостольской Церкви папиштаки насиліемъ; вѣруете ли вы такъ, какъ мы вѣруемъ, и обѣщаетесь ли пребыть въ вѣрѣ этой до скончанія вѣка? И если вѣруете, то отрицаетесь ли отъ папы и его заблужденій?“

Когда на все это послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, я велѣлъ всѣмъ стать на колѣна; затѣмъ, возвѣстивъ, что волею и

благословеніемъ Святѣйшаго Сѵнода пріемлю ихъ въ лоно святой православной Церкви, я велѣлъ имъ, чтобы каждый въ душѣ своей исповѣдалъ свои грѣхи и каялся въ нихъ, въ то время какъ я буду читать надъ ними молитву. Всѣ преклонили колѣна; остались человѣка два-три непреклонившихся. Нѣкоторые плакали. Давъ немного времени собраться имъ съ мыслями, я началъ читать надъ ними молитвы, положенныя на сей случай въ чинѣ на присоединеніе приходящихъ отъ раскола, а наконецъ и разрѣшительную молитву. Послѣ этого, обнявъ и облобызавъ одного изъ стоявшихъ ко мнѣ поближе, я сталъ продолжать литургію. Причастниковъ было немного. Послѣ обѣдни отслужилъ молебенъ святителю Николаю и совершилъ крестный ходъ вокругъ дома съ окропленіемъ всего дома святою водою. Погода была прекрасная, ясная, солнечная,— все вокругъ зеленѣло и цвѣло... Народъ въ веселіи разошелся по домамъ. Всѣмъ, кто только хотѣлъ, я роздалъ по крестику, по книжкѣ религіозно-нравственнаго содержанія, по Троицкой иконкѣ, по кусочку антидора, окропивъ при этомъ всѣхъ святой водой, чѣмъ фактически, конечно, доказалъ существованіе ея въ нашей Церкви...

Вечеромъ того же дня мы выѣхали обратно въ Чикаго.

— Что сказать объ этихъ неофитахъ?—Между ними, безспорно, есть много хорошихъ людей, искренно желавшихъ присоединенія къ православной Церкви; но есть немало и такихъ, которые нестолько сознательно, сколько по стадному инстинкту пошли туда за другими. Эти какъ то выглядятъ болѣе уніатами, нежели православными. Кажется, что ихъ увлекла сравнительная дешевизна, т. е. безплатный священникъ, безплатность мѣста въ церкви (въ костелахъ надобно платить 15 долларовъ въ годъ съ человѣка), сравнительная свобода... Эти люди такъ же легко могутъ и отпасть, какъ легко и пристали къ православію. Кромѣ этого, въ Стриторѣ есть еще два большихъ неудобства для православія: это, во-первыхъ, необычайный фанатикъ священникъ Яцковичъ, который съ необыкновеннымъ упорствомъ и настойчивостью преслѣдуетъ свои цѣли, именно обращеніе вновь въ унію православныхъ уже русиновъ. Онъ безпрестанно ходитъ по домамъ (хижамъ), уговариваетъ, пугаетъ, усовѣщеваетъ, проситъ, а иногда

даже и плачетъ. Его гонятъ, а онъ всетаки идетъ и снова повторяетъ свое. Заходилъ онъ и ко мнѣ,—какъ будто случайно, не зная-де, что я въ Стриторѣ *). „Вы, говоритъ, работаете на насъ: все это будетъ снова наше"!—Я пытался ввести его въ правильное собесѣдованіе; но сдѣлать это было довольно трудно, ибо онъ никакъ не хотѣлъ держаться одной нити въ разговорѣ, а перескакивалъ съ предмета на предметъ безъ всякаго плана. Говоритъ онъ торопливо и скороговоркой, по-малороссійски. „Вы являетесь католичнѣе самого папы, замѣтилъ я ему на его рацеи,—я думаю, что и самъ папа несравненно скромнѣе думаетъ о себѣ, чѣмъ сколько вы приписываете ему". Но онъ закивалъ и головой и руками отрицательно, и затѣмъ быстростремительно обратился вспять. точно опасаясь за себя, въ случаѣ если онъ дольше останется со мною...

Другое неудобство,—и немалое по моему мнѣнію,—это то, что многіе изъ православныхъ русиновъ женаты на полькахъ, да еще заядлыхъ католичкахъ, которыя всѣми способами влекутъ своихъ мужей въ костелъ и къ ксендзамъ. Объ этомъ обстоятельствѣ я узналъ уже много спустя послѣ присоединенія къ православію стриторцевъ. Но и теперь, въ этотъ пріѣздъ, посѣщая нѣкоторыхъ изъ семейныхъ стриторцевъ, принявшихъ православіе, я былъ весьма пораженъ тѣмъ, что жены нѣкоторыхъ не подходятъ подъ благословеніе, причемъ въ одномъ домѣ (Палащака, который недавно перешелъ снова въ унію) хозяйка не только не подошла подъ благословеніе, но еще, какъ то злобно взглянувъ на меня, отвернулась спиной ко мнѣ и уже не обращала никакого вниманія. Это меня до крайности удивило, и когда я полюбопытствовалъ узнать—православная-ли она, то услышалъ, что она „папистачка", и что къ нимъ въ домъ особенно учащаетъ священникъ Яцковичъ.

Эти обстоятельства сильно озабочиваютъ меня относительно будущности православія въ Стриторѣ. Еслибы еще священникъ А. Вретта могъ быть всегда при нихъ, тогда всетаки можно бы было быть болѣе спокойнымъ; но дѣло въ томъ, что ему надобно

*) Говорилъ, что приходилъ къ дьяку нашему.

управлять еще и Чикаговскимъ приходомъ; имѣть же два причта для такихъ небольшихъ приходовъ—будетъ крайне обременительно для того источника, откуда идутъ деньги сюда на содержаніе здѣшняго духовенства.

Съ такими тяжелыми думами оставилъ я сіе малое стадо, только-что введённое во дворъ овчій. Изъ моей задумчивости вывела меня ввалившаяся пьяная толпа нѣмцевъ, между коими былъ одинъ уланъ въ полной парадной формѣ. Они ввалились въ вагонъ съ бутылками пива и съ пѣснями. Пѣли, вѣроятно, что-то патріотическое, потому что имя Бисмарка поминалось очень часто. Долго эти тевтоны дебоширили, не замѣчая насъ; но затѣмъ, замѣтивъ меня въ рясѣ и съ крестомъ на груди, они стали хохотать, а одинъ затянулъ даже богохульную пѣсню. Чувствовалось обидно, и нестолько за себя, сколько за ихъ человѣческое достоинство, но надо было смирить себя и не подавать виду, что понимаешь. Къ счастію, на слѣдующей станціи они оставили насъ совсѣмъ, укативъ куда-то въ сторону...

Домой пріѣхали уже довольно поздно. Но едва только я успѣлъ раздѣться и осмотрѣться, какъ вдругъ услыхалъ какой-то неопредѣленный шумъ на улицѣ, а потомъ музыку. Иду къ окну, открываю, и что-же?—это „армія спасенія" изволитъ маршировать мимо нашихъ оконъ по направленію къ Madi son-street. Такъ какъ я еще доселѣ никогда не встрѣчался съ этой арміей, то понятно, съ какимъ любопытствомъ я сталъ всматриваться въ то, что происходило на улицѣ. Это было что-то фантастическое—и скорѣе потѣшное, нежели въ собственномъ смыслѣ религіозное. Впереди оркестръ музыки, наигрывающій какой-то военный маршъ, затѣмъ по бокамъ факелы и бенгальскіе огни и знамена съ какими-то надписями; потомъ мужчины и женщины парами, идущіе подъ тактъ музыки, съ какими-то шарфами чрезъ плечо; затѣмъ экипажи потомъ другой хоръ музыки—и тоже факелы и бенгальскіе огни, и опять пары марширующихъ мужчинъ и женщинъ... По обѣ стороны улицы, на тротуарахъ, толпа мальчишекъ и всякаго рода зѣвакъ. Говорятъ, что эта армія останавливается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на перекресткахъ, и совершаетъ свои экзерциціи, состоящія въ воздѣяніи рукъ, въ проповѣди, въ пѣніи гим-

новъ, колѣнопреклоненіяхъ и пр. Но, къ сожалѣнію, этого я не видѣлъ; идти же вслѣдъ за этой процессіей, въ виду поздняго времени, не представлялось удобнымъ. Впослѣдствіи приходилось мнѣ не разъ встрѣчаться съ отдѣльными лицами изъ этой арміи, съ капитанами и рядовыми, мужчинами и женщинами, съ барабанами въ рукахъ и безъ оныхъ; но всетаки ни разу не пришлось присутствовать при ихъ богомоленіяхъ. Говорятъ, что это что-то до крайности нелѣпое и неосмысленное: можно думать, что это правда—судя по тому, что̀ видѣлъ я лично...

III.

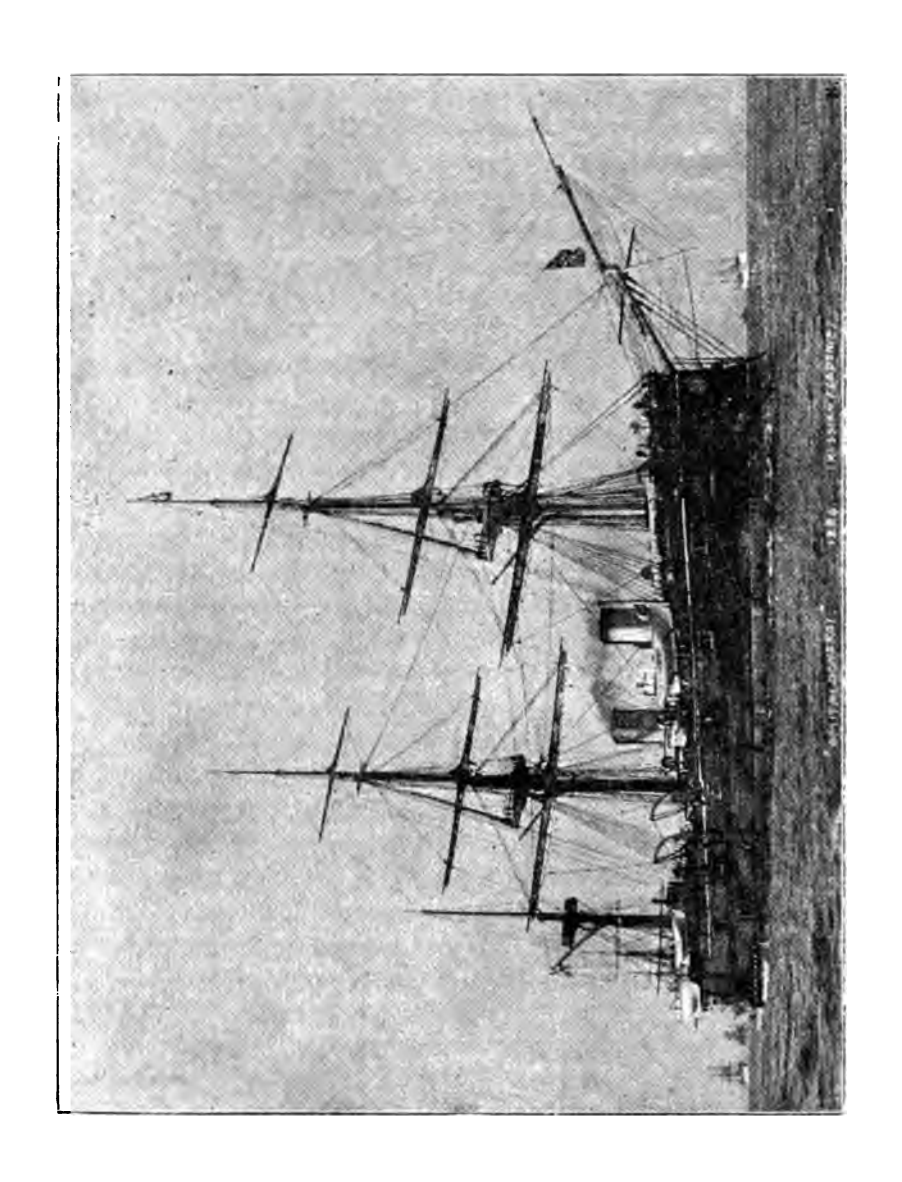
11-го мая, передъ вечеромъ, когда я раздумывалъ, какъ намъ получше отпраздновать 15-е мая, день вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя, какъ устроить пѣніе и все прочее,—вдругъ неожиданно получаю изъ Нью-Іорка телеграмму съ требованіемъ немедленнаго отвѣта. Вскрываю и оказывается слѣдующее: «Will be glad to see you in Philadelphia on board Dimitri Donsquoy to officiate on board the ships on the 27-th of May. Please wire. Admiral Koznakoff» *).—Раздумывать долго было нечего, ибо оставалось всего только два дня въ нашемъ распоряженіи на проѣздъ и на все; поэтому, не ломая долго головы, я написалъ въ отвѣтъ слѣдующее: «Heartily thanks for invitation. Leave Chicago for Philadelphia Fhursday 10. [45]. A. M. Pensylvania Line» **). На другой день ровно въ 10 ч. утра мы съ Зайченкомъ были уже на вокзалѣ Пенсильванской желѣзной дороги, а черезъ полчаса съ небольшимъ—въ вагонѣ и въ пути. Ѣхали мы ровно сутки,—по мѣстности самой богатой и самой воздѣланной въ Соединенныхъ Штатахъ. Лѣса, горы, города, села, рѣки, озера—все это поминутно чередовалось и ласкало взоръ и разнообразіемъ, и свѣжестью своихъ красокъ, и причудливостью

---

*) „Буду весьма радъ видѣть Васъ въ Филадельфіи на бортѣ „Димитрія Донского“ служащимъ на бортѣ корабля 27 мая. Прошу отвѣчать. Адмиралъ Познаковъ“.

**) Сердечно благодарю за приглашеніе. Выѣзжаю изъ Чикаго въ Филадельфію въ четвертокъ въ 10 ч. 45 м. утра, по Пенсильванской линіи (ж. д.).

Къ стран. 34—35.

Фрегатъ „Димитрій Донской“.

формъ и очертаній. Пенсильванская весна была въ полномъ расцвѣтѣ. Къ Филадельфіи мы подъѣхали садами, парками, рощами. Миль двадцать, если не болѣе, пришлось ѣхать мѣстностью, которая представляетъ изъ себя сплошныя дачи, съ домами затѣйливой архитектуры, съ множествомъ всякихъ цвѣтовъ въ палисадникахъ, въ самыхъ разнообразныхъ куртинахъ.—На вокзалѣ насъ встрѣтилъ мичманъ Гильдебрантъ и два іеромонаха—Андроникъ съ „Димитрія Донского" и Ираклій съ „Рынды". Привѣтствуя меня отъ имени адмирала, мичманъ Гильдебрантъ заявилъ мнѣ, что адміралъ извиняется, что самъ не могъ встрѣтить меня, ибо этотъ часъ назначенъ отъ города для пріема его въ думѣ. Вслѣдъ за этимъ намъ подали карету и мы поѣхали съ мичманомъ Гильдебрантомъ на набережную къ фрегатамъ, а отцы остались съ Зайченкомъ хлопотать о багажѣ и о всемъ, что потребно для торжественной службы. На набережной намъ пришлось подождать нѣсколько времени, пока по данному сигналу отчалилъ съ „Димитрія Донского" катеръ и прибылъ въ гавань. Радостно забилось мое сердце, когда я увидѣлъ загорѣлыя, но мужественныя лица матросовъ, услышалъ отъ нихъ родную рѣчь; но еще болѣе забилось мое сердце, когда я увидѣлъ русскіе фрегаты, рельефно вырисовывавшіеся своими громадными контурами на водахъ Делавара, среди множества другихъ иностранныхъ судовъ, и когда замѣтилъ въ числѣ стоявшихъ на верху трапа самого Великаго Князя Александра Михайловича. Его высокая и стройная фигура, его мягкій взоръ и точно улыбающіеся глаза, его сходство съ Государемъ,—все это невольно приковывало къ нему вниманіе и заставляло желать скорѣе выйти изъ катера и взойти туда, гдѣ стоялъ Онъ—Сродникъ Царевъ...

Великій Князь встрѣтилъ меня по военному—подъ козырекъ; точно также и другіе офицеры, разставленные невдалекѣ одинъ отъ другого. Затѣмъ Великій Князь подошелъ ко мнѣ и принялъ отъ меня благословеніе. Великій Князь въ этотъ день былъ дежурнымъ за старшаго офицера, а потому самъ меня проводилъ въ адміральское помѣщеніе и здѣсь, побесѣдовавъ со мною нѣсколько времени объ Америкѣ и о дѣлахъ нашей епархіи, лично указалъ мнѣ приготовленное для меня помѣщеніе въ одной изъ каютъ

*

адмирала. Вскорѣ послѣ этого прибылъ и самъ адмиралъ. Я сразу какъ-то почувствовалъ глубокую симпатію и уваженіе къ этому человѣку. Его, сколько я замѣтилъ, всѣ уважаютъ и любятъ на крейсерахъ. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій—онъ тутъ же пригласилъ меня къ завтраку, за которымъ присутствовали только старшіе офицеры и духовенство. Здѣсь же я познакомился и съ капитаномъ этого фрегата Н. И. Зеленымъ. Вскорѣ послѣ этого я перезнакомился и со всѣми другими офицерами, а затѣмъ и со всѣми почти матросами и, скажу по совѣсти, полюбилъ ихъ всѣхъ, такъ что когда пришлось ѣхать обратно на берегъ, чтобы уже совсѣмъ оставить фрегаты, то было какъ-то тяжело на сердцѣ: точно оставлялъ свою родную семью, свой родной домъ!

Въ 5 ч. вечера 14-го мая служилъ на „Донскомъ" торжественное всенощное бдѣніе; сослужащими были о. Андроникъ и о. Ираклій. Пѣли матросы—и пѣли прекрасно, мастерски, особенно мнѣ понравилась спѣтая на другой день Херувимская Ломакина.— Церкви постоянной на „Димитріи Донскомъ" нѣтъ: есть походная церковь, которая всякій разъ собирается матросами на средней палубѣ. Матросики суетились и, видимо, съ особеннымъ усердіемъ занимались приготовленіемъ къ службѣ: просфоры были спечены на славу, такъ что и любой женскій монастырь позавидовалъ бы ихъ печенію. За всенощной были обѣ команды—и съ „Димитрія Донского" и съ „Рынды". По входѣ въ церковь, я сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ предстоящимъ, въ которыхъ высказалъ свою радость, что я хотя на короткое время, но всетаки буду не на чужбинѣ, а среди своей братіи, и притомъ въ такіе великіе дни, какъ коронація и Троицынъ день. За всенощной во время елеопомазанія раздавалъ крестики, иконки и Троицкіе листки. Послѣ всенощной Великій Князь съ адмираломъ уѣхали куда-то въ городъ на званый обѣдъ; меня же офицеры пригласили къ себѣ въ каютъ-компанію на чай. Я съ удовольствіемъ принялъ это приглашеніе, тѣмъ болѣе, что видѣлъ всеобщую искренность и общее къ себѣ вниманіе. За чаемъ всѣ офицеры, собравшись въ кружокъ около стола, вели со мной бесѣду о разныхъ предметахъ, до метафизическихъ включительно. Время прошло незамѣтно; наконецъ, по данному сигналу, всѣ поднялись, чтобы идти „на

молитву". Вечерняя молитва, или, какъ ее военные называютъ, „заря", происходила на верхней палубѣ, подъ открытымъ небомъ, На молитву собираются всѣ, начиная съ адмирала и кончая послѣднимъ служителемъ. Матросы становятся въ двѣ шеренги, а офицеры съ „батей" во главѣ (такъ называютъ священника), у рубки капитана. Позвали и меня на молитву. Я, конечно, съ радостью послѣдовалъ на сей зовъ. Идя съ офицерами, я, между прочимъ, услышалъ высказанное нѣкоторыми вслухъ желаніе послушать отъ меня что-нибудь назидательное. Это мнѣ очень понравилось, и я рѣшился предложить имъ всѣмъ бесѣду *о молитвѣ вообще и о томъ, какъ сохранять въ себѣ молитвенную настроенность въ частности*. Эту бесѣду я велъ уже послѣ исполненія „зари". Слушали со вниманіемъ. Кончивъ бесѣду, преподавъ общее благословеніе, я хотѣлъ было идти обратно; но офицеры любезно предложили мнѣ осмотрѣть весь крейсеръ и посѣтить ихъ каюты Я послѣдовалъ за ними, бесѣдуя по дорогѣ съ матросами, которые въ это время приготовляли себѣ постели и готовились отходить ко сну. Былъ и въ больницѣ и восхищался образцовымъ въ ней порядкомъ и безукоризненною чистотою. Замѣтивъ, что здѣсь, кромѣ книгъ врачебныхъ, ничего другого нѣтъ для чтенія грамотнымъ матросамъ, я обѣщалъ имъ прислать сюда книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія, въ цѣляхъ этимъ маленькимъ вкладомъ положить начало библіотекѣ для чтенія находящимся въ больницѣ. Общее впечатлѣніе, полученное отъ обзора фрегата, было самое пріятное. Въ это же время мичманъ И. И. Назимовъ, одинъ изъ обязательнѣйшихъ офицеровъ, представилъ мнѣ маленькаго негритенка-сироту, взятаго съ острова святаго Ѳомы и усыновленнаго фрегатомъ. Мальчикъ этотъ лѣтъ 10-ти, очень живой и смышленый; уже выучился кое-что говорить по-русски: всѣ его любятъ—и офицеры, и матросы.

На другой день въ 10 часовъ утра я, въ сослуженіи тѣхъ же іеромонаховъ, началъ божественную литургію. За обѣдней присутствовали, кромѣ Великаго Князя, адмирала и офицеровъ обоихъ крейсеровъ,—еще нашъ посланникъ въ Вашингтонѣ князь Г. Л. Кантакузенъ съ членами миссіи—барономъ Шиллингомъ и П. С. Боткинымъ и много иностранцевъ, въ числѣ коихъ были и депу-

таты изъ различныхъ городовъ Америки, ѣздившіе въ Россію съ хлѣбомъ въ неурожайные годы и которыхъ теперь вызвали для раздачи имъ подарковъ отъ Государя Императора. Въ числѣ ихъ былъ и достопочтенный Тэлмеджъ съ сыномъ своимъ, изъ Нью-Іорка. Предъ молебномъ я сказалъ присутствующимъ слѣдующее поученіе:

Сей день, егоже сотвори Господь,
возрадуемся и возвеселимся въ онь!

„Въ жизни народовъ, какъ и въ жизни отдѣльныхъ лицъ, выпадаютъ иногда такіе счастливые дни, одно воспоминаніе о которыхъ способно вызвать самыя отрадныя чувства и самую теплую молитву хвалы и благодаренія къ Тому, отъ Кого исходитъ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ. Къ такимъ днямъ въ отечествѣ нашемъ относятся дни, отмѣченные по преимуществу милостью Божіей, въ числѣ коихъ, безъ сомнѣнія, должно занимать не послѣднее мѣсто и вѣнчаніе на царство Государей нашихъ. Въ священномъ вѣнчаніи на царство избранника Божія народъ нашъ издавна привыкъ видѣть проявленіе къ себѣ особенной милости Божіей, ибо хорошо помнитъ, къ чему приводило отечество наше безгосударево время. Да, онъ это помнитъ, а потому въ сіи дни и радуется и веселится предъ Господемъ о себѣ и о Царѣ своемъ особенною радостію и особеннымъ веселіемъ... Но, братіе мои и соотчичи, если когда и къ какому вѣнчанію на царство, то, безспорно, къ вѣнчанію нынѣ царствующаго Государя болѣе другихъ прилично отнести слова пасхальной пѣсни: *Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!*

Чтобы понять весь смыслъ этого событія въ нашей исторіи, чтобы вполнѣ оцѣнить его, надобно вспомнить все, что предшествовало этому событію,—вспомнить 1 марта и послѣдовавшее затѣмъ время—время общей тоски, унынія, духовной пригнетенности. Да, то было время, когда во-очію всѣхъ колебался не только престолъ царскій, но и самое отечество наше,—когда, повидимому, готово было сдвинуться съ вѣковѣчныхъ устоевъ своихъ все... Всѣ, кто жилъ тогда сознательною жизнію и понималъ опасность, угрожавшую нашему отечеству,—всѣ такіе люди, а такихъ

было безусловное большинство, ходили какъ будто придавленные чѣмъ, какъ будто накануне ужасной катастрофы. Пульсъ общественной жизни бился такъ сильно, что отдѣльныя лица буквально теряли разсудокъ... Но вотъ, какъ послѣ грозной и бурной ночи возсіяваетъ тихое майское утро, даря всѣхъ обиліемъ свѣта, теплоты и благоуханія; такъ точно было и событіе вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя нашего. Всѣ сразу почувствовали, что отечество наше остается на своихъ прежнихъ устояхъ, что сдвинуть его съ этихъ устоевъ уже никто не смѣетъ... Такое освѣжающее, ободряющее и укрѣпляющее впечатлѣніе на истинныхъ сыновъ отечества произвело сперва царское слово, возвѣщенное вслухъ всего міра съ высоты трона 29-го апрѣля, а затѣмъ и самое событіе вѣнчанія на царство—по завѣтамъ предковъ, по прадѣдовскому обычаю—въ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ. Легко тогда вздохнула святая Русь: какъ будто кошмаръ какой свалился съ нея; всѣ перекрестились и возвеселились о Господѣ. Народъ ликовалъ всюду,—точно въ свѣтлый праздникъ Воскресенія Господня... Скажите, можно ли забыть эти минуты?! Иностранцамъ, живущимъ съ представителями своей власти на основаніи договорныхъ грамотъ,—опредѣляющимъ свои взаимныя отношенія съ властью не столько довѣріемъ, сколько наоборотъ недовѣріемъ другъ къ другу,—иностранцамъ, говорю, этого русскаго народнаго восторга, этихъ возвышенныхъ чувствъ его къ своему Государю не понять, какъ не понять слѣпому, еслибы ему вздумали толковать о цвѣтахъ!..

Но, братіе и соотчичи, воспоминаемое нынѣ торжество наше усугубляется для насъ еще и тѣмъ, что мы въ своемъ Царѣ видимъ не просто правителя,—представителя порядка и власти; но и воистину Помазанника Божія—по сердцу не только нашему, но и Божію: непререкаемымъ свидѣтельствомъ этого можетъ служить для всякаго непредубѣжденнаго человѣка его двѣнадцатилѣтнее царствованіе! Образецъ во всемъ для своихъ подданныхъ, какъ въ жизни семейной, такъ и въ жизни общественной,—по сознанію даже и враговъ отечества нашего,—Онъ служитъ для всѣхъ насъ примѣромъ труда, любви и самоотверженія въ отношеніи къ своей родинѣ. Благодаря Его мудрой политикѣ, отечество наше успо-

коилось внутри и возвысилось извнѣ; реформы прежняго царствованія, приведенныя къ единству и окончательному оформленію по даннымъ опыта и другимъ указаніямъ жизни, способствовали духовному росту народа болѣе, чѣмъ какъ это было прежде; а со-внѣ Россія поставлена такъ, что теперь всѣ прислушиваются не къ тому, что скажутъ въ Парижѣ и Берлинѣ, а къ тому, что скажутъ въ Петербургѣ,—и взираютъ туда одни со страхомъ, другіе съ завистію, а иные, какъ напр. американцы, съ любопытствомъ. Будемъ же, возлюбленные, и впредь всегда слѣдовать не за измышленіями праздныхъ головъ, придумывающихъ способы осчастливить нашъ народъ новомодными теоріями, которыя въ сущности ведутъ къ гибели даже благоустроенныя государства, нѣтъ, будемъ слѣдовать за велѣніями святой Церкви и за народною совѣстію *), ибо въ этомъ, а не въ томъ—основа нашего благополучія; станемъ всѣ плотною стѣною около Помазанника Божія и Его престола,—и каждый въ кругѣ своей дѣятельности и своего званія будемъ всегда на стражѣ завѣтныхъ началъ нашего отечества православія, самодержавія и народности, помня, что этими началами Русь всегда жила, росла и крѣпла, поборая всякія опасности. и что безъ нихъ она можетъ стать такимъ же игралищемъ страстей, борьбы партій и личныхъ, эгоистическихъ стремленій, какими страдаютъ современныя европейскія государства и которыхъ нечужда и та страна, праздновать 400-лѣтній юбилей которой пріѣхали, между прочимъ, и вы. Вамъ же, кромѣ этого, какъ воинамъ, которымъ ввѣрена защита отечества отъ враговъ внѣшнихъ, пусть всегдашнимъ напоминаніемъ того, чѣмъ вы должны быть для Государя и отечества, служатъ самыя имена вашихъ пловучихъ твердынь. „Рында“ значитъ мечникъ, царскій тѣлохранитель: въ старину такъ называли ближайшую стражу цареву. Помните же то и будьте всегда стражами своего Царя, готовыми положить головы свои за него. Димитрій Донской—это одно изъ славнѣйшихъ именъ нашей исторіи; это былъ великій князь Московскій, собиратель земли русской. При немъ положено начало сверженія

*) Это сказано особенно въ предостереженіе меньшихъ братій, которыхъ, по выходѣ на берегъ, сейчасъ же окружаютъ наши нигилисты, живущіе здѣсь и сующіе въ руки и карманы всякую всячину.

монгольскаго ига, тяготѣвшаго надъ Россіей болѣе 200 лѣтъ. Тамъ, на поляхъ Куликовскихъ, за Дономъ, этотъ благовѣрный князь вмѣстѣ съ другими князьями и воеводами русскими, съ благословенія преподобнаго Сергія, полагалъ животъ свой за отечество свое и Церковь Божію. Сродникъ его—князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій и воевода Боброкъ-Волынскій были его доблестными соратниками и сподвижниками. Ревнуйте же и вы своимъ предкамъ въ ихъ славѣ!—Теперь мы наслаждаемся миромъ; но Господу одному извѣстно, что ожидаетъ всѣхъ насъ въ будущемъ, ибо часто бываетъ, что *егда рекутъ миръ и утвержденіе. тогда внезапу нападаетъ всегубительство* (Солун. 5, 3); посему будьте всегда готовы, съ вѣрою въ сердцѣ, встрѣтить всякаго врага грудью и славно умереть за Царя и Русь. Пусть имена славныхъ героевъ нашего флота — Корниловыхъ, Лазаревыхъ, Нахимовыхъ и др.—никогда не исчезаютъ изъ памяти вашей—напротивъ, пусть каждый изъ васъ, отъ самыхъ старшихъ и до самыхъ меньшихъ, ревнуетъ въ славѣ симъ героямъ!

Теперь же, братіе и соотчичи, вознесемъ наши сердечныя молитвы и моленія къ Отцу свѣтовъ—и первѣе всего за всѣ милости, явленныя нашему отечеству въ мимошедшія лѣта царствованія нашего Государя, и особенно за Его милость къ намъ въ Царѣ нашемъ, вѣнчанномъ и превознесенномъ; помолимся, затѣмъ, о самомъ Царѣ и царствѣ: да укрѣпляются они въ союзѣ своемъ, да утверждаются въ силѣ и славѣ.

Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь! Аминь".

По окончаніи всего, всѣ отправились къ адмиралу въ его помѣщеніе принести ему поздравленія. Здѣсь, между прочимъ, собрались и американцы. Многіе изъ нихъ подходили ко мнѣ и, по американскому обычаю, трясли за руку. Въ числѣ ихъ были Тэлмеджъ съ сыномъ, Эдгаръ изъ Миннеаполиса и многіе другіе. Тэлмеджъ мнѣ сказалъ, что онъ въ Россіи еще болѣе полюбилъ нашу вѣру. Всѣмъ имъ далъ я по служебнику на англійскомъ языкѣ и по фотографической карточкѣ. Они приняли все это весьма любезно, но просили, чтобы я сдѣлалъ каждому на память свою надпись. Я, конечно, исполнилъ это съ удовольствіемъ.

Послѣ небольшого отдыха, по знаку адмирала, всѣ мы поднялись по лѣстницѣ на верхнюю палубу. Здѣсь все уже было готово къ параду. Молодцы-матросы, бравые на видъ, въ красивой одеждѣ, были построены вокругъ всего крейсера. Всѣ пошли за адмираломъ по фронту; пошелъ и я за другими. Послѣ обычныхъ привѣтствій съ экипажемъ, было скомандовано на поднятіе флаговъ, а затѣмъ былъ произведенъ салютъ изъ пушекъ. Картина была эффектная и внушительная! Послѣ этого собрались у стола, поставленнаго посрединѣ палубы, на которомъ были разложены царскіе подарки. Это были разнаго рода серебряныя и золотыя вещи (кубки, стопочки, ковши и цѣлые сервизы) прекрасной работы Овчинникова. Сперва сказалъ князь Кантакузенъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ по-англійски, обращенныхъ къ американцамъ, а за нимъ и адмиралъ Козняковъ. Вслѣдъ за этимъ началась раздача подарковъ. Когда кончилась эта церемонія, послѣдовало приглашеніе со стороны адмирала выпить по чаркѣ вина за здоровье Государя, причемъ честь поднять первую чарку была предложена мнѣ. Съ радостью я принялъ это предложеніе и отъ всей души возгласилъ здравицу нашему великому Монарху. На мое „ура" послѣдовало дружное и зычное перекатное „ура" всѣхъ присутствующихъ и всей команды. Послѣ этого всѣ присутствующіе были приглашены къ завтраку въ адмиральскія каюты. Завтракъ прошелъ очень оживленно. Тостовъ было много, и всѣ были принимаемы съ неподдѣльнымъ чувствомъ воодушевленія. Наверху въ это время играла музыка. Обѣдъ окончился тѣмъ, что всѣ присутствующіе подписали другъ другу на память свои имена и фамиліи на оборотной сторонѣ menu. Вечеромъ была зажжена на обоихъ фрегатахъ превосходная иллюминація, а также фейерверкъ. Весь этотъ день оба фрегата буквально были осаждаемы публикой, которая живо интересовалась всѣмъ, что здѣсь было. Офицеры съ милою любезностью удовлетворяли всѣхъ и каждаго, насколько было возможно. Матросы затянули русскія народныя пѣсни, которыя приводили публику въ неописуемый восторгъ. По предложенію адмирала, поѣхали съ нимъ Великій Князь, я и капитанъ Зеленый съ нѣсколькими офицерами на катерѣ смотрѣть иллюминацію издали. Прогулка эта продолжалась болѣе часу и, конечно, на всю жизнь

останется въ памяти моей. Всякій разъ, какъ мы приближались къ набережной, народъ, покрывавшій ее всю и даже крыши сосѣднихъ домовъ, привѣтствовалъ нашъ катеръ воодушевленными возгласами. Послѣ катанья, когда иллюминація была погашена и публика очистила палубу, скомандовали на молитву. За молитвой присутствовали всѣ. Помня, съ какимъ вниманіемъ наканунѣ слушали всѣ мою бесѣду, я рѣшился и теперь побесѣдовать со всѣми о предстоящемъ праздникѣ Святаго Духа. Объяснивъ сущность этого праздника, я затѣмъ обратился ко всѣмъ съ увѣщаніемъ Духа въ себѣ не угашать, а потомъ объяснилъ, что значитъ не угашать въ себѣ Духа. Въ заключеніе предложилъ всѣмъ пропѣть вмѣстѣ со мною „Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины"... На мое предложеніе послѣдовало воодушевленное пѣніе этой молитвы Святому Духу. Было что-то величаво-торжественное въ этомъ пѣніи почти тысячью голосовъ, подъ голубымъ и звѣзднымъ небомъ Америки, среди тихой и теплой ночи, въ виду погруженнаго во мракъ инославнаго города, въ присутствіи тысячъ народа, еще толпившагося на набережной. Въ это время я чувствовалъ въ себѣ необыкновенный подъемъ духа; чувствовали, видно, это и другіе, ибо адмиралъ, не сдерживая себя, взялъ меня по окончаніи всего за руку и поцѣловалъ. Этимъ безмолвнымъ поцѣлуемъ этотъ достопочтенный человѣкъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ засвидѣтельствовалъ, что было у него въ сей моментъ на душѣ. Впослѣдствіи, когда я былъ уже въ Чикаго, онъ писалъ мнѣ слѣдующее: „Память Ваша остается у насъ на „Донскомъ" и живетъ въ мысли каждаго. Ежедневно вечеромъ всей командой поется молитва Святому Духу и такимъ образомъ молитвою этою мы всѣ непрестанно вспоминаемъ нашего Владыку (такъ зовутъ Васъ матросики)."

Литургію въ Троицынъ день служили на „Рындѣ". Здѣсь меня встрѣтили съ полнымъ парадомъ, причемъ я долженъ былъ прежде всего пройти по фронту и поздороваться съ командой, затѣмъ съ офицерами, и только послѣ этого уже отправился въ церковь. На мое привѣтствіе „здравствуйте, ребята"—всѣ отвѣчали громко и безъ запинки „здравія желаемъ", но на словахъ „ваше преосвященство" какъ то сразу сбивались съ такту: видно,

что это выходило у нихъ изъ обычной колеи. На „Рындѣ“ присутствовали и „Донскіе“, какъ „Рындовскіе“ присутствовали наканунѣ на „Донскомъ“. Предъ началомъ вечерни я говорилъ поученіе о Богѣ—Троичномъ въ лицахъ, Его свойствахъ и о томъ, какъ должно кланяться Богу, жить и служить Ему, чтобы не оскорблять Его величество и святость. Предъ началомъ вечерни одинъ изъ офицеровъ поднесъ мнѣ прекрасный букетъ цвѣтовъ. Послѣ обѣдни былъ парадъ, который принималъ уже адмиралъ, а затѣмъ завтракъ у капитана Кригера. Проводили меня обратно на „Донской“ съ такими же воинскими почестями, какъ и встрѣчали. Милѣйшій и хлѣбосольный капитанъ Кригеръ, кажется, сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать, чтобы праздникъ у него на „Рындѣ“ былъ какъ можно торжественнѣе.

Переодѣвшись, а затѣмъ простившись съ Великимъ Княземъ, адмираломъ, офицерами и со всею командою, я, въ сопровожденіи адмирала, капитана Зеленаго и другихъ офицеровъ, оставилъ фрегатъ „Донской“ и отправился обратно въ Филадельфію. Великій Князь такъ же любезно проводилъ меня, какъ любезно и встрѣтилъ. Преподавъ всѣмъ свое архипастырское благословеніе, я, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ и „отцовъ“, отъѣхалъ на вокзалъ, откуда минутъ черезъ двадцать—и восвояси, т. е. въ Чикаго. Въ Чикаго я пріѣхалъ 18-го мая, какъ будто обновленный и духомъ, и тѣломъ.

IV.

Въ Чикаго я засталъ у себя іеромонаха Николая, который теперь по совѣту врачей ѣхалъ обратно въ Россію. Вмѣстѣ съ этимъ я узналъ, что сюда же прибылъ изъ Берлина русскій хоръ Иванова, который, какъ передавали мнѣ, предлагаетъ свои услуги пѣть въ нашей церкви по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Это было для меня точно находка! Оставивъ іеромонаха Николая на нѣкоторое время въ Чикаго, я поручилъ ему заняться обученіемъ хора Иванова церковнымъ напѣвамъ и приготовленіемъ всего необходимаго къ освященію русскаго отдѣла на всемірной выставкѣ на 5 іюня, а самъ, пользуясь свободнымъ временемъ,

отслуживъ 21-го мая, въ день равноапостольныхъ Константина и Елены, литургію, отправился въ г. Миннеаполисъ, штата Миннесота, для устроенія тамошнихъ церковныхъ дѣлъ, ибо уже не одинъ разъ получалъ оттуда настойчивыя приглашенія „придти и пораховать".

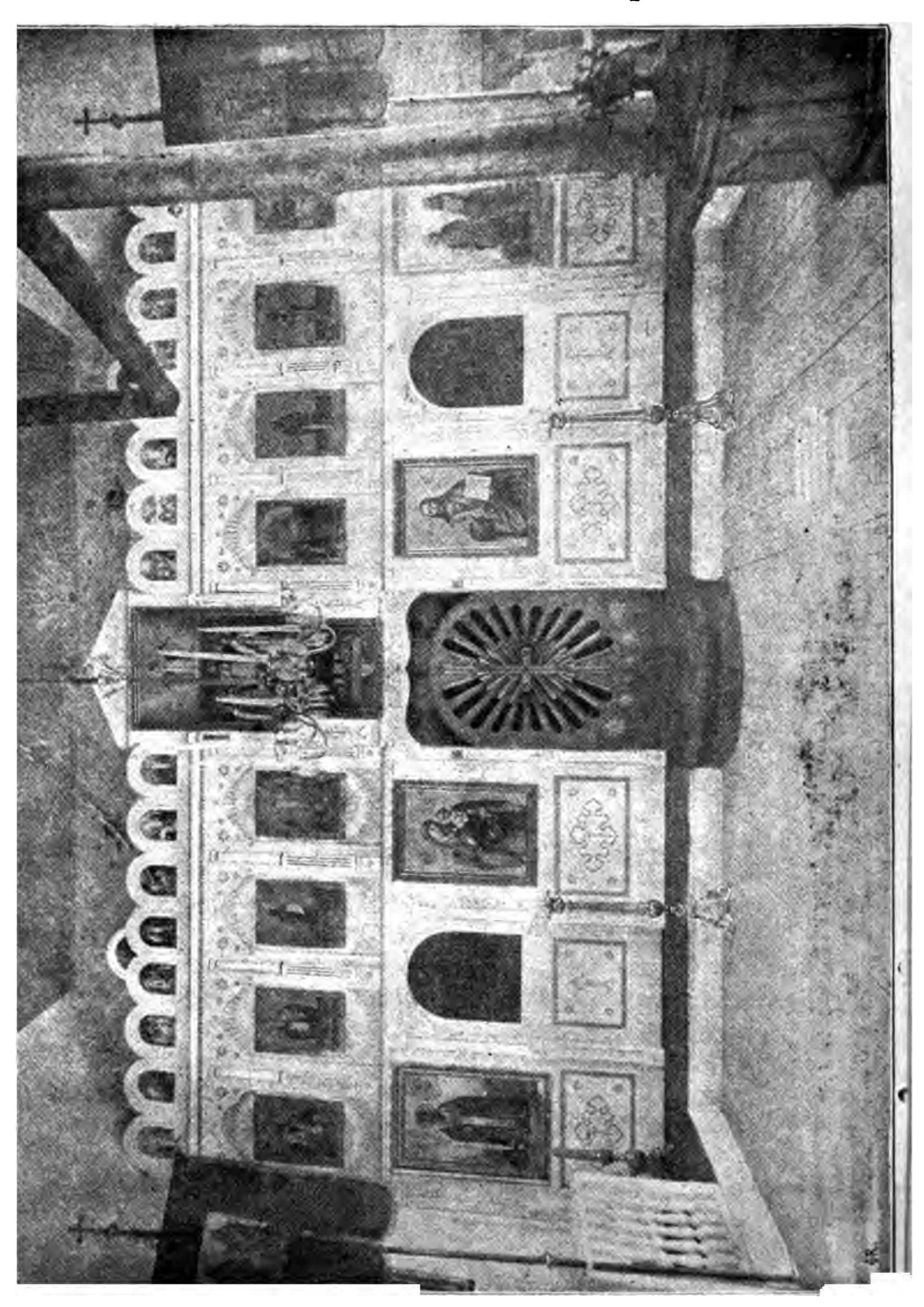
Въ Миннеаполисъ ѣхалъ я уже въ третій разъ. Въ этомъ городѣ впервые началось движеніе уніатовъ въ пользу православія и здѣсь же впервые образовался православный приходъ. Г. Миннеаполисъ—большой городъ, не меньше, пожалуй, Санъ-Франциско. Расположенъ онъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Миссисипи. Постройки прекрасныя,—богатыя, красивыя. На рѣкѣ Миссисипи много мельницъ и лѣсопильныхъ заводовъ. Въ этомъ мѣстѣ рѣка Миссисипи принимаетъ самое причудливое теченіе: то она ниспадаетъ каскадомъ съ вершины скалъ и, пѣнясь, съ шумомъ несется по каменистому ложу своему, разбиваясь въ брызги у скалистыхъ береговъ,—то, развѣтвляясь на нѣсколько рукавовъ, величаво течетъ подъ гранитными сводами мостовъ, перекинутыхъ чрезъ нее въ различныхъ мѣстахъ города. Цвѣтъ воды ея бурожелтый. Въ Миннеаполисѣ она, однакоже, не такъ широка, какъ въ Сентъ-Луисѣ, гдѣ я видѣлъ ее въ другой разъ и при другихъ обстоятельствахъ.

Наши прихожане живутъ по окраинамъ города и сосредоточиваются преимущественно въ двухъ мѣстахъ: одна часть, и большая, живетъ на 1701 str. N. E., а другая у рѣки Миссисипи—при пути въ Сенъ-Полъ, отстоящій отъ Миннеаполиса всего только на десять миль. Церковь, деревянная и довольно благоустроенная, находится на сѣверо-восточной сторонѣ города. Тутъ же возлѣ церкви—приходскій домъ и школа. До обращенія миннеапольцевъ въ православіе никто изъ уніатовъ и не зналъ о существованіи православнаго епископа въ Америкѣ. Его существованіе здѣсь было открыто совершенно случайно. Сдѣлалъ это открытіе Иванъ Млинарь—прихожанинъ Миннеапольской церкви. Посланный приходомъ собирать деньги на постройку церкви (коллектовать—по-русински), онъ зашелъ и въ г. Санъ-Франциско. Проходя здѣсь однажды по Powell-street'у, онъ замѣтилъ нашу церковь. Зашедши въ нее, встрѣтился съ преосвященнымъ Владиміромъ, который весьма ласково его принялъ и поговорилъ съ нимъ о православіи.

Возвратясь обратно въ Миннеаполисъ, сей Млинарь повѣдалъ своимъ собратамъ, что-де „у Санъ-Францишку“ есть „русская церковь и русскій архіерей“. Народъ сему обрадовался и сталъ просить своего „душпастыря“ ѣхать въ Санъ-Франциско и принимать православіе. Такъ началось это движеніе. Затѣмъ уже, увидавъ архіерейское богослуженіе и услышавъ огласительное слово о православной вѣрѣ, они стали сообщать о семъ и другимъ братіямъ своимъ, жившимъ въ Пенсильваніи и далѣе: такъ и распространилось благовѣстіе о православіи въ Америкѣ! Въ данномъ случаѣ не овцы шли за пастырями, а пастыри за своими овцами. Это наблюдается и нынѣ повсюду,—и въ этомъ то я вижу залогъ будущихъ успѣховъ православія въ Америкѣ. Истина сама о себѣ свидѣтельствуетъ и не требуетъ никакихъ фокусовъ и приманокъ: потребны только искренніе и благоговѣйные носители этой истины, благолѣпное служеніе въ храмахъ и понятное для народа благовѣстіе. Поэтому на всѣ иныя мѣры, предлагаемыя мнѣ, а также и на всѣ рацеи „превелебныхъ пановъ и душпастырей“ я смотрю скептически. Пусть это дѣло, по-моему, идетъ медленно, но затѣ вѣрнымъ и твердымъ шагомъ, а не скачками и по стаднымъ инстинктамъ.

Изъ Чикаго я выѣхалъ въ 8 часовъ вечера, а на другой день въ 7 часовъ утра былъ уже въ Миннеаполисѣ. Въ этотъ разъ я ѣхалъ на Мильвоки—мѣсто, гдѣ также происходило нѣкое движеніе въ пользу православія, но уже не отъ уніатовъ, а отъ протестантскихъ заправителей. Навстрѣчу мнѣ на вокзалъ прихожане выслали карету, запряженную четверкой бѣлыхъ лошадей цугомъ. Я былъ предувѣдомленъ объ этомъ ранѣе и всячески старался отклонить отъ себя этотъ парадъ; но на всѣ мои резоны кураторы (попечители церкви) отвѣчали: „не, теразъ нехай буде якъ въ старімъ краю“, т. е. нѣтъ, на этотъ разъ пусть будетъ такъ, какъ въ старомъ краю, въ Австріи. Нечего дѣлать, подчинился ихъ усердію, и вотъ, возсѣвъ съ Зайченкомъ въ сію колесницу, мы торжественно поѣхали по стогнамъ града Миннеаполиса къ приходской церкви. Тамъ насъ встрѣтилъ о. іеромонахъ Севастіанъ, командированный сюда временно для совершенія богослуженій впредь до назначенія новаго священника на мѣсто о. А.

Къ стран. 46—47.

ронній видъ Покровской церкви въ г. Миннеаполисѣ (вскорѣ послѣ воз

Товта, переведеннаго мною, согласно его желанію и въ интересахъ миссіонерскаго дѣла, въ г. Вилькесъ-Барръ въ Пенсильваніи. Изъ церкви, послѣ краткаго молебнаго пѣнія, благословивъ присутствовавшихъ, я прошелъ въ школу, а затѣмъ и на „фару“, то есть въ приходскій домъ.

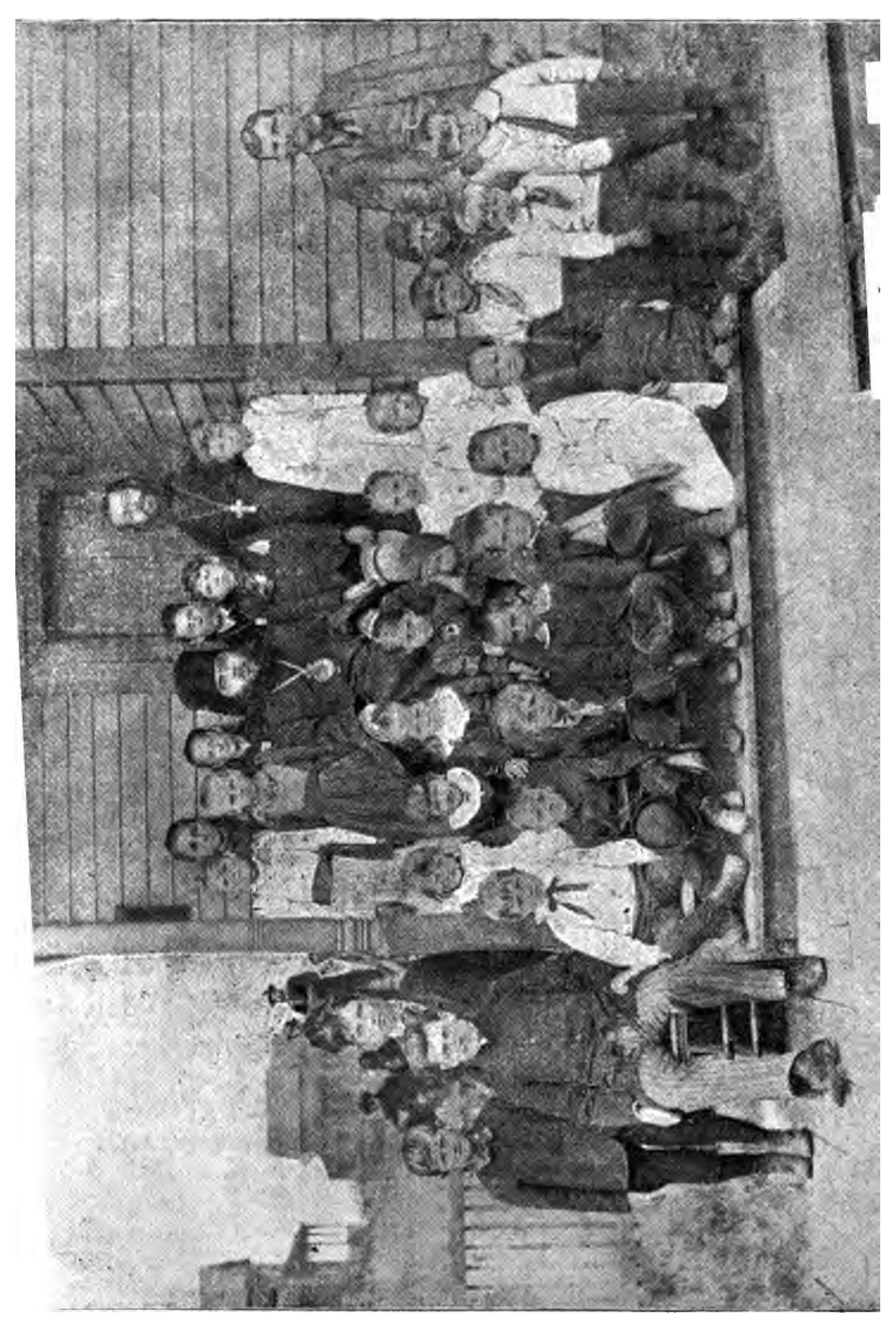
Въ Миннеаполисѣ я пробылъ до 1-го іюня включительно, занимаясь ежедневно дѣлами церкви и прихода, бесѣдуя съ прихожанами и служа въ церкви. Въ Миннеаполисѣ въ это время стояли самыя невыносимыя жары: мы не находили себѣ мѣста отъ зноя—особенно въ полдень. Вмѣстѣ съ сильными жарами здѣсь въ это время были и необыкновенныя грозы. Раскаты грома—съ залпами точно пушечными, чуть не надъ самымъ ухомъ, поражали до послѣдней степени и приводили въ какое-то странное состояніе, точно въ гипнотическое.

Вечеромъ подъ воскресенье служилъ всенощное бдѣніе. Народу было очень много. Пѣли весьма недурно—и пѣвчіе и весь народъ. На другой день служилъ обѣдню, а послѣ обѣдни совершалъ отпѣваніе тѣла раба Божія Василія (по фамиліи Сада), бывшаго въ числѣ попечителей или кураторовъ прихода. Всѣ „братчики“ были въ униформѣ, съ двумя знаменами—братскимъ и американскимъ. Предъ окончаніемъ отпѣванія говорилъ поученіе на текстъ: *лежитъ человѣку единою умрети, потомъ же судъ* (Евр. 9, 27). Въ этомъ поученіи старался раскрыть православное ученіе о состояніи душъ за гробомъ—въ противовѣсъ ученію католиковъ о чистилищѣ (purgatorium) или — какъ русины выражаются — объ „очистцѣ“.

Въ 8 часовъ вечера, послѣ вечерни, читалъ акаѳистъ Божіей Матери, а затѣмъ говорилъ поученіе по случаю недѣли „Всѣхъ Святыхъ“—о томъ, что и мы всѣ, православные христіане, призваны быть святыми, и о томъ, какъ пріобрѣтать эту святость. Вслѣдъ за этимъ въ помѣщеніи школы собраны были дѣти пѣвчіе, которые хотѣли „похвалиться“ своими успѣхами въ церковномъ пѣніи, причемъ спѣли мнѣ нѣсколько №№ изъ рождественскихъ службъ и нѣсколько №№ изъ пасхальной службы. Пѣли прекрасно и съ воодушевленіемъ, такъ что я немало дивился, когда они успѣли такъ выучиться: пѣли вѣдь всѣ по нотамъ! Оказывается.

что у нихъ такъ развита любовь къ музыкѣ и пѣнію, что они ни предъ чѣмъ не останавливаются, лишь бы только научиться этому искусству. Усталые отъ цѣлодневной работы — и часто очень тяжелой—они, кое-какъ умывшись и поѣвши, что Богъ послалъ, спѣшили въ школу къ Зайченку и здѣсь учились сему искусству, оставаясь часто здѣсь до 11 часовъ ночи и далѣе. Я, конечно, похвалилъ ихъ за эту ревность ихъ, обѣщая прислать имъ похвальный листъ (что и исполнилъ послѣ): они были этому очень рады.

На другой день посѣтилъ я мистера Эдгара, который былъ у насъ въ Россіи во время голода и издалъ прекрасную книгу о своей поѣздкѣ въ Россію; я уже имѣлъ возможность познакомиться съ нимъ лично на крейсерѣ „Димитрій Донской"; теперь же счелъ долгомъ сдѣлать ему и визитъ. Онъ былъ очень радъ моему посѣщенію и предлагалъ мнѣ отобѣдать съ нимъ вмѣстѣ; но я, въ виду наступившаго поста, отказался отъ этой чести. Отъ Эдгара мы проѣхали къ престарѣлому епископу англиканской церкви штата Миннесота, такъ какъ онъ былъ въ числѣ иниціаторовъ сформированія хлѣбной помощи русскимъ крестьянамъ. Онъ занимаетъ прекрасный домъ, окруженный садомъ и цвѣтниками. Насъ встрѣтила его дочь, почтенная леди; она сказала, что хотя ея отецъ и очень боленъ, тѣмъ не менѣе онъ приметъ меня съ радостію, и просила подняться къ нему наверхъ. Мы поднялись по широкой лѣстницѣ въ большую комнату, посрединѣ которой стояла постель съ возлежавшимъ на ней епископомъ. Старецъ-епископъ, сухой и костлявый—точно сама смерть, въ высшей степени оживился, увидѣвъ меня. Онъ попросилъ приблизиться къ нему, взялъ мою руку и поцѣловалъ, назвавъ меня при этомъ „holliness", т. е. святѣйшествомъ. Я былъ тронутъ этимъ вниманіемъ ко мнѣ умирающаго старца и въ свою очередь отвѣтилъ ему поцѣлуемъ его руки—не какъ епископу, а просто какъ почтенному и благородному старцу. Выразивъ ему благодарность отъ лица русскаго духовенства за его участіе въ сформированіи хлѣбной помощи страдавшимъ соотечественникамъ нашимъ во время двухъ неурожайныхъ годовъ и поговоривъ еще нѣсколько минутъ съ нимъ, я, чтобы болѣе не утомлять его, простился съ нимъ, пожелавъ

анеаполисская церковно-приходская школа (откр. 6—18 декабря 1892 г.).

ему скорѣйшаго выздоровленія и еще многихъ лѣтъ пастырствованія на пользу ввѣренной ему паствы. Дочь его проводила насъ до крыльца, распрощавшись самымъ любезнымъ образомъ. На другой день одинъ изъ священниковъ англиканской церкви пріѣзжалъ ко мнѣ съ отвѣтнымъ визитомъ отъ лица своего епископа, который, прикованный къ одру болѣзни, не могъ лично быть у меня. Когда о. Севастіанъ вышелъ провожать сего почтеннаго Reverend'а, то, къ удивленію, замѣтилъ, что онъ пріѣхалъ съ визитомъ на велосипедѣ. Видя его удивленіе, тотъ любезно замѣтилъ, что на этомъ конѣ онъ совершаетъ свои визитаціи и по приходу. Вотъ какъ скоро современныя изобрѣтенія получаютъ свое примѣненіе здѣсь и въ области церковной практики!

28-го числа вечеромъ былъ большой митингъ по случаю избранія церковнаго старосты, кураторовъ и новаго состава членовъ братства святыхъ апостоловъ Петра и Павла. Предъ митингомъ, который происходилъ въ школѣ и на который пришло болѣе 100 человѣкъ, я пригласилъ всѣхъ въ церковь и здѣсь, по пропѣтіи всѣми „Царю небесный“, обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой, по возможности, выяснилъ имъ права и обязанности церковнаго старосты и попечителей, затѣмъ порядокъ веденія церковныхъ дѣлъ вообще и хозяйства въ частности—по правиламъ нашей Церкви, затѣмъ порядокъ храненія и расходованія суммъ церковныхъ и братскихъ,—въ какихъ они должны быть отношеніяхъ къ своему священнику и архіерею, и предложилъ имъ выбрать себѣ церковнаго старосту и попечителей въ моемъ присутствіи чрезъ поднятіе правыхъ рукъ на имена тѣхъ, кого я буду называть. Изъ двухъ кандидатовъ, предложенныхъ мною въ церковные старосты, они избрали Маслея, а Сиванчака въ попечители. Затѣмъ остальныхъ я предложилъ имъ выбрать уже самимъ на митингѣ, а вмѣстѣ съ этимъ рѣшить вопросъ, когда и въ какіе сроки уплатить церковный долгъ, а также и то, сколько собирать коллекты для священника и псаломщика въ годъ, чтобы уже затѣмъ ничего не платить за совершеніе таинствъ.—Митингъ прошелъ прекрасно: выбрали людей хорошихъ въ попечители и члены братства,—все, что я предлагалъ имъ къ устройству прихода и братства, приняли благопочтительно и единогласно; долги

обѣщались уплатить въ два срока, а для причта коллектовать ежегодно съ семейнаго „фамильянта“ по 5 долларовъ въ годъ, а съ „самотнаго“ по 3 доллара, и выдавать батюшкѣ двѣ трети всей коллекты, а псаломщику одну треть—по полугодіямъ. Въ одномъ только не согласились со мной—и единогласно—это уплатить долгъ, сдѣланный еще до присоединенія къ православію о. А. Товтомъ въ суммѣ свыше 600 долларовъ частному лицу Ивану Кореню. О. Товтъ объяснилъ мнѣ, что онъ сдѣлалъ этотъ долгъ для нуждъ церкви, народъ же отрицалъ это, ибо, говорили мнѣ, онъ сдѣлалъ безъ спроса и согласія кураторовъ и народа. Какъ ни склонялъ я всѣхъ признать этотъ долгъ и заплатить его, повѣрить слову своего бывшаго душпастыря, но они всѣ остались непреклонны. Такимъ образомъ о. А. Товту пришлось volens nolens взять на себя этотъ долгъ, для каковой цѣли я распорядился выдать ему заимообразно эту сумму денегъ изъ епархіальныхъ суммъ съ тѣмъ, чтобы онъ погашалъ оную ежемѣсячнымъ взносомъ изъ своего жалованья. О. Товтъ изъявилъ согласіе на это рѣшеніе, и дѣло это можно считать теперь уже вполнѣ законченнымъ.

Миннеапольскій приходъ, имѣющій до 500 членовъ обоего пола съ дѣтьми, можно считать достаточно устроеннымъ. Правда, въ его составѣ еще есть человѣкъ пять безпокойныхъ головъ, которые пока крутятъ и сѣмо и овамо; но это ничтожное меньшинство—и я думаю, что большой опасности отъ этого не можетъ быть, тѣмъ болѣе, что вновь прибывшій изъ Россіи священникъ I. Маляревскій пастырь внимательный къ дѣлу своему и благоговѣйный.—На этомъ же митингѣ рѣшено было все церковное имущество переписать на мое имя и моихъ преемниковъ по епископству, и безъ моего благословенія не предпринимать ничего болѣе или менѣе важнаго.

26-го мая служилъ раннюю обѣдню—въ цѣляхъ пріобщить всѣхъ дѣтей и этимъ самымъ дать примѣръ и на будущее время возможно чаще приносить и приводить дѣтей въ церковь и пріобщать ихъ святѣйшей Крови Христовой. На мое приглашеніе было принесено болѣе 20 дѣтей, которыхъ я всѣхъ и пріобщилъ.

30-го мая, въ воскресенье, служилъ обѣдню съ о. Севастіаномъ, за которой возложилъ на него набедренникъ за его семи-

мѣсячное служеніе въ Миннеапольскомъ приходѣ въ отсутствіе священника. Того же дня послѣ вечерни привелъ церковнаго старосту и кураторовъ и членовъ братства, вновь избранныхъ, къ присягѣ, объяснивъ имъ предварительно значеніе сего акта. Послѣ присяги возгласилъ многолѣтіе новоизбраннымъ, на что всѣми присутствующими было пропѣто „многая лѣта“. При выходѣ изъ церкви народъ толпами подходилъ ко мнѣ, принималъ благословеніе и благодарилъ „за пораду“, данную имъ. Многіе потомъ приходили еще и на домъ, прощались и благодарили.— На другой день въ 7 ч. утра я выѣхалъ обратно въ Чикаго, проведя здѣсь почти 10 сутокъ.

V.

Дома нашелъ я на письменномъ столѣ визитную карточку миссъ Кэтъ Марсденъ—съ записочкой, въ которой она выражала желаніе видѣть меня назавтра въ 10 ч. утра. Въ назначенное время она дѣйствительно явилась ко мнѣ, въ сопровожденіи своей компаньонки миссъ Фильдъ. Вслѣдъ за нею прибыли еще: священникъ о. Николай Толстой, студентъ Московской духовной академіи, С. П. Патрикѣевъ—гласный Московской думы, и А. К. Недыхляевъ, о которомъ упоминалъ выше. Съ миссъ Марсденъ пріѣхала еще завѣдывавшая отдѣломъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи Т. Б. Сѣмечкина.

Миссъ Кэтъ Марсденъ произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе своею искренностью и своимъ въ высшей степени симпатичнымъ взглядомъ на несчастныхъ прокаженныхъ, о которыхъ она безъ особеннаго волненія не могла говорить. Пріѣхала она въ Чикаго, какъ выяснилось изъ разговора, съ тѣмъ, чтобы устроить маленькій отдѣлъ съ вещами, которыя она хотѣла ввести въ жизнь прокаженныхъ, а также поставить и модель того дома, который проектированъ къ постройкѣ въ Якутской области для прокаженныхъ.

На слѣдующій день меня посѣтили адмиралъ Н. И. Казнаковъ и генеральный комиссаръ П. И. Глуховской. Посовѣтовавшись съ ними, я рѣшилъ послѣ освященія русскаго мануфактурнаго от-

дѣла отправиться вмѣстѣ съ ними, въ Woumene building — въ британскій отдѣлъ, и тамъ окропить святою водою витрину миссъ Марсденъ.

Наконецъ, 5—17 іюня такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшееся всѣми, и русскими и иностранцами, событіе—открытіе русскаго отдѣла на всемірной выставкѣ стало совершившимся фактомъ. Правду сказать, достигнуть этого при той путаницѣ и безтолочи, какія господствовали въ это время въ таможнѣ и въ выставочной администраціи, стоило немалыхъ усилій всему составу русскаго комиссаріата. Если взять во вниманіе проволочки въ таможнѣ съ полученіемъ витринъ и экспонатовъ, недостатокъ рабочихъ рукъ и ихъ дороговизну въ началѣ выставки (доходило до 7 дол. въ сутки), постоянное вмѣшательство и придирки американскихъ чиновниковъ, то можно удивляться—какъ это все могло въ такой короткій срокъ создаться и устроиться, что въ общемъ было не только не хуже другихъ, а напротивъ—и во многомъ еще превосходило всѣ прочіе отдѣлы. Зато работали наши комиссары—особенно Бильбасовъ и Недыхляевъ—буквально до изнеможенія: въ послѣднія двое сутокъ они день и ночь оставались на выставкѣ—въ работѣ.

По исконному русскому обычаю, рѣшено было совершить открытіе нашего отдѣла съ молитвою и окропленіемъ святою водою. Для сей цѣли заблаговременно пригласили меня и хоръ Иванова, который въ это время пѣлъ народныя русскія пѣсни въ Трокадеро. Хоръ этотъ состоялъ изъ дѣвицъ и мальчиковъ; своимъ пѣніемъ онъ приводилъ всѣхъ американцевъ въ неописуемый восторгъ. Всѣ хористки и хористы всегда одѣвались въ прекрасные костюмы XVII вѣка—боярскіе. Подготовленные іеромонахомъ Николаемъ, эти пѣвчіе сослужили намъ великую службу, придавъ не мало блеска и безъ того великолѣпному торжеству.

Молебенъ съ водоосвященіемъ назначенъ былъ въ 11 ч. утра. Всѣ приглашенные должны были собраться въ среднеазіатскій отдѣлъ, гдѣ было уготовано все потребное для священнодѣйствія, начиная отъ архіерейскаго амвона и кончая самыми малѣйшими подробностями; здѣсь неподалеку были также повѣшены и 8 Самгинскихъ колоколовъ, въ которые трезвонили, когда

я шелъ туда и обратно, и послѣ чтенія Евангелія. Когда я пріѣхалъ, то здѣсь весь отдѣлъ уже былъ переполненъ публикой—и русской, и американской. Служилъ я молебенъ съ водосвятіемъ съ о. А. Вреттой—безъ діакона, котораго нигдѣ нельзя было достать, ибо единственный нашъ діаконъ Соболевъ былъ незадо̀лго предъ симъ рукоположенъ во іерея и отправленъ въ Ситху, гдѣ буквально некому было, за отсутствіемъ о. благочиннаго Донского, не только благовѣстить, но и крестить. Это, однакоже, нисколько не помѣшало пройти всей службѣ весьма торжественно. Предъ началомъ молебна я сказалъ рѣчь (помѣщ. въ „Церк. Вѣд.", въ іюлѣ мѣсяцѣ). По окончаніи молебна и возглашеніи обычныхъ многолѣтій, я возгласилъ еще многолѣтіе президенту Соединенныхъ Штатовъ и всему американскому народу, комиссарамъ, экспонентамъ и всѣмъ трудившимся въ устроеніи этого дѣла на этомъ всемірномъ состязаніи. Послѣ молебна и водоосвященія, при полномъ колокольномъ звонѣ съ чисто-московской техникой въ переборѣ звуковъ и тоновъ, я пошелъ вслѣдъ за главнымъ комиссаромъ. сопутствуемый массой публики, окроплять витрины и экспонаты. Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ моментовъ освященія. Прекрасное пѣніе хора Иванова „Спаси, Господи, люди Твоя", шедшаго въ живописныхъ костюмахъ впереди, звонъ колоколовъ, напоминавшихъ Бѣлокаменную, блестящая свита присутствующихъ комиссаровъ, экспонентовъ и др. слѣдовавшая за мной. тысячи народа всевозможныхъ націй и возрастовъ, окружавшихъ все пространство, гдѣ устроенъ нашъ отдѣлъ. и съ жадностью взиравшихъ на происходившее, ясный солнечный день, блескъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней въ витринахъ,—все это производило впечатлѣніе сильное, неотразимое, пожалуй, единственное въ своемъ родѣ за все время выставки. На другой день всѣ газеты были полны описаній этого событія. Въ заключеніе было сказано, что торжества, подобнаго русскому, въ Чикаго не было и не будетъ.—Послѣ церемоніи передачи отдѣла гг. Недыхляевымъ и Бильбасовымъ—П. И. Глуховскому и послѣ поднятія послѣднимъ занавѣса, закрывавшаго главный входъ въ русскій вестибуль—русскій отдѣлъ былъ офиціально признанъ открытымъ.

Разоблачившись, я вмѣстѣ съ главнымъ комиссаромъ Глуховскимъ отправился изъ зданія Manufactur-Building въ зданіе Woumen-Building, какъ было условлено нами,—къ миссъ Кэтъ Марсденъ. Прежде чѣмъ мы успѣли пріѣхать, туда уже собрались наши пѣвчіе и священники, а также большинство изъ публики, присутствовавшей на освященіи русскаго отдѣла; былъ здѣсь и адмиралъ Кознаковъ и почти всѣ наши комиссары. Маленькій и скромный отдѣлъ миссъ Марсденъ былъ убранъ по-праздничному русскими и англійскими флагами,—здѣсь все уже было приготовлено къ молебну; князь С. М. Волконскій принесъ даже для сей цѣли изъ своего отдѣла и образъ Спасителя превосходной работы. Облачившись въ мантію, митру и омофоръ, я совершилъ малое молебное пѣніе, а затѣмъ, по окончаніи онаго, обратился съ краткой рѣчью къ миссъ Марсденъ, которую здѣсь же переводилъ вслухъ всѣхъ по-англійски графъ Я. И. Ростовцевъ.

Отъ миссъ Марсденъ мы пошли къ фрейлинѣ Ея Императорскаго Величества княжнѣ М. Шаховской въ ея отдѣлъ. Здѣсь экспонировались всѣ кустарныя издѣлія русской женской промышленности, начиная отъ самыхъ изящнѣйшихъ издѣлій до самыхъ необходимыхъ и скромныхъ. Здѣсь также мы отслужили краткое молебное пѣніе съ окропленіемъ святой водой всего отдѣла и самой устроительницы онаго княжны Шаховской и ея сотрудницъ. Послѣ освященія этого отдѣла мы на короткое время заѣзжали въ отдѣлъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, освященіе котораго было предположено въ слѣдующую среду.

7—19 іюня служилъ литургію, за которой пѣлъ хоръ Иванова подъ управленіемъ іеромонаха Николая. Поученіе говорилъ на дневное Евангеліе (Мѳ. 6, 33)—о томъ, *гдѣ надлежитъ искать царствія Божія и въ чемъ оно состоитъ.* Послѣ обѣдни Т. Б. Сѣмечкина и Ѳ. К. Адеркасъ торжественно поднесли мнѣ въ церкви прекрасное бѣлое покрывало для плащаницы, работы дѣвицъ Казанскаго Родіоновскаго института. Покрывало отдѣлано богатымъ кружевомъ, съ превосходной вышивкой вокругъ. Другое подобное же было поднесено для аналоя и тоже работы Родіоновскихъ институтокъ. Этотъ неожиданный подарокъ доставилъ нашимъ прихожанамъ—особенно прихожанкамъ—немалое утѣшеніе;

всѣ съ большимъ любопытствомъ разсматривали сіи вещи и дивились художественной работѣ нашихъ институтокъ.

9—21 іюня совершалъ освященіе отдѣла вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Молебенъ назначенъ былъ въ 12 ч. дня. Сопровождали меня изъ дому Т. Б. Сѣмечкина и И. Н. Ковалевскій, делегатъ отъ Министерства народнаго просвѣщенія. Когда мы прибыли въ отдѣлъ, то здѣсь собралось уже большое общество. Всѣ входы въ отдѣлъ вѣдомства были украшены національными флагами, а у входовъ стояли матросы съ „Рынды“ и съ „Донского“, одѣтые въ парадную форму. Весь фасадъ отдѣла былъ обтянутъ голубой матеріей—цвѣтомъ вѣдомства. Въ срединѣ отдѣла устроенъ былъ балдахинъ, подъ которымъ поставлены были бюсты Государя Императора, Государыни Императрицы и въ Бозѣ почившей учредительницы вѣдомства—Императрицы Маріи. Балдахинъ былъ убранъ растеніями и обтянутъ бѣлой матеріей, украшенною золотыми орлами. Надъ балдахиномъ прикрѣпленъ былъ Россійскій Государственный гербъ и множество флаговъ. Не далеко отъ этого мѣста поставленъ былъ аналой съ иконою святаго Владиміра, мозаичной работы, и другія принадлежности для совершенія молебнаго пѣнія. Молебное пѣніе совершалъ я въ сослуженіи священника о. Амвросія Вретты и іеромонаха Севастіана, пріѣзжавшаго на сей разъ изъ Миннеаполиса; пѣніемъ руководилъ іеромонахъ Николай. Послѣ совершенія обычнаго молебствія, я обратился къ присутствующимъ съ рѣчью: „Когда хотятъ опредѣлить степень просвѣщенія въ извѣстномъ народѣ, то обыкновенно обращаются къ статистикѣ и справляются, сколько грамотныхъ приходится на одну тысячу населенія,—и затѣмъ уже произносятъ свое сужденіе по этому предмету. Такимъ образомъ цифры становятся показателями такого или иного просвѣщенія страны, а четыре ариѳметическихъ дѣйствія являются способами къ полученію такихъ опредѣленій. Этотъ пріемъ умозаключенія хотя и представляетъ много удобствъ и хотя за него стоитъ и не мало ученыхъ, тѣмъ не менѣе онъ представляется мнѣ не выдерживающимъ критики. Грамотность, или умѣнье читать и писать, какъ ни говорите, все-таки не есть еще въ собственномъ смыслѣ просвѣщеніе; грамотность есть только одно изъ условій къ достиженію

просвѣщенія, но не самое просвѣщеніе. Самое же просвѣщеніе, по моему мнѣнію, должно состоять не въ чтеніи и письмѣ, а въ извѣстной суммѣ представленій и понятій, пріобрѣтаемыхъ чрезъ наученіе, изъ которыхъ впослѣдствіи составляется такой или иной складъ духовной жизни человѣка, характеръ его личности. Поэтому, принимать способъ за самую сущность по меньшей мѣрѣ неосновательно. Мнѣ кажется, что самыми лучшими показателями состоянія просвѣщенія должны быть учителя и учебныя книги, система обученія и система воспитанія. Мнѣ кажется, что и этого мало: потребенъ еще одинъ критерій въ семъ дѣлѣ: надобно знать, въ какомъ положеніи находится женское образованіе въ извѣстной странѣ, какое положеніе занимаетъ въ семейной и общественной жизни женщина; ибо то несомнѣнно, что отъ степени умственнаго и нравственнаго развитія женщины во многомъ опредѣляется такой или иной характеръ семейнаго счастія, а съ этимъ и благополучія общественнаго. Это сознавали уже давно, еще въ древности; а потому мы и видимъ во многихъ законодательствахъ попытки поставить вопросъ о женщинѣ въ семьѣ и обществѣ въ возможно болѣе опредѣленное положеніе; это, напримѣръ, можно замѣчать въ законодательствахъ Ликурга, Солона и другихъ. Но нигдѣ и никогда, кажется, такъ не занимались этимъ вопросомъ, какъ здѣсь, въ Америкѣ: здѣсь сдѣлано все, что можно сдѣлать для женщины, чтобы поставить ее въ самыя выгодныя условія семейной и общественной жизни, хотя,—какъ вы и сами можете видѣть изъ дебатовъ, происходящихъ нынѣ на женскомъ конгрессѣ здѣсь,—американскія женщины и этимъ не довольствуются. Уравнявшись съ мужчиной почти во всѣхъ правахъ, здѣшняя женщина стремится теперь уже къ господству надъ мужчиной,—она уже завладѣла здѣсь не только всѣми оффисами въ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, но даже въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обществахъ,—и уже прямо вопреки запрещенію Апостола (1 Тим. 2, 12),—и церковной каѳедрой! Это, безспорно, крайняя крайность, но несомнѣнно также, что для благотворнаго вліянія женщины на культурное развитіе страны должно быть принято за аксіому положеніе, что женщина въ семьѣ и обществѣ должна занимать подобающее ей положеніе. Прямой, рѣшительный и самый категорическій отвѣтъ

на то, чѣмъ должна быть женщина въ семьѣ и обществѣ, даетъ только одно христіанское ученіе, а потому на этомъ только незыблемомъ основаніи и должно созидаться образованіе женщины и ея семейное и общественное положеніе въ государствѣ. Если мы отъ этихъ общихъ разсужденій перейдемъ къ интересующему насъ вопросу—о состояніи просвѣщенія въ Россіи, то на основаніи данныхъ, выставленныхъ въ этомъ отдѣлѣ, можемъ безъ преувеличенія сказать, что состояніе его въ нашемъ отечествѣ стоитъ на хорошей линіи. Всѣ выложенные здѣсь учебники и учебныя пособія, ученыя и учебныя работы Министерства народнаго просвѣщенія и вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, свидѣтельствуютъ первѣе всего о томъ, что просвѣщеніе нашего народа совершается не внѣ Церкви, а въ союзѣ съ нею,—слѣдовательно въ началахъ христіанскихъ, и что въ частности женское образованіе у насъ давно ведется уже на разумныхъ началахъ, подъ благопопечительнымъ покровомъ нашихъ царицъ, и что нынѣшняя русская женщина, кромѣ всего этого, воспитывается еще въ достоподражаемомъ примѣрѣ и самой Всемилостивѣйшей Государыни нашей, которая, по сознанію всѣхъ, есть образецъ супруги и матери. Кто будетъ не поверхностно обозрѣвать экспонируемыя здѣсь вещи, тотъ самъ убѣдится въ томъ, что мы сейчасъ сказали. Намъ остается только поздравить васъ, представители этого отдѣла, а въ лицѣ вашемъ, конечно, и всѣхъ представителей народнаго просвѣщенія на Руси, съ тѣмъ блестящимъ успѣхомъ въ будущемъ, какой, мы не сомнѣваемся, будетъ имѣть этотъ отдѣлъ на предстоящемъ испытаніи предъ международнымъ жюри. Въ залогъ нашего молитвеннаго благожеланія успѣхамъ просвѣщенія у насъ на Руси и, въ частности, женскаго образованія—прошу принять отъ меня сей образъ Преблагословенной Дѣвы Маріи, Божіей Матери. Пусть образъ Той, Кто, въ силу своихъ добродѣтелей, стала честнѣйшею херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія серафимъ,—пусть образъ этой Жены будетъ всегдашнимъ идеаломъ, къ которому должна стремиться наша русская женщина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ которому должно быть направлено и все образованіе женщины. Сама же Пречистая Владычица Богородица, да пріосѣняетъ своимъ Божественнымъ покровомъ тѣ учрежденія, въ кото-

рыхъ воспитываются будущія матери русскихъ людей, и да охраняетъ ихъ отъ всякихъ зловредныхъ ученій, нестолько просвѣтляющихъ, сколько помрачающихъ и искажающихъ прекрасный образъ женщины въ другихъ государствахъ и среди другихъ народовъ! Аминь".

Послѣ этого я передалъ образъ Божіей Матери Т. Б. Сѣмечкиной и, по возглашеніи обычныхъ многолѣтій, окропилъ всѣхъ присутствующихъ святою водою, затѣмъ—экспонируемыя вещи и самое помѣщеніе этого отдѣла. Послѣ церковнаго торжества, послѣдовалъ пріемъ разныхъ посѣтителей и завтракъ, устроенный въ самомъ отдѣлѣ.

Такъ совершилось открытіе русской выставки въ Чикаго!— Что теперь сказать какъ о всемірной выставкѣ вообще, такъ и о нашей русской въ частности?—Сказать о ней многое въ немногомъ очень трудно. Если для болѣе или менѣе внимательнаго осмотра ея потребно было употребить не одинъ мѣсяцъ, то что можно сказать объ этомъ предметѣ на двухъ-трехъ страницахъ?! Выставочная администрація уже издала въ свѣтъ пять томовъ описанія выставки; но это, по заявленію ея же самой, есть только пятая часть всего описанія. Но мнѣ кажется, что и въ предполагаемыхъ двадцати-пяти томахъ не все войдетъ въ надлежащей полнотѣ и обстоятельности.

Прежде всего выставка поражала зрителя своею грандіозностію: это буквально цѣлый городъ, какъ ее и въ самомъ дѣлѣ, не въ шутку назвали американцы—Вайтъ Сити (Wite-City), бѣлый городъ. Въ одинъ день обойти этотъ городъ не было физической возможности; трудно было даже въ одинъ день обозрѣть и часть этого города.

Янки хотѣли показать величіе своего прогресса въ контрастахъ; посему здѣсь было дѣло поставлено такъ, что обозрѣвающій могъ видѣть и примитивную Америку, въ бытѣ ея обитателей, въ моментъ ея открытія, и современный уровень ея культурнаго развитія: въ первомъ случаѣ экспонировали дикари въ своихъ землянкахъ, мазанкахъ, бараборахъ и пр., въ послѣднемъ—современный культурный человѣкъ въ грандіознѣйшихъ зданіяхъ—въ Manufactur Building, Adminisration Building, Transportation Building

и друг. Дѣйствительно, контрастъ получался поразительный! Созерцая эти контрасты, невольно приходилось удивляться прогрессу этой страны, изобрѣтательности ея обитателей, чудесамъ въ области прикладныхъ знаній, особенно въ приложеніи электричества и магнетизма: казалось, что ничто не было забыто современнымъ человѣкомъ, ничто не обойдено, изъ чего только можно извлечь пользу для человѣка, въ чемъ можно получить сравнительно болѣе удобствъ въ жизни, что можетъ избавить отъ страданій, облегчить трудъ, сдѣлать жизнь пріятною на землѣ. Но въ это же самое время сильно чувствовалось и нѣчто другое, именно, отсутствіе духовнаго элемента: всѣмъ выставленнымъ здѣсь человѣкъ какъ будто хотѣлъ показать, что, завладѣвъ землей и ея благами, онъ болѣе ни о чемъ другомъ и думать не хочетъ! Стремленіе не упростить жизнь, а, напротивъ, какъ можно больше осложнить ее комфортомъ, роскошью—сказывается на каждомъ шагу въ экспонируемыхъ предметахъ: груды золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней, шелку, бархату и т. под.—въ самой дорогой, художественной отдѣлкѣ, въ самыхъ причудливыхъ сочетаніяхъ,—и почти ничего такого, что свидѣтельствовало бы о заботахъ человѣка и о меньшей братіи, неимущей и малоимущей; другими словами—я почти нигдѣ не находилъ предметовъ первой необходимости, въ ихъ усовершенствованномъ видѣ и, притомъ, въ минимальной стоимости; чего?!—даже плуги, и тѣ—съ блестящими бляхами, съ позолотой и прочими ненужными украшеніями, только возвышающими цѣнность, а потому и дѣлающими ихъ малодоступными бѣднымъ людямъ. Голова кружится при видѣ этой роскоши и блеска во всемъ! Но тутъ же рядомъ видишь и самые крайніе выводы въ искусствѣ истребленія другъ друга, а слѣдовательно и того, что предлежало здѣсь! Какая, въ самомъ дѣлѣ, злая иронія: самая изысканная обстановка жизни, на основаніи послѣднихъ данныхъ наукъ и искусствъ, и—чудовищная пушка Круппа, пробивающая чуть лишь не десятивершковую никелевую броню, расплющивая ее, точно тѣсто какое!

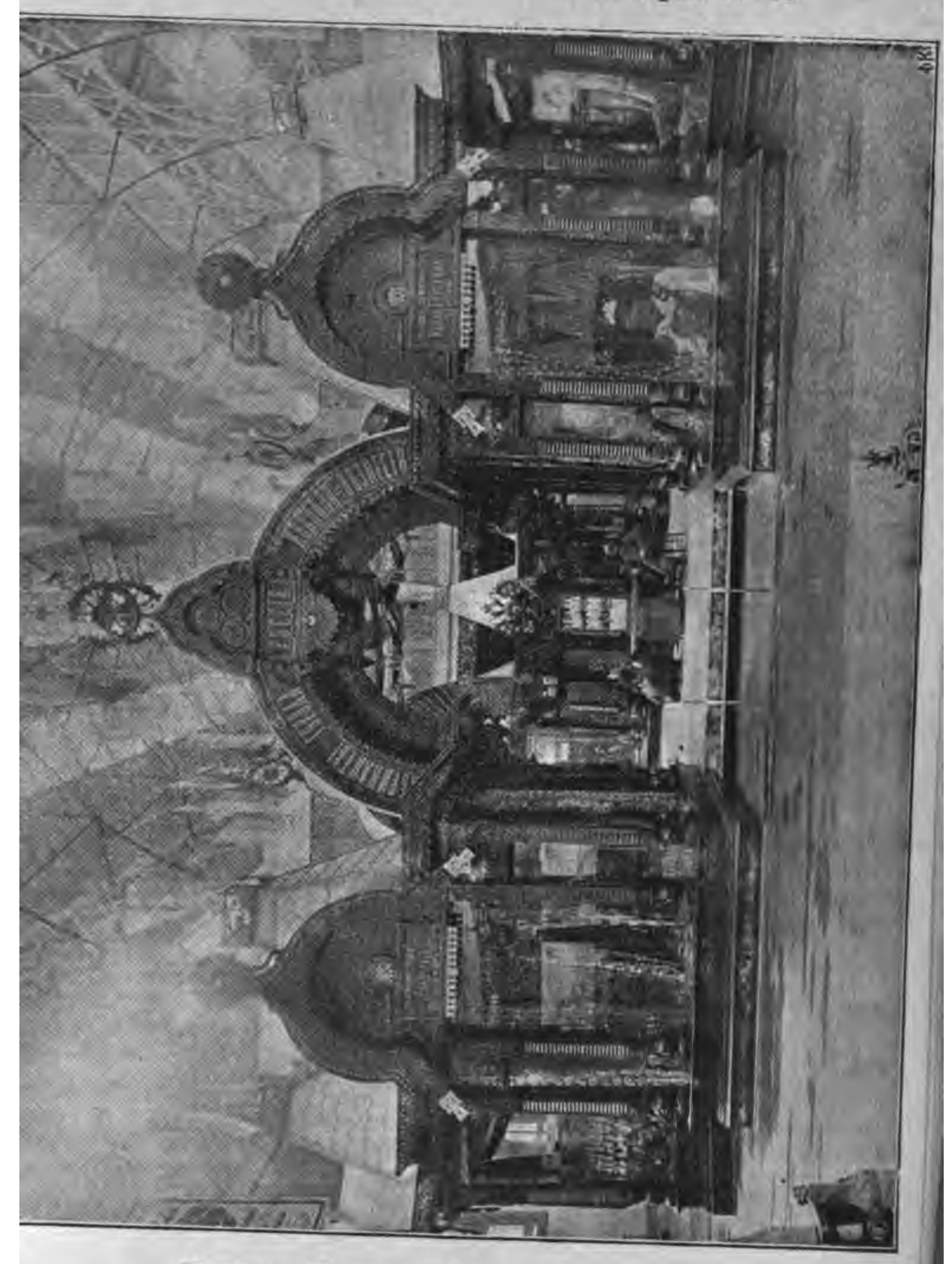
Самый симпатичный для меня отдѣлъ былъ земледѣльческій. Здѣсь есть чему подивиться и есть на что посмотрѣть: здѣсь, дѣйствительно, видишь, что заповѣдь Божія обладать зем-

лею—хотя это и достигается въ потѣ лица и въ борьбѣ съ волчцами и терніями—что эта заповѣдь Божія не забыта и что человѣкъ приложилъ свой трудъ и свое стараніе воздѣлать ее и получить отъ нея плодъ, достойный его труда. Но какой плодъ?!—у насъ въ Россіи не повѣрятъ, если сказать, что красная свекла почти въ ведро величины, а картофель—точно большой чайникъ. Да, злаки, созданные на службу человѣкамъ, дѣйствительно воздѣланы здѣсь человѣкомъ не только на службу, но и на славу ему!

Пріятно посмотрѣть и на царство пернатыхъ и на царство четвероногихъ. Чего-чего здѣсь только нѣтъ?! И какъ все это выхолено, вскормлено, взлелѣяно. Я еще въ Германіи поражался заботливостью человѣка объ уходѣ за животнымъ; не менѣе того вижу и здѣсь. Здѣсь лошадей и другихъ скотовъ не бьютъ; съ ними такъ же нѣжно обращаются, какъ бы съ существомъ вполнѣ разумнымъ. Здоровье ихъ оберегаютъ такъ, какъ въ иныхъ земляхъ не оберегаютъ и здоровье человѣка: подъ дождемъ и снѣгомъ, напр., лошадь никогда стоять не будетъ открытою; на нее никогда не навалятъ столько, чтобы она не могла сдвинуть съ мѣста; ее не оставляютъ безъ чистки, безъ мойки, безъ ухода: какъ себя привыкъ человѣкъ держать чисто, такъ онъ держитъ и своихъ животныхъ. И зато—какія же это животныя?!—смотришь и любуешься: точно картинки! Сытыя, здоровыя, съ лоснящеюся шерстью и съ веселымъ взглядомъ, а не исхудалыя, понурыя и вялыя, точно одры! Я не разъ ходилъ на ипподромъ и любовался здѣшнимъ скотомъ, который созданъ одинаково, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ частяхъ свѣта, на службу человѣку, но который не вездѣ, однакоже, видитъ на себѣ исполняемою заповѣдь Божію о милованіи скотовъ, хотя за это милующему и обѣщано блаженство. Удивляться-ли послѣ этого, что и польза здѣсь отъ домашняго скота такъ велика, какъ, пожалуй, нигдѣ въ другой странѣ!

Превосходенъ отдѣлъ ботаническій: здѣсь такое разнообразіе всякихъ видовъ растеній, такое сочетаніе всевозможныхъ видовъ и разновидностей одного и того же растенія, что не знаешь, чему дивиться: силѣ ли природы, или искусству человѣка, сумѣвшему овладѣть и этою силою!? Калифорнійскій дубъ, красное и черное

Къ стран. 60—61.

Павильонъ Ивано-Вознесенскихъ фирмъ *).

---

*) По ходатайству завѣдывавшаго этимъ отдѣломъ А. Н. Бочарова, всѣ экспонированныя въ немъ вещи были проданы и деньги 1400 долларовъ пожертвованы на нужды миссіи въ Аляскѣ. Самый павильонъ отданъ въ музей г. Чикаго.

дерево, буковое дерево, хлѣбное—съ стволами необъятной величины—это поистинѣ чудеса растительнаго царства!! Былъ обрубокъ одного дуба, въ дуплѣ котораго устроена была цѣлая лавочка!

Наслаждался чуднымъ изобрѣтеніемъ Эдиссона—фонографомъ. Берешь двѣ гуттаперчевыхъ трубочки, прикладываешь къ ушамъ, затѣмъ бросаешь монету въ пять центовъ въ ящикъ и—начинается музыка, пѣніе, или то и другое вмѣстѣ. И это изобрѣтеніе доведено до виртуозности; иллюзія полная: забываешь, что у тебя на ушахъ гуттаперчевыя трубки: слышишь только художественную игру цѣлаго оркестра, или цѣлаго хора живыхъ голосовъ Теперь, значитъ, дивныя произведенія вокальнаго и инструментальнаго искусства застрахованы отъ смерти и забвенія: человѣчество можетъ слушать теперь пѣніе какого-либо великаго маэстро и чрезъ сто лѣтъ—такъ-же, какъ и годъ тому назадъ! Это изобрѣтеніе, по-моему, вполнѣ достойно человѣка и не менѣе велико, чѣмъ изобрѣтеніе Гуттенберга!!

Не то въ живописи: за исключеніемъ русской, все это искусство жанровое, безъидейное: кусокъ мяса, корзина плодовъ и еще что-нибудь въ этомъ родѣ грубо-реальное—вотъ и все. Даже и Франція съ Италіей въ семъ разѣ спасовали. Если вспомнить то, что я видѣлъ въ Мюнхенѣ и Парижѣ и сравнить съ тѣмъ, что было на выставкѣ, то, право, не стоило и смотрѣть,—двѣ-три картины, напр. въ родѣ „Флагелантовъ" во французскомъ отдѣлѣ, да и обочтешься. Только русскій отдѣлъ былъ внѣ конкурса и въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ—и по сознанію всѣхъ. Наши маринисты привлекали цѣлыя толпы къ своимъ картинамъ.

О нашемъ отдѣлѣ могу сказать, не только по своимъ впечатлѣніямъ, но и по отзывамъ иностранной прессы, что онъ первенствовалъ во многомъ, если не во всемъ, такъ что однихъ удивилъ, а другихъ до крайности сконфузилъ, особенно тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, которые вездѣ и всюду трубятъ за границей о нашемъ невѣжествѣ, варварствѣ и дикости! Россія экспонировала себя на славу—и въ предметахъ роскоши, и въ предметахъ первой необходимости... Экспертиза и награды, присужденныя русскимъ экспонентамъ, доказали это блестящимъ образомъ! Стеклянныя издѣлія Мальцева, напримѣръ, признаны, по сознанію даже нѣм-

цевъ, первыми въ мірѣ; выдѣлка русскихъ кожъ—удивительною, злаки замѣчательными, а пшеница лучшею въ мірѣ, лошади съ завода Великаго Князя Константина Константиновича—совершенствомъ въ своемъ родѣ, картины русскихъ художниковъ превосходными, парчи и бархатъ прекрасными, чугунныя издѣлія раскупали нарасхватъ, и пр. и пр., словомъ сказать, мы ни въ чемъ не ударили въ грязь; напротивъ, во всемъ имѣли громадный успѣхъ. Наши комиссары, мужчины и женщины, держали себя съ замѣчательнымъ достоинствомъ, а нѣкоторые сумѣли даже составить блестящую репутацію въ американскомъ обществѣ, напримѣръ князь С. М. Волконскій своими рѣчами на конгрессахъ, профессоръ Петербургскаго университета Дымша своими лекціями по государственному праву, г-жа Сѣмечкина своими превосходными картинами на стеклѣ (въ родѣ мозаики) и на деревѣ (выжженныя), а также дѣятельнымъ участіемъ въ засѣданіяхъ женскаго конгресса; княжна Шаховская превосходной постановкой русской кустарной промышленности на выставкѣ и участіемъ въ женскомъ конгрессѣ, — всѣ же своею обходительностью, умомъ и тактомъ. Ко мнѣ всѣ безъ исключенія относились съ вниманіемъ, почтеніемъ и предупредительностью; церковь посѣщали усердно, а иные даже обращались и за особымъ религіознымъ утѣшеніемъ.

Но наряду съ вещами серьезными попадались иногда и курьезы. Какъ образчикъ подобныхъ курьезовъ, приведу одинъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ нашей спеціальности, именно къ Священному Писанію. Въ числѣ обществъ, экспонировавшихъ свои труды, было, между прочимъ, и Американское библейское общество. Оно помѣщалось въ зданіи Liberal Arts. Это общество, объявлявшее о себѣ, что оно издало святое Евангеліе на 242 языкахъ и нарѣчіяхъ, въ числѣ своихъ рѣдкостей выставило, между прочимъ, фотографическій снимокъ съ одной рукописи—съ надписью: „The Lord's Prayer. *In Japonese.* Manuscript 1876 г.“—Прочитавъ эту надпись и перенося свои взоры отъ нея къ самому тексту сей рукописи, мы невольно повергались въ глубочайшее изумленіе: оказывалось, что это *Молитва Господня на чистѣйшемъ церковно-славянскомъ языкѣ!!* Какъ же это могло случиться, чтобы такое многоученое общество могло допустить подобную ошибку?!

Чтобы провѣрить свое впечатлѣніе, обращаемся къ завѣдывающему этимъ отдѣломъ и слышимъ самый серьезный отвѣтъ: это на японскомъ языкѣ! Возражаемъ ему, увѣряемъ его, что это не такъ, но онъ стоитъ на своемъ. Въ данномъ случаѣ не помогаютъ увѣренія даже многихъ: съ совершеннымъ спокойствіемъ и даже нѣкоторымъ равнодушіемъ къ вашему удивленію онъ повторяетъ свое: „yes, sir. It is in Japonise!“ —да, сударь,—это на японскомъ языкѣ“. Такъ церковно-славянскій языкъ до конца выставки и оставался подъ именемъ японскаго!

14—26 іюня служилъ литургію, а наканунѣ всенощное бдѣніе—одинъ. Хоръ Иванова не пришелъ, а потому пѣлъ только о. Севастіанъ съ народомъ. Поученіе говорилъ на дневное евангеліе—объ исцѣленіи слуги сотника. За обѣдней было очень много пріѣзжихъ русскихъ.

Такъ какъ за освященіемъ выставки серьезнаго дѣла въ скоромъ времени въ Чикаго не предвидѣлось, то я рѣшился, вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ изъ Пенсильваніи отъ разныхъ лицъ,—ѣхать туда, дабы формально ввести въ лоно православной Церкви тѣхъ, которые въ теченіе прошедшаго и начала нынѣшняго года предъявляли свои прошенія о семъ. Такихъ мѣстъ въ Пенсильваніи было три: Питсбургъ-Аллегени, Вилькесбарръ и Осцеола-Мильсъ. Туда и направилъ я стопы своя.

VI.

Въ Питсбургъ мы пріѣхали 19 іюля около 2 часовъ по полудни, ровно чрезъ сутки по выѣздѣ изъ Чикаго. На вокзалѣ насъ встрѣтилъ священникъ Викторъ Товтъ съ кураторами. Отсюда мы проѣхали на Carson-str. № 605. Прежде чѣмъ добраться до этого мѣста, намъ пришлось пересѣчь чуть не весь городъ.

Городъ Питсбургъ—большой и богатый городъ, фабричный по преимуществу. Здѣсь производится главнымъ образомъ обработка желѣзныхъ, чугунныхъ и сталелитейныхъ издѣлій; посему городъ весь въ фабрикахъ. Тысячи высокихъ трубъ всевозможныхъ формъ и величинъ возвышаются надъ нимъ и извергаютъ изъ себя дымъ, копоть и всякій смрадъ. Надъ всѣмъ городомъ

точно мгла какая стоитъ; отъ грязи и копоти рѣшительно нечѣмъ защититься; мужчины, чтобы сохранить хотя на время чистоту своего бѣлья, при выходѣ изъ дому обыкновенно закрываютъ воротникъ своей сорочки особымъ платкомъ. Руки приходится мыть ежечасно. Удивляюсь, какъ люди могутъ жить въ такой, въ буквальномъ смыслѣ, душной обстановкѣ. И однакоже—живутъ и даже, повидимому, не безъ удовольствія! Въ Питсбургѣ и окрестностяхъ насчитывается до 10,000 русиновъ, словаковъ и другихъ славянскихъ народностей. Въ самомъ Питсбургѣ есть много хорватовъ, сербовъ, арабовъ (сиріянъ); есть и греки. Есть и церковь уніатско-русская—и довольно приличная, но, къ сожалѣнію, съ большимъ долгомъ. Теперь тамъ священникомъ нѣкто Полянскій, изъ галичанъ, а въ то время, когда я былъ тамъ, опредѣленнаго священника не было, а временно наѣзжали уніатскіе, изъ коихъ болѣе другихъ народъ хвалилъ Ѳеофана Обушкевича изъ Олифанта. Онъ будто о православіи такъ выражался предъ своими прихожанами: „не слѣдуетъ ссориться съ православными, бо невѣсть, что еще будетъ впереди".

Наша церковь помѣщалась въ частномъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ. Когда я вошелъ въ нее, то взору моему представилась довольно большая комната, въ передней части которой былъ устроенъ, по уніатскому обычаю, продолговатый—въ формѣ ящика—престолъ, возвышающійся на нѣсколько ступеней отъ полу. Иконостаса не было. Жертвенникъ съ боку—настолько маленькій, что на немъ трудно было разобраться со всѣми принадлежностями проскомидіи. На престолѣ стояла довольно большая дарохранительница, устроенная по католическому образцу. Антиминсъ былъ уніатскій. Изъ сосудовъ были чаша, звѣздица съ подвѣшенной на цѣпочкѣ звѣздочкой и нѣсколько тарелочекъ, изъ коихъ одна замѣняла и дискосъ. На горнемъ мѣстѣ висѣла икона святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго, которую я прислалъ въ благословеніе приходу послѣ подачи ими прошенія о принятіи въ православіе. Въ общемъ эта церковь представляла собою видъ довольно убогій, хотя чистый и опрятный. Наверху надъ церковью было двѣ комнаты, изъ коихъ въ одной было приготовлено помѣщеніе для меня, а въ другой помѣщался съ своимъ семейством исполняющій

должность псаломщика Г. Коханикъ, словакъ по происхожденію. Онъ по своей профессіи книгоноша; занимался до этого продажею книгъ; когда имѣлъ въ виду обратиться въ православіе, то, ходя между народомъ, знакомилъ народъ съ православіемъ, раздавая книжки и пр. За это его уніатскіе ксендзы прозвали презрительной кличкой „вандривній апостолъ", т. е. бродячій апостолъ.

Помолившись Богу въ семъ скромномъ храмѣ, я отправился наверхъ, въ свое помѣщеніе. Едва я только успѣлъ оправиться отъ дороги, какъ ко мнѣ стали являться „вѣрники", т. е. прихожане за благословеніемъ. Всѣ они, выражая радость по случаю моего пріѣзда, въ то же время просили устроить имъ церковь, дать причтъ и пр., при этомъ нѣкоторые высказывали слишкомъ ужъ большія упованія на матеріальную помощь со стороны русскаго правительства,—точно будто имъ кто со стороны внушилъ это. Чтобы разъ навсегда положить конецъ всѣмъ этимъ вожделѣніямъ, я прямо и рѣшительно высказалъ имъ, чтобы старались сами, собственными средствами, устроиться,—что мы будемъ о нихъ пещись, но настолько, насколько это будетъ возможно, но не безусловно. Въ упованіи на „царскій подарунокъ", они приторговали даже одну методистскую церковь за 18,000 долларовъ; но я прямо отказалъ имъ въ этомъ. Но тогда и выяснилось, что между всѣми прихожанами есть двѣ партіи—Аллегенчане, т. е. живущіе въ г. Аллегени—чрезъ рѣку только отъ Питсбурга, и Питсбургчане—въ самомъ Питсбургѣ; тѣ и другіе не сходились во взглядахъ—гдѣ устроить церковь: въ Питсбургѣ, или въ Аллегени; каждому хотѣлось на своей сторонѣ. Когда дѣло дошло до спора, тогда выяснилось, что Аллегенцы готовы даже дать сейчасъ же 5,000 долларовъ на покупку церкви (методистской) на своей сторонѣ.

На другой день пріѣхалъ изъ Вилькесбарра о. Алексѣй Товтъ съ іеромонахомъ Николаемъ, и такимъ образомъ можно было приступить къ самому акту возсоединенія. Посему сдѣлано было оповѣщеніе чрезъ словацкія газеты объ имѣющемъ быть архіерейскомъ богослуженіи вечеромъ въ субботу и утромъ въ воскресенье. Въ назначенное время, дѣйствительно, и было исполнено все это.—Всенощное бдѣніе я предварилъ чиномъ водоосвященія, послѣ котораго

окропилъ храмъ и церковныя вещи, а затѣмъ и весь народъ, послѣ чего сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ народу. Послѣ всенощной, съ елеопомазаніемъ, я говорилъ огласительное слово о единой, святой, соборной и апостольской Церкви, причемъ указалъ на всѣ тѣ заблужденія, которыми отличается отъ православія римско-католическая церковь. На другой день, въ сослуженіи священника А. Товта и іеромонаха Севастіана, началъ литургію по-обычаю. Уніатскій же священникъ Викторъ Товтъ въ полномъ уніатскомъ облаченіи стоялъ съ своимъ народомъ позади архіерейской каѳедры—въ качествѣ оглашеннаго—до чтенія Евангелія. Послѣ Евангелія я обратился къ народу съ поученіемъ, въ которомъ объяснилъ исторію происхожденія уніи, а затѣмъ сущность православнаго ученія, и наконецъ спросилъ ихъ: обѣщаются-ли они до скончанія своей жизни пребыть вѣрными православію, отрекаются ли отъ папы и его заблужденій?—и когда получилъ утвердительный отвѣтъ, то велѣлъ всѣмъ стать на колѣни и каяться, а самъ началъ читать разрѣшительную молитву. Послѣ этого священникъ А. Товтъ и іеромонахъ Севастіанъ подошли къ священнику Виктору Товту, взяли его подъ руки и привели ко мнѣ. Я его обнялъ и облобызался съ нимъ при словахъ: „Христосъ посредѣ насъ"! А затѣмъ возложилъ на него золотой наперсный крестъ, присланный изъ Святѣйшаго Синода. Послѣ этого о. Викторъ, облобызавшись съ другими сослужащими, сталъ рядомъ съ братомъ и уже священнодѣйствовалъ какъ православный іерей. Были и причастники.—Послѣ обѣдни служилъ благодарственный молебенъ съ возглашеніемъ, между прочимъ, многолѣтія и возсоединеннымъ. Народу была полна церковь; даже вся улица была запружена народомъ. Говорятъ, что было до 700 человѣкъ обращенныхъ, хотя за точность этой цифры я лично ручаться и не могу. На другой день въ мѣстныхъ газетахъ было подробное описаніе этого событія въ довольно симпатичныхъ выраженіяхъ.

Вечеромъ служилъ вечерню съ акаѳистомъ и разъяснялъ народу, какъ вести дѣла церковныя по-православному, а затѣмъ ѣздилъ въ Аллегени съ о. А. Товтомъ и іеромонахомъ Севастіаномъ осматривать предположенную къ покупкѣ церковь. Эта церковь теперь уже куплена за 5,100 дол., причемъ половина денегъ

уже внесена, а остальная разсрочена на нѣсколько лѣтъ. Много, однако-же, придется положить здѣсь заботъ, хлопотъ и денегъ, пока все устроится по надлежащему; но мнѣ думается, что если здѣсь православіе окрѣпнетъ, то отсюда, какъ изъ центра, оно можетъ распространяться и далѣе по Пенсильваніи: все дѣло теперь будетъ зависѣть отъ священника.

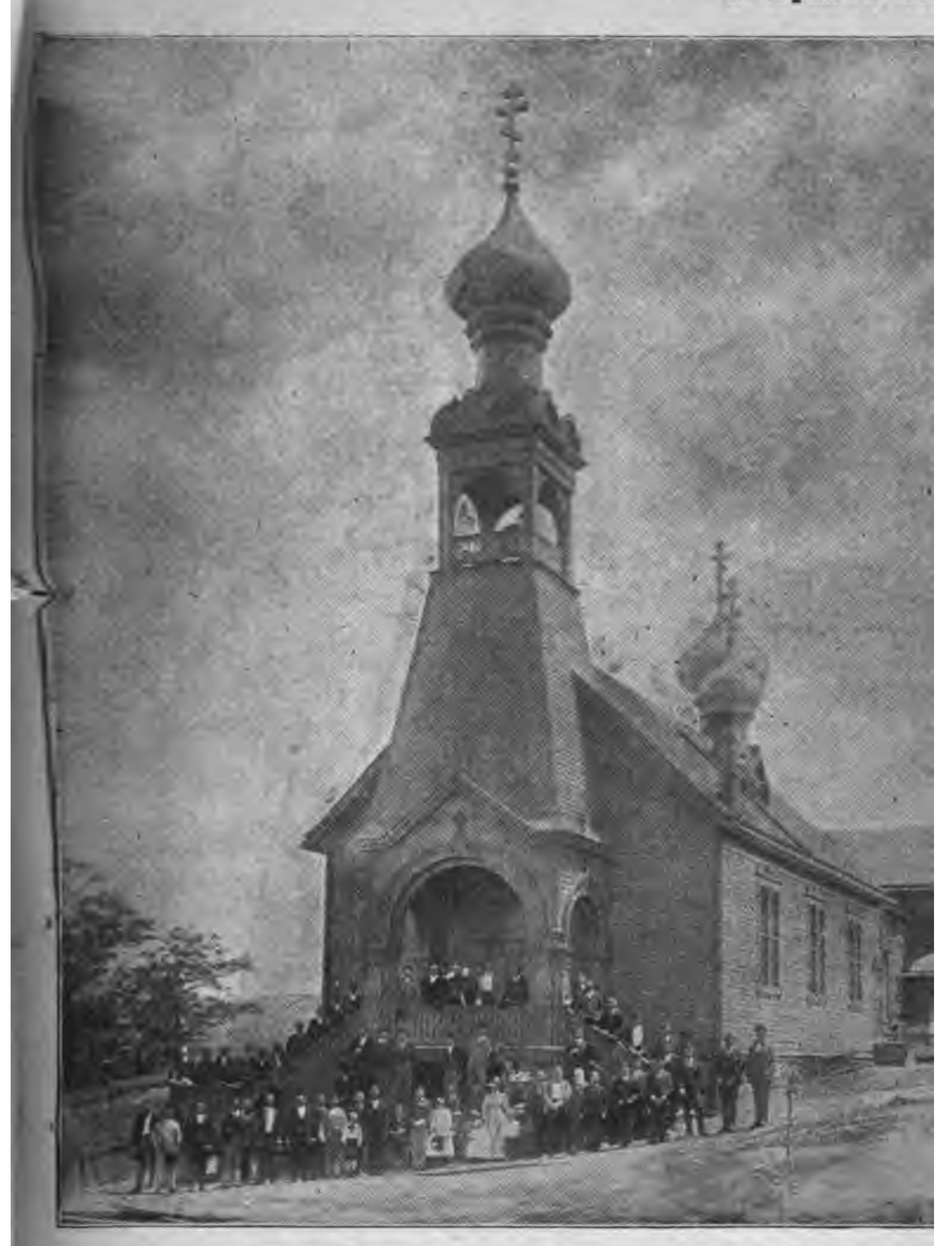
На другой день, въ понедѣльникъ, въ 2 ч. ночи, мы выѣхали изъ Питсбурга на Осцеолу-Мильсъ, изъ которой намѣрены были проѣхать въ Вилькесбарръ, а затѣмъ снова возвратиться въ нее же, чтобы пробыть тамъ уже подольше. Мы ѣхали на станцію Тейронъ, а отсюда — въ сторону, на Осцеолу-Мильсъ. Природа Пенсильваніи живописнѣйшая: горы, лѣса, обиліе воды, почва превосходно воздѣланная, населеніе по преимуществу староанглійскаго происхожденія, а потому въ большинствѣ пуританское. Вслѣдствіе этого, духъ старой Англіи и духъ пуританскій сказываются сильно и во всемъ: въ дни, напримѣръ, воскресные ни за какія деньги нельзя достать даже пива, не говоря уже о другихъ спиртныхъ напиткахъ; мало этого: намъ въ Осцеолѣ даже сельтерской воды не хотѣли давать („праздникъ: не торгуемъ!"); на станціяхъ, даже и такихъ, какъ Питсбургъ, нѣтъ вина и ничего такого, что напоминало бы о спиртныхъ напиткахъ; это что-то въ родѣ „буфетовъ воздержанія". Вообще изучающимъ Америку необходимо всегда отличать восточные штаты отъ западныхъ: собственно коренные янки—строгіе пуритане и пресвитеріане съ почтенными традиціями прошлаго—это въ восточныхъ штатахъ; въ западныхъ же штатахъ населеніе, какъ сбродное и притомъ въ большинствѣ явившееся ради „business'а", т. е. гешефтмахерскихъ цѣлей,—представляетъ уже нѣчто особенное, съ характеромъ космополитическимъ и съ сравнительно большею легкостію въ нравахъ и во всемъ и, пожалуй, безтрадиціонное. Равнымъ образомъ и въ большихъ городахъ наблюдается такой же характеръ; собственно же почтеннаго янки,—того янки, который создалъ величіе Соединенныхъ Штатовъ,—надобно искать въ восточныхъ штатахъ Америки, въ маленькихъ городахъ и на фермахъ.

Свое путешествіе въ Осцеолу, а затѣмъ въ Вилькесбарръ мы совершили 4-го іюля по новому стилю, слѣдовательно въ день

національнаго американскаго праздника—день освобожденія Америки отъ зависимости Англіи. Въ прошломъ году этотъ день я проводилъ въ Михайловскомъ Редутѣ—чуть не у Берингова пролива, а въ нынѣшнемъ въ Пенсильваніи: дистанція—можно ужъ безъ преувеличенія сказать—огромнаго размѣра! Еще наканунѣ въ Питсбургѣ мы были свидѣтелями этого народнаго торжества. Съ вечера и до глубокой ночи ни на одну минуту не прекращался шумъ на улицахъ празднично-настроенной толпы, причемъ выстрѣлы изъ ружей, револьверовъ, взрывъ петардъ, разнаго рода хлопушекъ, трескъ ракетъ, разрывавшихся чуть не надъ самой головой,—все это оглушало до-нельзя и разстраивало нервы до послѣдней степени. То же самое продолжалось и весь день 4-го іюля до глубокой ночи всюду, гдѣ только намъ приходилось проѣзжать. Вагоны были переполнены публикой, одѣтой по-праздничному: все это устремлялось за городъ—въ лѣсъ, на просторъ, погулять, подышать свѣжимъ воздухомъ.

Въ Осцеолу мы прибыли въ 10 ч. утра и какъ разъ въ то самое время, когда по улицамъ проходила торжественная процессія всякаго рода цеховъ, братствъ, клубовъ и проч. въ своихъ униформахъ, съ знаменами и музыкой. Братчики нашего прихода были тутъ-же, въ этой процессіи. На нихъ были шифры изъ голубыхъ лентъ на лѣвой сторонѣ груди, кэпи съ золотыми шнурами и прочее. Мы проѣхали мимо ихъ—прямо въ церковь. Церковь, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, находится за городомъ—на пригоркѣ. Она деревянная, но довольно приличная, съ высокой колокольней. Вокругъ церкви очень большая усадьба, на которой въ самой глубинѣ устроено и приходское кладбище. Въ церкви есть нѣчто въ родѣ иконостаса, если только иконостасомъ можно назвать деревянную перегородку съ тремя дверями и нѣсколькими иконами. На среднихъ дверяхъ, такъ называемыхъ „царскихъ", вмѣсто завѣсы висѣли драпри изъ бѣлой и красной матеріи. Иконы католической живописи: на мѣстныхъ иконахъ изображены Спаситель и Божія Матерь съ вынутыми сердцами. Въ алтарѣ на высокой платформѣ и подъ деревяннымъ балдахиномъ—престолъ, по формѣ уніатскій—продолговатый. Антиминса на немъ не нашелъ, но за то въ большой деревянной дарохранительницѣ нашелъ Свя-

Къ стран. 68—69.

Успенская церковь въ Вилькесбарре̂, въ Пенсильваніи

(первый православный храмъ въ Пенсильваніи, освященный епископомъ православной Це

тые Дары въ стеклянномъ стаканѣ и непокрытые. Эти Дары представляли собою кусокъ бѣлаго хлѣба, облитый посрединѣ краснымъ виномъ. Не знаю, какъ священникъ могъ раздробить эту, почти уже окаменѣвшую часть. Въ жертвенникѣ нашлись уніатскіе сосуды, а въ ризницѣ—и облаченіе. Церковь имѣла видъ довольно опрятный: впереди стояли и скамьи для богомольцевъ. Священника въ этой церкви не было; пріѣзжали по временамъ уніатскіе. Народъ разсказывалъ мнѣ, что нѣкоторые священники за всенощную и литургію брали съ нихъ со всѣхъ „коллекты" отъ 80 до 150 долларовъ, а за исповѣдь отъ 70 и болѣе, кромѣ проѣзда и содержанія.

Вошедши въ церковь, я отслужилъ молебенъ Спасителю, Божіей Матери и святителю Николаю. Послѣ этого сказалъ народу привѣтственное слово и благословилъ всѣхъ крестиками и иконками. Дѣтей спрашивалъ молитвы: отвѣчали всѣ прекрасно. Молитвамъ обучали ихъ родители со словъ.

Осмотрѣвъ, затѣмъ, всю церковь, кладбище, помѣщеніе подъ церковью для школы, я отправился въ отель и, отдохнувъ нѣсколько часовъ, поѣхалъ далѣе. Для утѣшенія народа оставилъ на нѣсколько дней о. Севастіана съ тѣмъ, чтобы онъ отслужилъ въ день святаго Іоанна Крестителя литургію и молебенъ съ водоосвященіемъ и вообще занялъ бы людей душеспасительной бесѣдой. По желанію многихъ изъ прихожанъ, я рѣшился перевесть къ нимъ изъ Питсбурга о. В. Товта, котораго многіе знали еще по старому краю.

Собственно отъ Вилькесбарра до Осцеолы ѣзды всего часа три—четыре; но мы, выѣхавъ въ пять часовъ вечера, пріѣхали только въ $9^1/_2$ ч. утра. Вслѣдствіе неправильности движенія, отчасти по причинѣ праздника, намъ пришлось на маленькихъ станціяхъ и полустанкахъ просиживать часа по два, по три и болѣе. Но за то на другой день мы были вознаграждены очаровательными видами природы. Въ одномъ мѣстѣ нашъ поѣздъ проходилъ надъ такой бездной и по такимъ дугообразнымъ закругленіямъ линіи желѣзной дороги и съ такою быстротою, что невольно чувствовалось содроганіе. Въ Вилькесбаррѣ насъ встрѣтилъ „джéнеролъ" съ кураторами. „Дженероломъ" (генераломъ) называли русскіе и

американцы одного почтеннаго старика изъ Россіи, который теперь проживалъ у о. А. Товта и своими познаніями въ области строительнаго искусства содѣйствовалъ скорѣйшему устроенію церкви на православный манеръ.

Г. Вилькесбарръ меня плѣнилъ своею пуританскою чистотою, порядкомъ, спокойствіемъ и благообразіемъ. Онъ расположенъ на холмахъ среди живописнѣйшихъ горъ, покрытыхъ зеленью. Въ этихъ горахъ есть шахты, въ которыхъ производится разработка угля. Этимъ промысломъ занимается много тысячъ народа, въ томъ числѣ и наши Вилькесбаррскіе прихожане. Церковь за городомъ, въ концѣ Main-str.—№ 468. Здѣсь когда-то предполагалась резиденція для уніатскаго епископа, а посему и церковь и приходскій домъ отличаются особеннымъ благоустройствомъ. Храмъ деревянный, весьма просторный; теперь онъ передѣланъ о. А. Товтомъ въ пятикупольный, съ иконостасомъ внутри и со всѣми приспособленіями по правиламъ православной Церкви. Въ день моего пріѣзда еще не все было закончено по устроенію этого храма, а посему церковь временно помѣщалась въ школѣ—подъ алтаремъ. „Фара“ или приходскій домъ—двухъэтажный, вполнѣ благоустроенный; въ немъ восемь довольно порядочно обставленныхъ комнатъ. Вообще, сколько я замѣтилъ, жить здѣсь священнику можно съ комфортомъ, и немалымъ. Церковь и домъ приходскій стоятъ на довольно высокомъ пригоркѣ, съ котораго во всѣ стороны открывается превосходный видъ.

Освященіе церкви по православному чину предположено было совершить 27-го іюня, въ воскресный день, когда народъ могъ съ бо́льшимъ удобствомъ собраться со всѣхъ мѣстъ на это торжество. Къ этому же времени обѣщали прибыть изъ Нью-Іорка съ русскихъ крейсеровъ матросы-пѣвчіе, которыхъ весьма обязательно отпустилъ для сей цѣли адмиралъ Казнаковъ. Дѣйствительно, 26-го іюня, послѣ обѣда, какъ и было условлено, прибыли изъ Нью-Іорка восемь человѣкъ команды подъ начальствомъ мичмана И. И. Назимова и два іеромонаха—Андроникъ и Ираклій. Прибытіе русскихъ гостей въ парадной формѣ придало немало блеску этому торжеству; пѣніемъ же своимъ, въ высшей степени гармоничнымъ, наши „матросики“ просто приводили всѣхъ въ восхищеніе.

Къ стран. 70—71.

е матросы съ крейсеровъ „Димитрій Донской“ и „Рында“. Староста и кураторы храма въ Вилькесбаррѣ (Видъ у террасы приходскаго дома).

Согласно чинопослѣдованію, всенощное бдѣніе служили внѣ алтаря. Сослужащими были: о. А. Товтъ, о. Андроникъ, о. Севастіанъ и о. Ираклій. Послѣ чтенія Евангелія говорилъ огласительное слово, подобное стриторскому и питсбургскому, которое тутъ же о. А. Товтъ переводилъ и на словацкое нарѣчіе, ибо между возсоединившимися было немало и словаковъ. Во время елеопомазыванія раздавалъ крестики, иконки и брошюры религіозно-нравственнаго содержанія.

Нельзя сказать, однакоже, чтобы все населеніе Вилькесбарра относилось сочувственно къ возсоединенію. Было немало—особенно нафанатизированныхъ католическимъ духовенствомъ—несклонныхъ къ этому и выразившихъ свой протестъ неоднократнымъ бросаніемъ камней въ церковь, чему былъ свидѣтелемъ и я рано утромъ наканунѣ освященія: я самъ видѣлъ трехъ человѣкъ, довольно пьяныхъ, говорившихъ по-словацки. Эти люди, проходя мимо приходскаго дома, смѣялись и шумѣли, а дойдя до церкви—стали бросать камнями въ окна и въ абсидъ алтаря. Когда же я открылъ окно и сталъ смотрѣть на происходящее, они, замѣтивъ меня, бросились бѣжать внизъ, подъ-гору. Потребовалось, послѣ этого усилить ночную стражу возлѣ церкви и даже въ самой церкви, особенно въ эти дни. Чинъ освященія церкви, съ крестнымъ ходомъ вокругъ, затѣмъ обѣдня и молебенъ прошли, по милости Божіей, торжественно и со всѣмъ благолѣпіемъ; псалмы, положенные на освященіе храма, были пропѣты великолѣпно; вся обѣдня и особенно „Херувимская“ и „Милость мира“—превосходно. На маломъ выходѣ я, согласно указу Святѣйшаго Сѵнода, возвелъ священника А. Товта въ санъ протоіерея, привѣтствовавъ его при семъ особою рѣчью, въ которой очертилъ кругъ предстоящей ему дѣятельности не только какъ протоіерея-миссіонера, но и какъ благочиннаго Пенсильванскаго округа. Въ концѣ же литургіи сказалъ слово на текстъ: *страшно мѣсто сіе, нѣсть сіе, но домъ Божій и сія врата небесная* (Быт. 28, 17). Народу было такъ много, что не только церковь была переполнена до утѣсненія, но и весь дворъ былъ запруженъ. Сколько обращенныхъ—въ точности не знаю; но говорили мнѣ, что болѣе 600 человѣкъ обоего пола. Много было прибывшихъ депутатовъ изъ различныхъ

мѣстъ Пенсильваніи. Впослѣдствіи одинъ изъ нихъ, Михаилъ Галковичъ изъ Cramel Pa, прислалъ мнѣ чрезъ о. Товта весьма трогательное письмо, въ которомъ, излагая свои впечатлѣнія, полученныя отъ нашей службы, чуть не буквально словами пословъ святаго Владиміра,—онъ заканчивалъ свое письмо весьма знаменательными словами: „молитесь, Владыко святый, чтобы Духъ Святый просвѣтилъ и насъ всѣхъ уніатовъ!“ Вечеромъ, послѣ торжественной вечерни и акаѳиста Божіей Матери (храмъ освященъ во славу Успенія Божіей Матери), я говорилъ народу о происхожденіи уніи и затѣмъ убѣждалъ пребывать твердыми въ православіи, къ которому они, по милости Божіей, снова присоединились. Народъ цѣлый день толпился около церкви и приходскаго дома, съ любопытствомъ останавливая свои взоры на русскихъ матросахъ и въ частности на мичманѣ Назимовѣ, который прекраснымъ чтеніемъ апостола за литургіей, одѣтый въ полную парадную форму, производилъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе.

Проводивъ въ ту же ночь этихъ своихъ дорогихъ гостей, я и самъ сталъ собираться обратно въ Осцеолу. Предъ отъѣздомъ я обстоятельно выяснилъ о. протоіерею Товту и кураторамъ свой взглядъ на то, какъ должно вести церковное хозяйство, при чемъ рекомендовалъ имъ не входить въ долги, а стараться всегда сводить концы съ концами.

Въ Осцеолу я пріѣхалъ во вторникъ утромъ и прожилъ здѣсь почти недѣлю, т. е. до слѣдующаго понедѣльника, ежедневно собирая народъ въ 7 ч. вечера въ церковь, служа тамъ вечерни, совершая то молебны, то водоосвященіе, то читая акаѳисты—съ бесѣдами и поученіями, направленными къ уясненію православнаго ученія, къ раскрытію заблужденій католиковъ и пр. Дѣятельнымъ помощникомъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ былъ о. іеромонахъ Севастіанъ. Іеромонахъ Николай помогалъ устроеніемъ порядка церковныхъ службъ. Вмѣстѣ съ нами были еще и три мальчика (два Коханика и одинъ Грацонь), которыхъ я взялъ съ собою еще изъ Чикаго.

Осцеола-Мильсъ—маленькій городокъ (тысячи 2, или съ небольшимъ, жителей), но за то необыкновенно чистенькій и красивенькій. Онъ весь утопаетъ въ растительности; даже самыя улицы,

широкія и прямыя, и тѣ въ большинствѣ обсажены деревьями. Воздухъ поэтому тамъ самый благорастворенный. Дома все больше деревянные, одноэтажные, а потому не давятъ васъ своею громадностью и не скрываютъ отъ васъ неба и дали. Вокругъ города— горы: точно въ Швейцаріи. Всюду виднѣются села, фермы, хутора. Невдалекѣ городъ Филипсбургъ. Въ этой мѣстности очень много нѣмцевъ-колонистовъ. Жизнь здѣсь сравнительно недорога, чтобы не сказать—совсѣмъ дешева. Простота и патріархальность замѣчательныя. Мы жили въ отелѣ одного почтеннаго нѣмца точно въ семействѣ какомъ-нибудь, а не въ общественномъ учрежденіи.

3-го іюля служилъ литургію прибывшій сюда священникъ о. Викторъ Товтъ. Послѣ Евангелія онъ, по обычаю русиновъ, сказалъ прихожанамъ привѣтственное слово, а послѣ обѣдни сказалъ я краткое поученіе о томъ, въ какихъ отношеніяхъ между собою должны быть пастырь и пасомые, и при этомъ взялъ торжественное обѣщаніе отъ о. В. Товта, что онъ будетъ благочестно служить этому приходу, будетъ любить прихожанъ, говорить имъ „казанія", т. е. поученія, что̀ они очень любятъ, заведетъ школу и будетъ обучать дѣтей прихожанъ грамотѣ и, главное, Закону Божію. Въ то же самое время и съ народа взялъ обѣщаніе, что они будутъ его уважать и окажутъ ему съ своей стороны всяческое содѣйствіе къ устроенію ихъ же собственнаго благополучія.

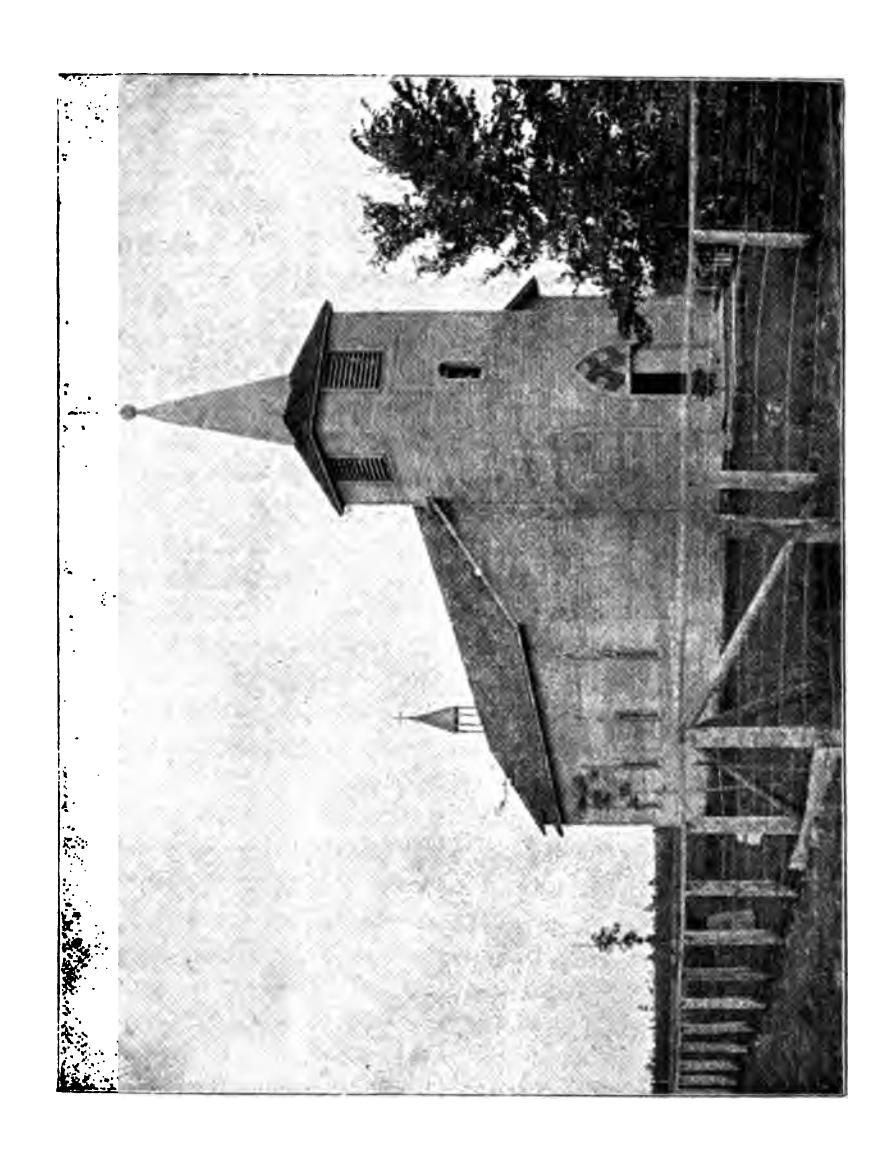
Въ субботу совершалъ всенощное бдѣніе съ елеопомазаніемъ. Во время литіи поднялся такой страшный ураганъ, а затѣмъ— гроза и молнія, точно началось свѣтопреставленіе. Чувствовалось даже какъ-то жутко отъ всего этого!... Но, слава Богу, все прошло благополучно, такъ что когда пришлось выходить изъ церкви, все уже было тихо, и въ воздухѣ отъ полевыхъ цвѣтовъ было какое-то особенное благоуханіе.—За обѣдней было совершено, въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, отреченіе отъ папы и присоединеніе къ православной Церкви. Въ этотъ день пришлось читать замѣчательное Евангеліе, чрезвычайно совпадавшее съ обстоятельствами, въ какихъ находились предстоявшіе. Это было то мѣсто изъ Матѳея, въ которомъ повѣствуется, какъ *Господь, видя народъ многъ безъ пастыря, милосердова о немъ, исцѣляя недужныя ихъ*. Не Онъ ли. Милосердый Господь, привелъ и меня

вѣдывалъ. Кромѣ этого, 13-го числа вѣнчалъ, въ первый разъ въ жизни, одну сербскую чету. Въ Россіи это было бы необычайно, а здѣсь все подобное въ порядкѣ вещей. Послѣ вѣнца женихъ пришелъ въ алтарь и, подавая мнѣ двѣ пятидолларовыя монеты, сказалъ: „это возьми на церковь, а это себѣ". При этомъ звалъ на свадьбу; но отъ послѣдняго я отказался.

15-го іюля, кромѣ царскаго молебна, служилъ еще нѣсколькимъ рабочимъ русскимъ напутственный молебенъ и крестилъ шести-лѣтняго мальчика-босняка. При крещеніи церковь была полна народу; я старался совершить это таинство истово, по-православному, чтобы тѣмъ самымъ отличить его отъ уніатскаго и другихъ исповѣданій. Всѣ смотрѣли съ глубочайшимъ вниманіемъ. Когда же я, по окончаніи всего, спросилъ нѣкоторыхъ, какъ имъ понравилось то, что они видѣли, то мнѣ отвѣчали, что „то дуже файно", т. е. очень прекрасно.

18-го іюля посѣтилъ меня Чикаговскій епископъ Самуэль Фелловсъ (Samuel Fallaws D. D.). На видъ ему не болѣе 50 лѣтъ; епископствуетъ онъ уже 17 лѣтъ въ г. Чикаго. Принадлежитъ къ англиканской церкви. До епископства онъ былъ генераломъ и участвовалъ въ гражданской войнѣ 1867 года. Выглядитъ онъ весьма симпатично. Онъ приходилъ ко мнѣ съ визитомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ просьбой посѣтить его въ слѣдующее воскресенье вечеромъ и откушать въ обществѣ его друзей чаю. Въ бесѣдѣ съ симъ епископомъ я узналъ, что американцы тяготѣютъ болѣе къ греко-русской Церкви, нежели къ римско-католической, и что они непрочь соединиться съ нашею Церковью, если только съ нашей стороны будутъ сдѣланы уступки. На мой вопросъ—какія, онъ отвѣчалъ: „пусть оставятъ намъ весь ритуалъ и символъ вѣры". На это, конечно, я не могъ дать ему опредѣленнаго отвѣта. Пытался онъ позондировать меня и на счетъ старокатолическаго вопроса, при чемъ какъ бы мимоходомъ замѣтилъ, что Виллатъ (старокатолическій архіепископъ) будто бы гдѣ то сообщилъ, что посвященіе его на островѣ Цейлонѣ производилъ русскій епископъ. Я отвѣчалъ, что это неправда, что на Цейлонѣ нѣтъ русскаго епископа, а что его посвящалъ Альварецъ, архіепископъ католиковъ-индепендентовъ, и два яковитскихъ епископа,—вообще же

Къ стран. 76—77.

Старокатолическая церковь въ Дювалѣ (посѣщенная въ маѣ 1892 г.).

дѣло о старокатоликахъ находится-де на разсмотрѣніи специальной комиссіи при Святѣйшемъ Сѵнодѣ, но къ какому рѣшенію пришла эта комиссія, мнѣ пока неизвѣстно.

Нашею Церковью и дѣломъ старокатоликовъ здѣсь вообще интересуются многіе. По сему предмету я получалъ съ разныхъ мѣстъ Америки письма съ вопросами и запросами, на которые всегда старался по возможности отвѣчать—съ посылкой при семъ „ученія православной Церкви“ на англійскомъ языкѣ. Одинъ достопочтенный мистеръ изъ Бостона, Паркеръ, пріѣзжалъ даже и въ С.-Франциско, чтобы видѣть православное богослуженіе. Послѣ того онъ присылалъ мнѣ не одинъ разъ и свои печатныя брошюры по этому предмету. Изъ бесѣды съ нимъ я увидѣлъ, что онъ уже около 30 лѣтъ самостоятельно занимается изученіемъ православія и пришелъ къ убѣжденію, что наша только Церковь неповрежденно сохранила себя: „такъ думаетъ, сказалъ онъ, большинство англичанъ и американцевъ“.—„Почему же они не принимаютъ православія?“ спросилъ я.—„Этому препятствуетъ наша британская гордость, сказалъ онъ. Тяжело повернуть свою исторію на нѣсколько столѣтій назадъ!...“ Старокатолицизмъ представляется многимъ лучшимъ компромиссомъ всякаго инославія съ православіемъ— и главнымъ образомъ потому, что его ритуалъ есть ритуалъ западной церкви, нѣкогда ихъ матери-церкви.

Кстати о Виллатѣ: онъ уже сталъ себя именовать не просто oldcatholique, какъ это было прежде, а orthodox oldcatholique. Онъ часто пишетъ мнѣ и снабжаетъ разнаго рода новостями по своему дѣлу. Лѣтомъ ему почему-то вздумалось исповѣдываться у меня, о чемъ и просилъ совѣта и содѣйствія чрезъ о. Амвросія Вретту; но я отклонилъ отъ себя эту честь, ибо это было бы равносильно признанію его за православнаго епископа или, по крайней мѣрѣ, давало-бы основаніе ему выдавать себя за таковаго. Въ недавнее время въ г. Детрой, штата Висконсинъ, по его словамъ, присоединилось около 20,000 католиковъ-поляковъ къ его паствѣ. Онъ мнѣ прислалъ и снимокъ съ этой церкви, которая, дѣйствительно, великолѣпна.

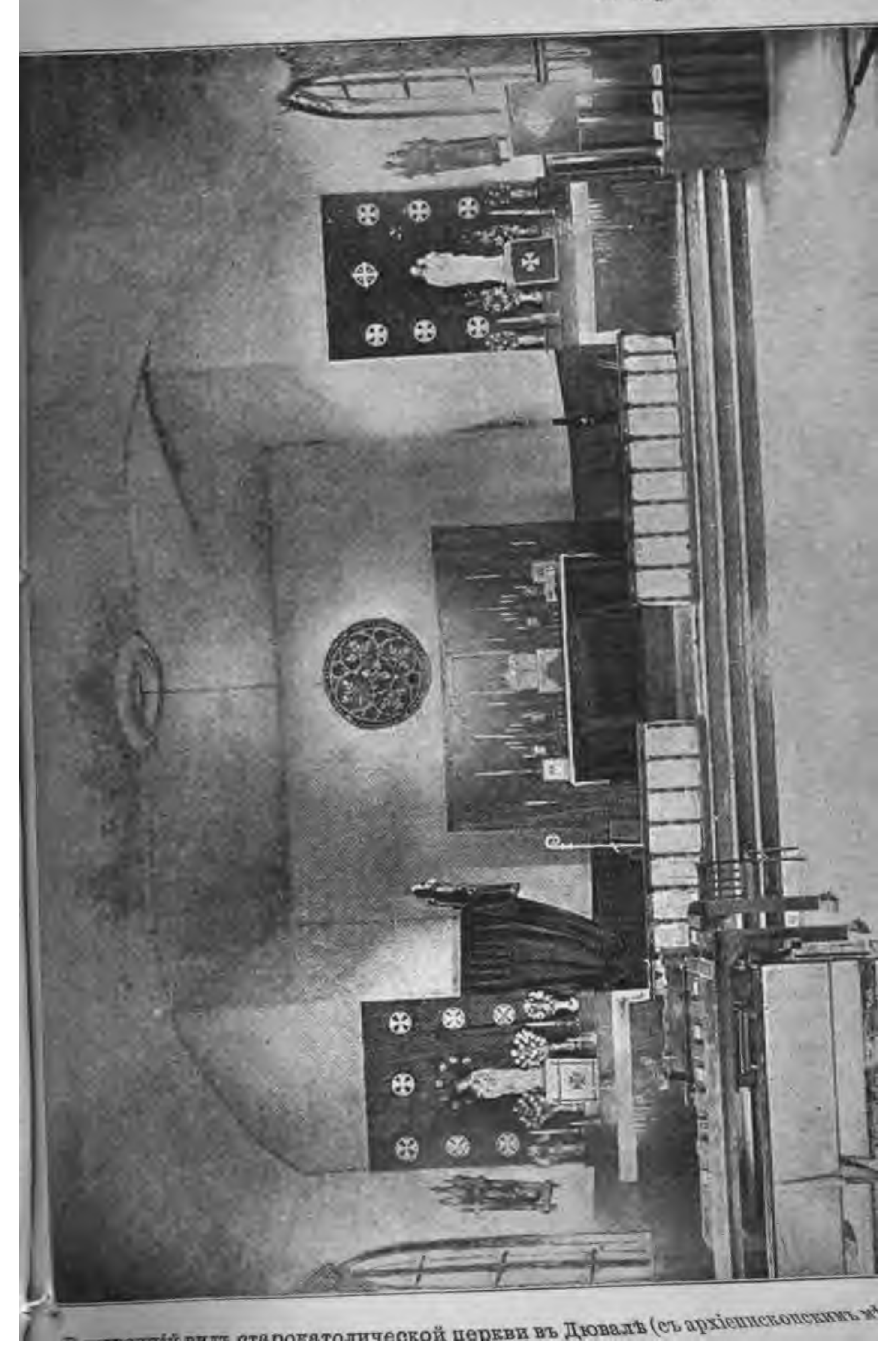
О. Августина Анжелиса, мнѣ кажется, удастся пристроить въ японскую миссію, на что́ преосвященный Николай японскій

изъявилъ уже свое согласіе. Преосвященный Николай хочетъ сдѣлать его воспитателемъ въ своей семинаріи и поручить издательство богословскаго журнала на англійскомъ языкѣ. О. Анжелисъ съ радостью готовъ ѣхать въ Японію.

Какъ курьезъ, отмѣчу слѣдующій фактъ: въ то время какъ наши богословы занимаются съ горячею ревностію старокатоличествомъ, здѣсь въ Америкѣ явился одинъ православный любитель богословія, который открылъ, что и въ русской Церкви есть собственно два ученія: староправославное, до 1839 г., и новоправославное, послѣ этого періода. И кто бы могъ думать: столпъ православія—митрополитъ Филаретъ изданіемъ своихъ катихизисовъ положилъ рѣзкую грань между тѣмъ и другимъ,—такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ нашъ любитель-богословъ. Свою брошюру на англійскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Church, Scripture and Tradition by Layman of the Eastern Orthodox Church“, изданную въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, онъ разсылаетъ всюду по Америкѣ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Для людей, болѣе или менѣе знакомыхъ съ ученіемъ православной Церкви, эта брошюра не можетъ имѣть никакого серьёзнаго значенія; но, къ сожалѣнію, нельзя того же сказать относительно малосвѣдущихъ въ православіи, особенно объ инославныхъ христіанахъ: она можетъ сбить съ толку немало такихъ людей и ввести въ сознаніе ихъ превратныя понятія о православной Церкви. Мы задавали себѣ вопросъ: слѣдуетъ-ли отвѣчать на нее? Послѣ нѣкотораго раздумья, пришли, однакоже, къ рѣшенію, что будетъ лучше, если совсѣмъ не отвѣчать, ибо въ противномъ случаѣ она получитъ и въ самомъ дѣлѣ цѣну въ глазахъ даже тѣхъ, у кого пока не имѣетъ никакой цѣнности. Къ этому склонило насъ еще и то, что ее обошли молчаніемъ даже такіе органы печати, какъ Monitor (іезуитскій) и Churchman (еписк.-англик.).

Іюль и августъ я прожилъ въ Чикаго безвыѣздно. Въ это время жары дошли до послѣдней степени; духота въ городѣ чувствовалась ужасная; солнечные удары повторялись ежедневно то тамъ, то здѣсь. Несмотря, однакоже, на все это, туристы являлись сюда десятками тысячъ и посѣщали выставку. Подъѣзжали понемногу и наши земляки. 22-го іюля, въ день тезоименитства Госу-

Къ стран. 78—79.

Внутренній видъ старокатолической церкви въ Дювалѣ (съ архіепископскимъ м

дарыни Императрицы, былъ такъ называемый russian day, т. е. „русскій день“. Такими специальными днями назывались дни, въ которые американцы чествовали націи, принявшія участіе во всемірной выставкѣ. Впослѣдствіи, когда уже всѣ національные дни прошли, стали праздновать штатные дни, т. е. каждый штатъ получалъ свой день особо. Всѣ эти спеціальные дни проходили болѣе или менѣе шумно, въ нескончаемыхъ процессіяхъ, часто чисто маскарадныхъ (напр. на нѣмецкомъ днѣ везли Бисмарка на особой колесницѣ и, нужно сказать, очень искусно загриммированнаго), въ пріемѣ на выставкѣ представителей американскаго общества, угощеніи ихъ и т. д. Нашъ „русскій день“ прошелъ нѣсколько иначе; онъ начался, какъ и слѣдовало ожидать, церковною молитвою. За обѣдней были всѣ комиссары, множество экспонентовъ и свои прихожане, словомъ, все было переполнено народомъ. Комиссары были въ мундирахъ и при орденахъ. Послѣ литургіи былъ царскій молебенъ, предъ которымъ я сказалъ поученіе о причинахъ народной радости и торжества на Руси по случаю „царскихъ дней“ и въ частности—какое имѣли и имѣютъ значеніе въ исторіи нашего народа царицы. Послѣ молебна всѣ присутствующіе заходили ко мнѣ на завтракъ (lunch). Въ 2 часа дня въ Music Hall building былъ концертъ: играли Главачъ съ дочерью. На этотъ концертъ русскимъ комиссаріатомъ было роздано нѣсколько тысячъ даровыхъ билетовъ. Въ 7 часовъ вечера былъ парадный обѣдъ у главнаго комиссара П. И. Глуховского, на которомъ присутствовало очень много американцевъ. Спичей, по обычаю американцевъ, было множество. Вообще день прошелъ очень хорошо,—свѣтло, торжественно и весело.

1-го августа, въ день Происхожденія честныхъ древъ, прибылъ изъ Россіи о. діаконъ Васильевъ. Онъ и служилъ со мною въ этотъ день, но, къ сожалѣнію, остаться до 30 августа, чтобы сослужить мнѣ, не остался, такъ какъ жена его хотѣла поскорѣе доѣхать до С.-Франциско. Поученіе въ этотъ день говорилъ о происхожденіи поста, его обязательности и о томъ, что будетъ душеспасительно, если во время поста всѣ прихожане отговѣютъ.

Предъ Преображеніемъ Господнимъ, послѣ всенощной, исповѣдывалъ тѣхъ, кто желалъ пріобщиться на слѣдующій день: къ

исповѣди явились и нѣкоторые изъ уніатовъ пріѣзжихъ, которыхъ, послѣ обычнаго отреченія отъ папы и его заблужденій, я допускалъ до исповѣди и причащенія Святыхъ Таинъ. Замѣчательно, что нѣкоторые изъ уніатовъ приходили съ желаніемъ исповѣдаться и пріобщиться, но съ тѣмъ, чтобы оставаться уніатами, ибо, говорили они, иначе „нельзя возвратиться до краю": тамъ преслѣдуютъ ихъ ксендзы и гражданскія власти за это. На Преображеніе Господне служба прошла весьма хорошо, тропарь празднику пѣли всѣ съ особымъ воодушевленіемъ. Проповѣдь говорилъ о значеніи Преображенія Господня въ дѣлѣ нашей вѣры, т. е. что этимъ событіемъ Христосъ еще ранѣе Своего воскресенія показалъ апостоламъ, а за ними и намъ, что Онъ воистину Сынъ Божій и что страданія Его суть вольныя страданія.—Предъ раздачею освященныхъ плодовъ разъяснилъ народу, откуда идетъ этотъ обычай и что онъ означаетъ.

7-го августа меня посѣтилъ греческій архіепископъ съ острова Занте—Діонисій Латасъ. Онъ уже немолодой человѣкъ, лѣтъ подъ 60, довольно тучный, съ густою окладистою бородой, въ сильной просѣди. Одѣтъ по-гречески: въ цвѣтной кундугункѣ (родъ короткой рясы) и подрясникѣ, съ краснымъ поясомъ и въ камилавкѣ. На груди крестъ и панагія. Говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ. Уроженецъ онъ острова Занте, учился въ Іерусалимѣ, а потомъ въ Аѳинскомъ университетѣ, затѣмъ ѣздилъ за-границу: былъ годъ въ Страсбургскомъ университетѣ, потомъ въ Берлинѣ и въ другихъ городахъ Германіи; служилъ въ Іерусалимѣ, Виѳлеемѣ и Аѳинахъ, наконецъ земляками своими былъ избранъ послѣ смерти архіепископа Николая Катрами въ архіепископа Занте. Пріѣхалъ онъ сюда по собственному желанію—видѣть Америку, посмотрѣть выставку, а также присутствовать и на религіозномъ конгрессѣ. Послѣ конгресса онъ предполагалъ сдѣлать большой вояжъ по Америкѣ и уже чрезъ Японію и Индію возвратиться обратно въ отечество. Слушая все это, я никакъ не могъ понять, какъ же онъ оставилъ свою епархію, такъ страшно разоренную отъ многократныхъ землетрясеній, и вояжируетъ? Это свое недоумѣніе я выразилъ и ему. Къ удивленію, онъ весьма хладнокровно отвѣтилъ мнѣ на это, что вмѣсто себя управлять епархіей онъ

оставилъ брата своего, священника, и что ему до крайности надоѣли непріятности въ его епархіи. Потомъ, уже спустя много, уже въ Санъ-Франциско, онъ повѣдалъ мнѣ, что хочетъ даже отказаться отъ епархіи, что, живя въ Америкѣ, онъ только здѣсь чувствуетъ свободу и спокойствіе. На конгрессѣ онъ предполагалъ прочитать свой рефератъ о греческой церкви до раздѣленія. Узнавъ отъ меня, что я не предполагаю быть на конгрессѣ, онъ сперва выразилъ свое удивленіе, а затѣмъ, какъ бы въ успокоеніе меня и въ оправданіе себя, прибавилъ: „да и я собственно не для конгресса пріѣхалъ сюда и хочу читать“.—„А для чего-же?— спросилъ я съ удивленіемъ.—„Я хочу сдѣлать только рекламу для себя изъ этого; а главная моя цѣль—читать лекціи и сдѣлать сборъ въ Америкѣ“... Но для кого сборъ—этого не досказалъ...

8-го августа, по обычаю, служилъ литургію, послѣ которой говорилъ поученіе о томъ, при какихъ условіяхъ можно наслѣдовать животъ вѣчный. Въ этотъ день пріобщалась боснійская чета, болѣе шести лѣтъ не видавшая церкви православной. Люди, видно, добрые, но, вслѣдствіе долговременнаго пребыванія внѣ Церкви, какъ будто одичали. За обѣдней присутствовали княжна Шаховская, г-жа Сѣмечкина, комиссаръ отъ военнаго министерства г. Андреевъ съ своею женою, миссъ Марсденъ, миссъ Фильдъ, греки и арабы изъ города Сеатли...

Въ этотъ же день ѣздилъ къ предсѣдателю религіознаго парламента г. Барросу (Barrows) съ цѣлію разузнать о конгрессѣ—его задачѣ, планѣ веденія дѣла и конечной цѣли; къ сожалѣнію, и въ сей разъ, какъ въ другіе два, я его не могъ застать дома; самъ же онъ не счелъ нужнымъ отвѣтить мнѣ визитомъ, хотя въ письмахъ въ теченіе года и добивался усиленно, чтобы я принялъ участіе въ конгрессѣ. Нѣкоторымъ лицамъ онъ выражалъ открыто свое неудовольствіе на то, что въ Петербургѣ холодно отнеслись къ его предъявленіямъ.

10-го августа впервые столкнулся лицомъ къ лицу съ такъ называемымъ „рабочимъ вопросомъ“ и „соціалистическимъ движеніемъ“. Проходя по Мичиганъ-авеню до Иллинойской желѣзной дороги, я былъ пораженъ необъятнымъ моремъ головъ у памят-

тника Колумба. Это было какъ разъ напротивъ Аудиторіума *). Толпы рабочихъ въ блузахъ. пиджакахъ и другихъ костюмахъ, съ большими палками въ рукахъ, съ суровымъ взглядомъ, съ сигарой или трубкой въ зубахъ,—сновали взадъ и впередъ, жестикулируя, что-то говоря и къ кому-то обращаясь. Какой-то господинъ взобрался на пьедесталъ памятника Колумбова и говорилъ рѣчь; но слышать его можно было только ближайшимъ. Нѣкоторые лежали на лужайкѣ, которая здѣсь тянется по берегу Мичигана саженей на двѣсти и называется почему-то скверомъ. Давно уже я наблюдалъ, что въ городѣ творится нѣчто недоброе; читалъ въ газетахъ объ экономическомъ кризисѣ въ странѣ, о томъ, что народъ безъ работы, что банки лопаются, а фабрики закрываются; слышалъ и отъ своихъ прихожанъ, что они уже давно живутъ на прикопленныя сбереженія и что „всѣ фабрики заштаповали"; но представить себѣ все бѣдствіе въ его объемѣ я, откровенно сказать, еще не могъ. Въ настоящее время я увидѣлъ нѣсколько десятковъ тысячъ этихъ рабочихъ безъ работы и хлѣба. Достаточно было взглянуть на эту массу людей и прислушаться ихъ говору. чтобы почувствовать, что предъ вами стоитъ сила—и сила грозная, съ которою должно такъ или иначе считаться современное общество.

Когда я сѣлъ въ вагонъ, то оказалось, что рядомъ со мною помѣстился какой-то русскій рабочій. Услыхавъ родную рѣчь, онъ обрадовался и сейчасъ-же заговорилъ со мною. Изъ его словъ я узналъ, что тысячи его товарищей сидятъ безъ работы и хлѣба,—что голодъ не сегодня—завтра доведетъ эту толпу до отчаянія, и что онъ не ручается—что будетъ. По его словамъ, капиталисты-республиканцы, недовольные избраніемъ президента изъ демократической партіи, дѣлаютъ стачки, закрывая фабрики, рудники, шахты, чтобы довести народъ до сознанія въ сдѣланной ошибкѣ и затѣмъ на слѣдующихъ выборахъ провалить демократическую партію,—народъ-де теперь долженъ реально сознать, что спасеніе не въ демократахъ, а въ республиканцахъ. „Какъ же вы теперь

*) Аудиторіумъ—это величайшее зданіе въ гор. Чикаго, въ которомъ, кромѣ ресторана, библіотеки, клуба и др. подобныхъ учрежденій, помѣщаются оффисы всевозможныхъ учрежденій: это и биржа, и клубъ, и читальня—все, что хотите.

живете?“ спросилъ я.—„Я, отвѣчалъ онъ, сумѣлъ свои сбереженія вовремя выхватить изъ банка и еще на мѣсяцъ—два обезпеченъ: но вотъ бѣда тѣмъ, кто не успѣлъ сдѣлать такъ, какъ я: теперь банки полопались и народъ остался не только безъ работы, но и безъ своихъ кровныхъ сбереженій!“ На мой вопросъ: „какъ онъ думаетъ теперь, на основаніи собственнаго опыта, гдѣ лучше рабочему человѣку—въ Россіи, или въ Америкѣ?“—онъ мнѣ отвѣтилъ, что если бы у него было настолько сбереженій, чтобы онъ могъ доѣхать до Россіи, то онъ никогда не задумался бы бросить Америку и ѣхать обратно въ Россію: „тамъ, сказалъ онъ, правда—заработку меньше, но зато съ голоду не пропадешь на улицѣ, какъ здѣсь!“ А одинъ старый еврей, уроженецъ г. Могилева, такъ тотъ мнѣ на мой вопросъ выразился такъ: „если бы была все суша до самаго Могилева, то я не задумался бы пойти туда пѣшкомъ.“

Возвращаясь съ выставки около 5 ч. вечера, я попрежнему увидѣлъ толпы у Колумбова памятника, хотя, правда, и не въ такихъ размѣрахъ. Затѣмъ уже почти ежедневныя стачки, сходки, сборища съ предъявленіями „работы, или хлѣба!“—происходили въ теченіе всего августа. Были столкновенія и съ полиціей и съ властями. Одно время угрожала серьезная опасность и выставкѣ. Это было тогда, когда уже женщины выступили на сцену и начали свои анархическія рѣчи. Какая-то Чикаговская Луиза-Мишель, указывая на выставку, прямо говорила: „туда идите, трусы! Чего стоите здѣсь и смотрите!“ Вмѣстѣ съ этимъ броженіемъ рабочаго класса начались грабежи, воровства, убійства: цѣлые поѣзда стали останавливать и грабить; показываться на улицу вечеромъ было небезопасно...

24-го августа я чуть было самъ не попалъ въ большую непріятность, отдѣлавшись на сей разъ только тревожнымъ состояніемъ духа. Это было въ такъ называемый „Labor day“, т. е. день рабочихъ. Городской голова, вопреки общественному мнѣнію, разрѣшилъ рабочимъ праздновать свой день съ процессіями, митингами и пр. Это было въ понедѣльникъ; я какъ-то выпустилъ изъ вниманія, что сей день есть „Labor day“ и поѣхалъ на выставку. Уже по Madison street'у намъ на встрѣчу стали попа-

даться рабочіе всякихъ цеховъ въ униформахъ, со знаменами различныхъ колеровъ, между которыми преимущественно были красныя (попадались и черныя); нашъ кэблъ-каръ на каждомъ шагу останавливался, давая дорогу симъ процессіямъ. Чувствовалось что-то зловѣщее въ этихъ нахмуренныхъ и молчаливо-марширующихъ съ палками рабочихъ. Съ палками были положительно всѣ, попадавшіеся на встрѣчу: это замѣтно бросалось въ глаза. Я уже хотѣлъ было возвратиться, какъ вдругъ нашъ каръ вкатился въ тоннель, который проведенъ подъ рѣкою Чикаго, но проѣхавъ до средины, внезапно остановился; остановились и ѣхавшіе вслѣдъ за нами и т. д. Въ свою очередь такая же остановка произошла и съ шедшими на встрѣчу намъ (по другой линіи) вагонами. Въ какихъ-нибудь пять-десять минутъ весь тоннель, на протяженіи чуть ли не четверти версты, загромоздился кэблъ-карами. Сперва пассажиры были, повидимому, спокойны, но затѣмъ чѣмъ далѣе, тѣмъ тревога стала обнаруживаться сильнѣе и сильнѣе; нѣкоторые стали выпрыгивать изъ вагоновъ. Поднялся шумъ, крикъ—ничего не поймешь! Всѣ спрашиваютъ—что случилось, и никто не знаетъ, что отвѣчать. Чувствовалось до-крайности жутко въ сыромъ подземельи, въ полусвѣтѣ и подъ водою, безъ возможности движенія взадъ или впередъ. Въ одинъ мигъ вихремъ пронеслось въ головѣ множество всякихъ предположеній. Тоскливое предчувствіе чего-то недобраго овладѣло, помимо воли, духомъ. Въ такомъ положеніи простояли еще около получаса; но это время показалось цѣлою вѣчностью... Наконецъ двинулись понемногу къ выходу... Тутъ все и объяснилось: оказалось, что мы врѣзались въ самую сплошную массу манифестантовъ, шедшихъ по этой улицѣ къ Колумбову памятнику, съ музыкой, знаменами, съ шумомъ-трескомъ. Потомъ уже изъ газетъ мы узнали, что вся эта многотысячная толпа была вооружена ножами, револьверами, гирями и т. под. оружіемъ и что затѣвалось нѣчто грандіозное. Но, къ общему благополучію, на выручку всѣмъ изъ этого крайне тяжкаго положенія явился тотъ достопочтенный епископъ Фелловсъ, о которомъ я писалъ выше и который недѣли за три предъ симъ былъ у меня: во-первыхъ, онъ безбоязненно вошелъ въ самую толпу отчаянныхъ анархистовъ у Колумбова памятника

и сталъ усовѣщевать народъ не предпринимать ничего закономъ недозволеннаго, обѣщая свое содѣйствіе къ полученію хлѣба и работы, а затѣмъ своимъ авторитетнымъ вліяніемъ на общество сумѣлъ расположить знатнѣйшихъ крезовъ Чикаго къ тому, что они ассигновали потребную сумму денегъ на безплатную раздачу народу хлѣба и говядины на извѣстный срокъ и, наконецъ, объявили, что будетъ предпринята на общественный счетъ работа для многихъ тысячъ народа, при этомъ былъ названъ какой-то каналъ, который предположено было провести неподалеку отъ Чикаго. Такими экстраординарными мѣрами спасли Чикаго, въ то время, отъ большихъ бѣдствій и застраховали его еще на нѣкоторое время отъ величайшихъ опасностей.

Но вотъ прошло съ тѣхъ поръ почти пять мѣсяцевъ, а экономическое положеніе страны все еще не улучшается: болѣе трехъ милліоновъ рабочихъ—все таки безъ хлѣба. Грабежи, убійства, ограбленія поѣздовъ продолжаются—и газетныя хроники во многихъ столбцахъ наполняются описаніемъ ужасныхъ бѣдствій, какимъ подвергается страна. Въ С.-Франциско ожидается тоже большое затрудненіе съ рабочими. Между тѣмъ анархическіе органы печати все болѣе и болѣе разбереживаютъ эту соціальную болячку; теперь уже и республикой недовольны... Чѣмъ все это кончится— одному Богу извѣстно; но сколько можно судить по даннымъ исторіи и современнаго опыта, къ великой заатлантической республикѣ приближаются времена римской республики, времена братьевъ Гракховъ, Марія и Суллы,—когда въ римскомъ обществѣ, вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ, образовались только два класса общества—оптиматовъ и пролетаріевъ, и когда послѣдніе, недовольные первыми, производили ужасныя потрясенія въ государствѣ. Признаки соціальнаго разложенія уже намѣчаются и—довольно сильно. Причиною такого положенія страны нужно считать первѣе всего безграничный пріемъ эмигрантовъ изъ всѣхъ странъ Европы. Неограниченнымъ пріемомъ эмигрантовъ, безъ справки объ ихъ прошломъ, американское правительство слишкомъ понизило нравственный уровень страны,—„разсиропило", по удачному выраженію, старинное пуританское населеніе соціалистическимъ и анархическимъ элементами; далѣе, вслѣдстіе не-

помѣрнаго скопленія рабочихъ рукъ послѣдовало пониженіе заработной платы (съ 3 дол. на два, потомъ на 1½ и наконецъ на 75 центовъ), а между тѣмъ первые жизненные продукты со дня на день, стали дорожать; такимъ образомъ на рынкѣ, въ концѣ концовъ, предложеніе рабочей силы оказалось болѣе, нежели спросу на нее. Отмѣна Шермановскаго закона, искусственно, хотя и не особенно искусно, поддерживавшаго серебряное производство, отмѣна пошлины на заграничный товаръ, все это сразу посадило на мель всѣхъ не только владѣльцевъ рудниковъ, но и другихъ фабрикантовъ, ибо серебро обезцѣнилось и добываніе его уже не оплачивало затрачиваемаго на него капитала. Отсюда, какъ послѣдній выводъ изъ всего, было банкротство не только отдѣльныхъ фирмъ, но даже и цѣлыхъ коллегіальныхъ учрежденій, особенно банковъ... Фабричный же народъ къ земледѣльческому труду не склоненъ, ибо дѣло это и труднѣе, и не такъ обезпечиваетъ рабочаго, который привыкъ здѣсь ѣсть мясо по нѣсколько разъ въ день, съ бѣлымъ хлѣбомъ, пить кофе и вино, читать газету, ходить въ театръ, ѣздить за городъ по воскресеньямъ и пр. и пр.

На Успеніе Божіей Матери всенощное бдѣніе и литургію, а послѣ литургіи два молебна—служилъ одинъ; о. діаконъ Васильевъ въ это время уже былъ въ С.-Франциско. На мѣсто его мною былъ вызванъ въ началѣ августа мой келейникъ І. Зубковскій, который исполнялъ до конца моего пребыванія въ Чикаго и обязанности псаломщика. За литургіей было причастниковъ человѣкъ пятнадцать, поученіе говорилъ о томъ, отъ чего зависитъ страхъ смерти и какъ его избѣжать.

20-го августа, въ 7 часовъ вечера, былъ на публичной лекціи миссъ Марсденъ. Публики, и самой отборной, было достаточно... Предъ началомъ лекціи одна миссъ сыграла нѣсколько пьесъ—и довольно ординарно; затѣмъ вслѣдъ за нею заняла мѣсто у піанино другая, уже довольно пожилая лэди. Она весьма искусно и одушевленно сыграла и спѣла гимнъ въ честь колокола свободы *),

*) Колоколомъ свободы называется тотъ колоколъ, въ который впервые звонили и возвѣщали независимость Соединенныхъ Штатовъ послѣ провозглашенія этой независимости. Онъ не особенно великъ и уже надтреснутый. Я его видѣлъ сперва въ Вашингтонѣ, а затѣмъ и на выставкѣ.

собственнаго сочиненія. Артистку наградили усердными рукоплесканіями и попросили еще разъ повторить. Затѣмъ выступила на сцену и миссъ Марсденъ; она прочла лекцію о поѣздкѣ въ Россію и Якутскую область. Кромѣ описанія своего путешествія, она еще имѣла въ виду книгу недобросовѣстнаго Кеннана о Россіи—и сказала нѣсколько словъ по поводу обвиненій, взводимыхъ этимъ руссофобомъ на Россію. Она свидѣтельствовала собственнымъ опытомъ и своимъ личнымъ наблюденіемъ, что все это выдумки и сказки про Россію, что она-де, женщина, одна, безъ знанія языка русскаго, проѣхала Россію изъ конца въ конецъ и нигдѣ, кромѣ вниманія, радушія и всего хорошаго, ничего дурного не встрѣчала. При этомъ она весьма характеристично закончила свою лекцію: „бѣдности и всякаго рода несчастій я встрѣчала болѣе въ Лондонѣ, нежели въ Россіи". Когда она окончила свою лекцію, то многіе изъ публики стали задавать ей вопросы о Россіи и преимущественно про „Сиберію", т. е. Сибирь. Она на всѣ эти вопросы безъ всякаго принужденія тутъ же и отвѣчала. Нѣкоторые изъ публики подходили къ ней и пожимали ей руку. Подошелъ и я и сказалъ ей, что ея лекція произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе,—что я могу увѣрить какъ ее, такъ и всѣхъ присутствующихъ, что въ Россіи къ ней лично и къ ея дѣятельности относятся съ большой симпатіей и что, наконецъ, я желаю ей успѣха и въ ея дальнѣйшихъ трудахъ.

Въ числѣ подходившихъ ко мнѣ лэди была одна почтенная старушка, которая ѣздила въ Россію спеціально за тѣмъ, чтобы видѣть графа Л. Н. Толстого. Она и была у него въ Ясной Полянѣ два дня. На возвратномъ пути посѣтила Москву и Петербургъ. Въ Исаакіевскомъ соборѣ она была нѣсколько разъ за службами и была восхищена тамошнимъ служеніемъ и особенно пѣніемъ. Сожалѣла, что она не имѣла объ этомъ раньше никакого представленія. Другая лэди, жена плантатора изъ Нью-Орлеана, росту еще выше, нежели миссъ Марсденъ,—та очень интересовалась сходствомъ и отличіемъ нашей Церкви съ англиканской-епископальной. При этомъ сообщила, что она неоднократно посѣщала нашу православную церковь въ Нью-Орлеанѣ (греческую), гдѣ настоятелемъ состоитъ, или по крайней мѣрѣ состоялъ—архиман-

дритъ Мисаилъ; при этомъ съ сожалѣніемъ сообщила. что есть слухъ, будто эта церковь. вслѣдствіе недостатка средствъ, имѣетъ скоро быть закрытой.

23-го августа за обѣдней было особенно много народу и особенно пріѣзжихъ изъ Россіи. Нѣкоторые думали, что это уже мое прощальное служеніе. Были даже русскіе нигилисты изъ редакціи „Прогрессъ"; ихъ конечно сюда привлекло не столько религіозное чувство, сколько просто любопытство; впрочемъ, нужно сказать правду, держали они себя всю службу вполнѣ благопристойно. Бесѣду говорилъ я на дневное евангеліе, именно—*разбиралъ притчу о званныхъ на брачную вечерю* (Мѳ. 22, 1—14).—Послѣ обѣдни заходили ко мнѣ наверхъ очень многіе, были, между прочимъ, князь С. М. Волконскій, княжна Шаховская Сѣмечкина, Н. Д. Мертваго, полковникъ Агапіевъ изъ Финляндіи и многіе другіе. Рѣчь зашла о нашей кустарной промышленности, причемъ открылось, что объ издѣліяхъ нашихъ Вологодскихъ кружевницъ, а также объ Устюжскихъ серебряныхъ издѣліяхъ имѣются весьма смутныя свѣдѣнія; я указалъ на это и просилъ, чтобы княжна Шаховская оказала свое просвѣщенное вниманіе этимъ бѣднымъ труженицамъ, которыхъ я лично видѣлъ въ ихъ трудѣ и которыя, не имѣя сбыта своимъ издѣліямъ, эксплоатируемыя при этомъ кулаками, трудятся почти безъ пользы для себя. Княжна живо восприняла это и тотчасъ же записала адресъ — къ кому по сему дѣлу обратиться въ Вологдѣ. Я рекомендовалъ ей протоіерея Валушинской Прилуцкой церкви о. К. Маслова, въ приходѣ котораго особенно занимаются симъ дѣломъ. Къ своему утѣшенію, я недавно получилъ уже и увѣдомленіе отъ этого почтеннаго пастыря, что княжна, дѣйствительно, писала туда и обѣщала сбыть этихъ издѣлій между прочимъ и сюда, въ Америку. Дай Богъ—въ добрый часъ!

Князь С. М. Волконскій, между прочимъ, сообщилъ, что его просилъ предсѣдатель всѣхъ конгрессовъ mr. Bonnet передать мнѣ, что меня ожидаютъ на открытіе конгресса 30-го августа и надѣются, что я скажу отъ себя привѣтствіе конгрессу. На это сообщеніе князя я отвѣтилъ отказомъ. Не говоря уже о томъ, что 30-го августа у насъ день высокоторжественный и дол-

жна быть непремѣнно служба, что являться официально на конгрессъ и говорить привѣтствіе конгрессу я не могу потому, что не имѣю на это никакихъ полномочій отъ Святѣйшаго Сvнода,—я лично не имѣлъ симпатій къ этому конгрессу, ибо а) никакъ не могъ себѣ уяснить ни его цѣли, ни способа къ достиженію сей неизвѣстной мнѣ цѣли; изъ всѣхъ рѣчей, какія мнѣ приходилось выслушивать въ теченіе всего выставочнаго сезона, я могъ понять только одно, что хотятъ сочинить новую вѣру, общую для всѣхъ народовъ земного шара; но какъ этого достигнуть—чрезъ признаніе ли всѣми за истинную одной какой-нибудь, уже готовой, съ нѣкоторыми измѣненіями въ ея содержаніи, или же изъ всѣхъ составить нѣчто новое,—я никакъ не могъ уяснить себѣ этого. Впрочемъ, изъ большинства отзывовъ можно было догадываться, что предполагается что-то новое и что во вновь сочиненной вѣрѣ скорѣе всего слѣдовало ожидать удержанія только общихъ метафизическихъ началъ, какъ напр. идеи Бога, безсмертія души и пр., чѣмъ въ собственномъ смыслѣ догматовъ христіанскаго вѣроученія.—Съ другой стороны, я не могъ добиться опредѣленныхъ указаній—какъ будетъ вестись дѣло: будутъ-ли пренія, послѣдуетъ-ли голосованіе предложеній, или будетъ иной какой порядокъ и т. д. Изъ того, что было мнѣ извѣстно, дѣло представлялось такъ, что будутъ говорить всѣ—кто во что гораздъ.—Наконецъ, въ-третьихъ, я не могъ узнать, чего собственно будутъ желать отъ меня, какъ отъ представителя православной Церкви: слышать ли только изложеніе ученія нашей Церкви, или и еще чего другого.

Вся эта неопредѣленность, спутанность и сбивчивость, и при этомъ—неимѣніе никакихъ полномочій со стороны высшей церковной власти, заставили меня совершенно уклониться отъ участія въ конгрессѣ.

Въ настоящее время я уже могу вполнѣ опредѣленно сказать, что я хорошо и сдѣлалъ, что не былъ тамъ, ибо тамъ—на этомъ всемірномъ конгрессѣ религій—не только братской любви, но чего-нибудь даже похожаго на терпимость другъ къ другу не было. Архіепископъ Діонисій глубоко раскаивался въ своемъ поступкѣ и находилъ, что я лучше сдѣлалъ, что не былъ тамъ. Кромѣ

того, что представители римской церкви—кардиналъ Гиббонсъ и другіе прелаты—не показали къ нему предполагавшейся братской любви, они и просто не удостоили его отвѣтомъ на его привѣтствіе, а Барросъ, предсѣдатель, тотъ даже всю его рѣчь поперечеркалъ, выпустивъ изъ нея многое и то собственно, чему архіепископъ Діонисій придавалъ особенное значеніе. Значитъ здѣсь не было, кромѣ любви, еще и свободы слова — въ томъ смыслѣ, какъ можно бы было ожидать по крайней мѣрѣ по конституціи американской, а была только условная свобода, т. е. партійная. По мнѣнію нѣкоторыхъ наблюдателей, „религіозный парламентъ" достигъ цѣли совершенно обратной той, которая предполагалась имъ, т. е. вмѣсто соединенія всѣхъ въ одной вѣрѣ и, какъ слѣдовало бы ожидать—христіанской вѣрѣ, получилось то, что чрезъ чтеніе многими лекторами всякой всячины—даже и у тѣхъ, у кого еще слабо мерцалъ лучъ вѣры христіанской, у этихъ послѣ конгресса погасъ и сей лучъ вѣры. Такимъ образомъ, вмѣсто соединенія всѣхъ въ единовѣріи получилось еще большее раздѣленіе и религіозный скептицизмъ, а вмѣсто любви получился осадокъ общей неудовлетворенности—и только!—Въ настоящее время вышли уже два тома дѣяній сего, какъ нѣкоторые дерзновенно выражались, „поистинѣ вселенскаго собора": посему всякій можетъ судить самъ, слѣдовало-ли рускому православному епископу быть тамъ, и было - ли бы достойно исповѣдуемой имъ истины идти туда, гдѣ истина еще представлялась какъ нѣчто искомое, а слѣдовательно съ опасностью быть зрителемъ, какъ эта же истина можетъ быть оскорбляема—даже поругаема?! Если бы еще этотъ парламентъ состоялъ только изъ представителей однихъ христіанскихъ исповѣданій, это было бы дѣло иное: у всѣхъ былъ бы одинъ критерій—святое Евангеліе, посланія святыхъ апостоловъ, ученіе святой Церкви первыхъ девяти вѣковъ: по этому бы критерію и провѣряли себя всѣ, но дѣло въ томъ, что для большинства присутствующихъ все это было terra incognita, слѣдовательно—спѣться въ чемъ-нибудь не представлялось никакой возможности, что и показалъ самый опытъ — въ Чикаго. Было только одно говореніе (parlement) и больше ничего.

29-го и 30-го августа были мои послѣднія служенія въ Чикаго. Народу за этими службами было особенно много. Нѣкоторые, и сами готовясь къ отъѣзду въ Россію, приходили въ послѣдній разъ помолиться въ нашемъ скромномъ храмѣ и отслужить себѣ напутственный молебенъ. Чувствовалось нѣчто трогательное въ этомъ вниманіи всѣхъ и къ церкви, и къ ея предстоятелю. На день Усѣкновенія говорилъ поученіе о томъ, какъ должно воспитывать дѣтей, чтобы не выходили изъ нихъ подобныя плясавицѣ Соломіи; а на 30-е — день тезоименитства Государя Императора — говорилъ поученіе на текстъ: *Бога бойтеся, царя чтите* (1 Петр. 2, 17), причемъ раскрылъ ту мысль, что религія и верховная власть въ государствѣ суть непремѣнныя условія для благополучія людей и что безъ религіи и верховной власти немыслимо никакое благоустроенное общество. Свое поученіе я заключилъ слѣдующими словами: „И опытъ исторіи показываетъ, что пока народы бываютъ крѣпки вѣрою и уваженіемъ къ предержащей власти, дотолѣ и политическое ихъ благоденствіе бываетъ прочно, и наоборотъ. Возьмите, напримѣръ, два самыхъ цивилизованныхъ государства древняго міра — Грецію и Римъ: не тогда-ли, въ самомъ дѣлѣ, они цвѣли политически, когда цвѣла у нихъ вѣра, когда нравы были строгіе, и наоборотъ, не тогда-ли они пали и политически, когда совершилось уже паденіе религіозное и нравственное! Эпоха Персидскихъ войнъ для Греціи была временемъ тяжкаго испытанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ ея возвышенія; а эпоха Пелопонезскихъ войнъ — это уже было временемъ ея упадка. Прошло послѣ этой братоубійственной войны немного времени,—вотъ Филиппъ Македонскій уже съ глубокимъ презрѣніемъ говоритъ о нѣкогда славной Элладѣ: „въ Греціи, говорилъ онъ, нѣтъ такой высокой стѣны, чрезъ которую не могъ бы перешагнуть мой оселъ, навьюченный золотомъ“. Напрасно взывалъ въ своихъ филиппикахъ краснорѣчивый Демосѳенъ къ доблести гражданъ, напрасно грозилъ имъ опасностями со стороны Филиппа: все было напрасно,—своекорыстные разсчеты каждаго были дороже всякихъ опасностей отечества и всякихъ патріотическихъ чувствъ! То же самое было и въ Римѣ. Времена Пуническихъ войнъ, времена самаго сильнаго напряженія респу-

блики, были и временемъ ея возвышенія, ибо въ это время были еще Катоны и Сципіоны; но прошло послѣ этого столѣтіе только — и вотъ Цицеронъ, подобно Демосѳену, взываетъ къ патріотическому чувству гражданъ, проситъ и молитъ, и уже безуспѣшно.— Почему-же? — Да потому-же, почему и въ Греціи Демосѳенъ подобнымъ же образомъ взывалъ, и никто его не слушалъ: та же продажность, та же подкупность, тотъ же эгоизмъ и своекорыстіе замѣнили прежнія доблести римскихъ гражданъ. Авгуры, эти представители древней религіи римской, теперь уже и сами безъ смѣху не могли совершать своихъ ауспицій. — „Жалкій городъ, продажный городъ! Ты и себя продалъ бы, если бы только могъ найти покупателя!"—съ такимъ уже приговоромъ обратился къ нѣкогда славному городу потомокъ тѣхъ людей (Югурта), которые когда-то трепетали только одного имени „вѣчнаго города". — И что-жъ?— прошло еще нѣсколько вѣковъ — и отъ міродержавнаго Рима остались одни обломки; достаточно было нѣсколькихъ ударовъ отъ ордъ дикихъ варваровъ, чтобы исполинъ, наводившій на всѣхъ страхъ и ужасъ, палъ и разбился отъ собственной тяжести!

Не тѣ-ли же самыя явленія замѣчаемъ мы нынѣ и въ нѣкоторыхъ современныхъ государствахъ?! Не на нашей-ли еще памяти было то, какъ сами правители съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, вытравляли изъ совѣсти народной все святое, а вмѣстѣ съ этимъ и страхъ Божій? Что же?—не видимъ-ли нынѣ мы и тамъ повторенія тѣхъ же явленій, какія были въ Греціи и Римѣ,—не видимъ ли тѣхъ же продажности и подкупности, тѣхъ же скандаловъ государственныхъ?! Снявши голову, по волосамъ не плачутъ,—такъ и здѣсь: дозволивъ объявить чуть не на государственномъ знамени девизъ: „ни Бога, ни государя"—поздно уже плакаться на тѣ явленія, которыя повергаютъ теперь весь міръ въ страхъ и трепетъ! Какъ посѣешь, такъ и пожнешь,—это истина святая. А что могло быть здѣсь въ Чикаго еще нѣсколько дней тому назадъ, о томъ слѣдуетъ-ли говорить, по крайней мѣрѣ вамъ— очевидцамъ?! Думаете-ли, что эта толпа, сдерживаемая пока если не страхомъ Божіимъ, то все же страхомъ человѣческимъ,—что эта толпа не ринулась бы туда, гдѣ собраны были сокровища со всего міра, что она не произвела бы того, отъ чего при одномъ

представленіи въ самый жаркій день готова застынуть кровь и подняться волосы на головѣ?! А вѣдь опытъ могъ быть сдѣланъ— и опытъ ужасный!..

Благодареніе Богу,—въ нашемъ отечествѣ еще не изсякъ страхъ Божій и не исчезло уваженіе къ верховной власти—и наше отечество еще далеко отъ подобныхъ опасностей. Но „береженаго и Богъ бережетъ“,—гласитъ народная мудрость. А посему, особенно въ нынѣшнее время, время всеобщаго броженія и шатанія умовъ, намъ, людямъ интеллигентнымъ, такъ называемой соли земли, надобно стоять бодро на стражѣ своего отечества и всячески охранять какъ себя, такъ и другихъ отъ этихъ тлетворныхъ вѣяній съ Запада, ибо если соль обуяетъ, то тогда чѣмъ все же прочее осолится?! По народной примѣтѣ—рыба всегда начинаетъ гнить съ головы; не то же ли самое наблюдается и въ народныхъ организмахъ, т. е. въ государствахъ?! Посему скажу и я вамъ съ Апостоломъ: *вся искушающе, добраго* только *держитесь* (1 Сол. 5, 21)! Сами видѣли, какія тяжкія бѣдствія назрѣваютъ въ странахъ, кичащихся свободою, но слабыхъ вѣрою и нравственностью; посему ходите всѣ *не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть!* Обогащенные свѣдѣніями по разнымъ отраслямъ знанія, съ запасомъ опыта и наблюденій, несите, братіе мои и соотчичи, въ свое отечество одно только доброе, свѣтлое и чистое, забывая здѣсь же все недоброе, злое и нечистое!

Наконецъ, въ заключеніе всего—помолимся святому благовѣрному и великому князю Александру Невскому, да предстательствуетъ онъ предъ престоломъ Божіимъ и теперь о своемъ отечествѣ, какъ предстательствовалъ и въ вѣка мимошедшіе, и да сохранитъ онъ своего Соименника и Наслѣдника по державѣ и власти, нашу надежду и утѣшеніе,—для блага всего царства русскаго на многая и многая лѣта! Аминь“.

Послѣ обѣдни и молебна всѣ присутствовавшіе комиссары и русскіе гости заходили ко мнѣ поздравить съ праздникомъ и вмѣстѣ съ этимъ попрощаться со мною. Здѣсь же была составлена телеграмма на имя министра финансовъ съ просьбой—повергнуть къ стопамъ Государя Императора вѣрноподданни-

ческія чувства всѣхъ присутствовавшихъ за молебномъ; а потомъ, когда телеграмма была составлена и прочитана, всѣ воодушевленно пропѣли „Боже, Царя храни".

Не безъ волненія прощался я съ этими людьми, къ которымъ привыкъ и которыхъ всей душей полюбилъ за это время. „Скажите, что бы вы желали отъ насъ, когда мы возвратимся въ отечество: не нужно-ли какихъ порученій?" спрашивали меня иные. — „Привѣтъ родной землѣ и поклонъ,—это первое, что прошу васъ всѣхъ сдѣлать. А затѣмъ—поставьте свѣчку за меня и мою паству предъ благовѣрнымъ княземъ Александромъ, кто поѣдетъ въ Петербургъ, и предъ Московскими угодниками, кто поѣдетъ чрезъ Москву"!—„Исполнимъ, исполнимъ, владыко!" На этомъ и разстались. Господу одному вѣдомо, увижу-ли я еще когда-либо этихъ добрыхъ людей, а хотѣлось бы еще жить надеждою, что увижу, и въ родныхъ предѣлахъ!

Въ 5 ч. вечера того же дня заѣзжалъ съ прощальнымъ визитомъ къ П. И. Глуховскому и попалъ на офиціальный пріемъ. Здѣсь встрѣтилъ чуть-ли не весь цвѣтъ Чикаговскаго общества; былъ здѣсь, между прочимъ, и предсѣдатель всѣхъ конгрессовъ mr. Бонетъ. Увидавъ меня, онъ сейчасъ же подошелъ ко мнѣ съ княземъ Волконскимъ и выразилъ свое удовольствіе, что можетъ познакомиться со мною. Я его поздравилъ съ открытіемъ „религіознаго парламента", при этомъ сказалъ ему, что желаніе соединить всѣхъ въ единовѣріи очень похвально,—что и наша Церковь всегда объ этомъ молится, но что при нынѣшнемъ положеніи вещей едвали это достижимо—по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени, и что единственнымъ путемъ къ такому сближенію я считаю пока взаимную любовь и взаимную братскую помощь, ибо какъ и Самъ Богъ, по слову Іоанна Богослова, познается только любовію, такъ точно и люди познать другъ друга ближе и короче, а вмѣстѣ съ этимъ придти и къ единомыслію въ дѣлахъ вѣры—могутъ только при посредствѣ этого чувства. Посему, я отъ души желаю, чтобы ежедневное возглашеніе нашей Церкви: „возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы"... было девизомъ не только нынѣшняго конгресса, но и всегда, во всякое время, для всѣхъ людей безъ исключенія.—Онъ весьма любезно пожалъ мнѣ руку,

причемъ просилъ быть у него сегодня на вечернемъ пріемѣ. Я согласился, и въ 9 часовъ вечера, дѣйствительно, поѣхалъ туда вмѣстѣ съ о. Амвросіемъ Вреттой. Домъ былъ весь иллюминованъ, улицу запружали кареты и всевозможные экипажи. Съ тротуара и до самаго пріемнаго зала былъ раскинутъ красный коверъ. Когда мы поднялись по лѣстницѣ и вошли въ первую комнату и осмотрѣлись кругомъ, то увидѣли, что здѣсь уже все было переполнено народомъ. Здѣсь была такая смѣсь людей всякихъ національностей, во всевозможныхъ головныхъ уборахъ, костюмахъ, нарядахъ, такой говоръ на всевозможныхъ нарѣчіяхъ, что мы не сразу могли оріентироваться во всемъ этомъ хаосѣ. Гдѣ же самъ предсѣдатель сего „вселенскаго собора" mr. Barrows?—неоднократно мы вопрошали. Но оказалось, что найти его было не такъ легко; да этого и не требовалось, ибо, какъ оказалось, главное представительство на семъ соборѣ, по крайней мѣрѣ—въ сей вечеръ, принадлежало не Барросу, а mrs. Potter Palmer и еще другой какой-то лэди, фамилію которой теперь позабылъ. Она весьма любезно протянула мнѣ руку и сказала, что очень рада видѣться со мной. То же самое повторила и другая лэди. Чувствовалось, однакоже, крайне неловко съ этими представительницами „вселенскаго собора", безъ которыхъ, по выраженію составителя „The Worlds parlament of religions",—рай не былъ бы совершеннымъ, а домъ, церковь и государство не имѣли бы чистоты и свѣта". Къ счастью, на выручку явился откуда-то и самъ Барросъ. Онъ заговорилъ, также какъ и mrs. Potter Palmer, по-французски. Я выразилъ ему приблизительно тѣ-же мысли, что и Бонету при свиданіи у Глуховского; но онъ, видимо, былъ не особенно доволенъ тѣмъ, что изъ Петербурга ему ничего не отвѣтили на его представленіе. Многіе изъ присутствующихъ, совершенно мнѣ незнакомые, и джельтмены и лэди, подходили ко мнѣ и жали руку, называя свои имена. Приходилось направо и налѣво отвѣшивать поклоны и здороваться съ совершенно незнакомыми мнѣ лицами. Здѣсь же былъ и преосвященный Діонисій съ своею свитою—священникомъ Фломбонисомъ и іеродіакономъ Гомеромъ. Духота, однакоже, была страшная, движенія почти никакого, ибо это все было запружено народомъ. Едва добрались мы до выхода и до

своей кареты. Съ облегченнымъ сердцемъ оставилъ я этотъ соборъ, который походилъ скорѣе на толкучій рынокъ, нежели на собраніе въ собственномъ смыслѣ,—съ облегченнымъ сердцемъ, говорю, оставилъ, и, во-первыхъ, потому, что выполнилъ долгъ вѣжливости, во-вторыхъ—избавился совершенно приличнымъ образомъ отъ излишней тяготы и, наконецъ—почувствовалъ дыханіе свѣжаго ночного воздуха...

На другой день ровно въ 6 ч. вечера мы оставили Чикаго, взявши путь на Канзасъ-Сити, Колорадо, Солтъ-Лайкъ, Огденъ и Сакраменто... Шелъ дождь— первый послѣ двухмѣсячной засухи! Такимъ образомъ—и пріѣхали подъ дождемъ, и уѣхали подъ нимъ же.

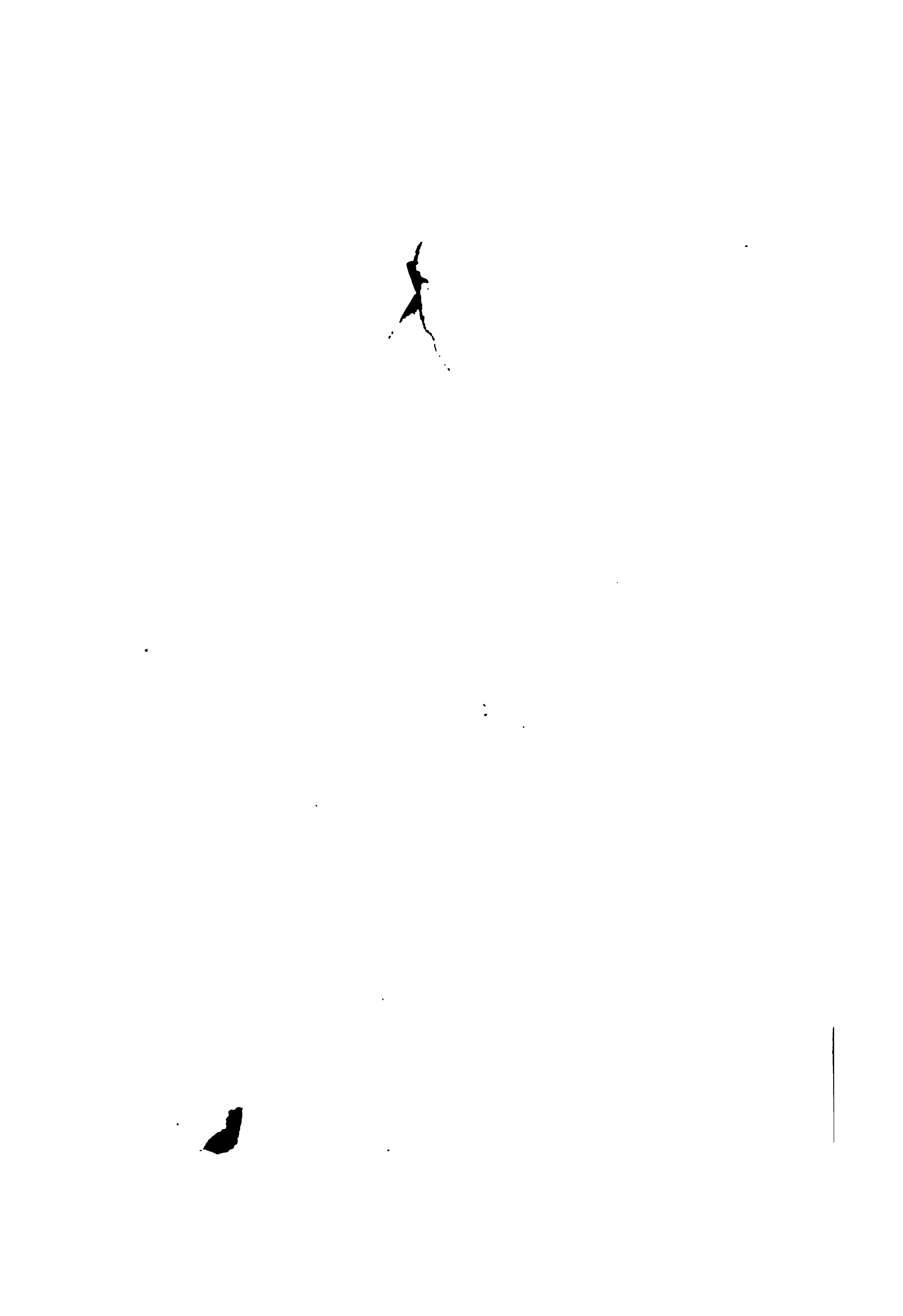
Николай, епископъ Алеутскій и Аляскинскій.

Санъ-Франциско.
1893 г. 31 декабря.

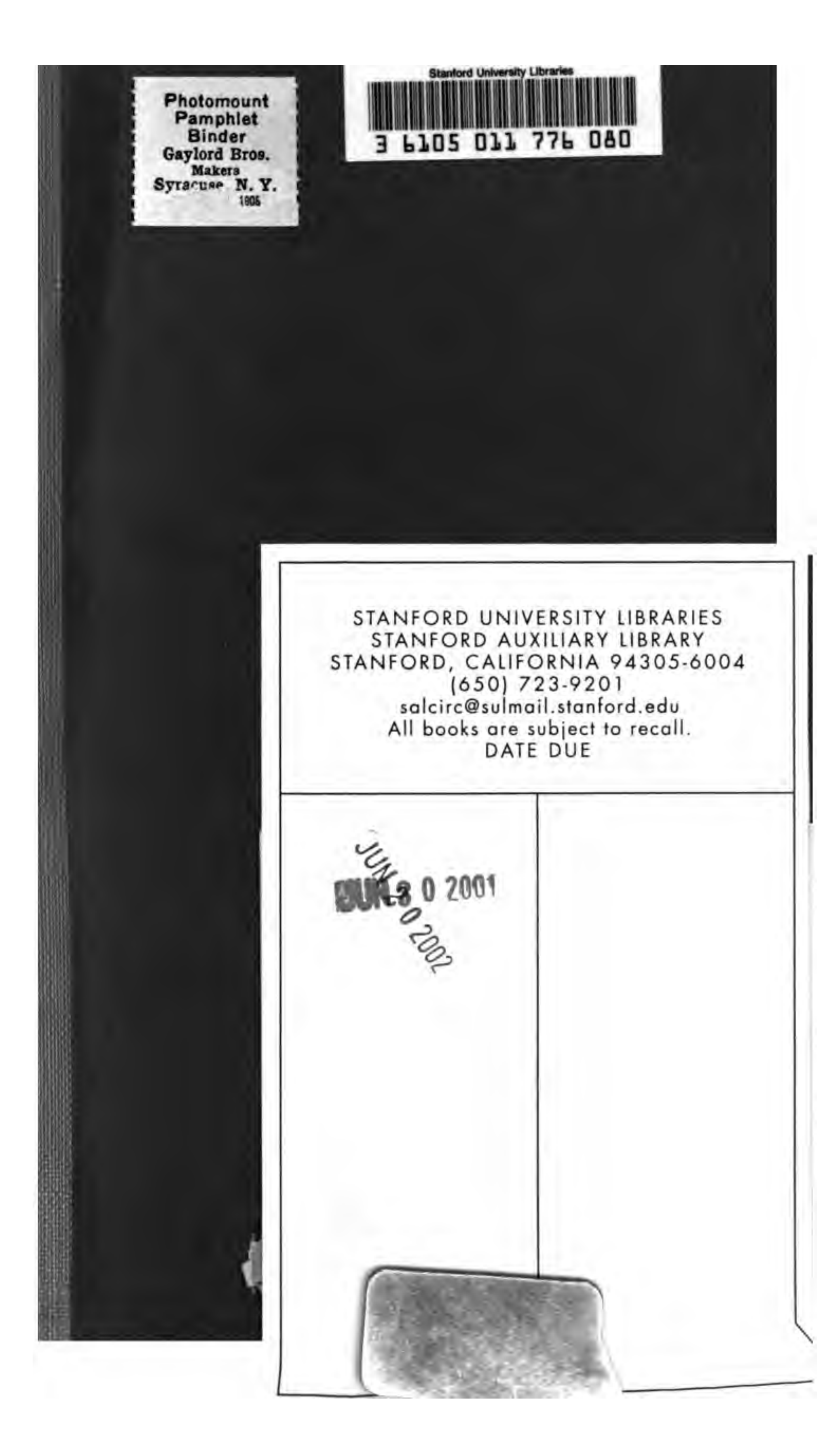
Изъ журнала „Церковныя Вѣдомости“, издаваемаго при Святѣйшемъ Сунодѣ №№ 11—15, 1894 года.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 10 апрѣля 1894 г.
Каѳедральный Протоіерей **Петръ Смирновъ**.

Сунодальная Типографія.

Цѣна 30 коп.

Photomount
Pamphlet
Binder
Gaylord Bros.
Makers
Syracuse N. Y.
Stanford University Libraries
3 6105 011 776 080
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD AUXILIARY LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-9201
salcirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.
DATE DUE
JUN 3 0 2001
JUN 3 0 2002

